

Н. А. МАЖИТОВ

БАХМУТИНСКАЯ
КУЛЬТУРА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УФИМСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Н. А. МАЖИТОВ

БАХМУТИНСКАЯ КУЛЬТУРА

*Этническая история населения
Северной Башкирии
середины I тысячелетия нашей эры*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1968

I тысячелетие н. э.— время великого переселения народов. Этот сложный исторический период оставил яркий отпечаток на характере археологического материала с территории Башкирии, находившейся на пути движения кочевников на запад.

Книга поможет детальному изучению отдельных этнических групп, истории их расселения, а также происходивших в то время на Южном Урале этногенетических процессов, приведших к образованию башкирской народности.

Автор, привлекая большой археологический материал, подробно исследует бахмутинскую культуру, принадлежащую крупному объединению родственных по происхождению племен Северной Башкирии в середине I тыс. н. э. В работе использованы также в качестве аналогий материалы археологических памятников прилегающих территорий.

Книга рассчитана на историков, археологов, ее с интересом прочтут все, кто изучает древности Южного Урала.

Ответственный редактор

В. В. КРОПОТКИН

ВВЕДЕНИЕ

Середина I тысячелетия н. э. совпадает со временем великого переселения народов, охватившего широкие просторы от азиатских степей до Центральной Европы. Этот сложный историческими событиями период оставил яркий отпечаток на характере археологического материала с территории Башкирии, находившейся на пути движения кочевников на запад. Здесь сейчас выявлено несколько самостоятельных комплексов археологических памятников, каждый из которых связан с определенной группой племен. Происхождение некоторых типов памятников пока не совсем ясно, но все вместе они свидетельствуют о крайней этнокультурной пестроте населения Башкирии в середине I тысячелетия н. э.

Детальное изучение отдельных этнических групп, истории их расселения и взаимоотношений поможет полнее представить характер происходивших в то время на Южном Урале этногенетических процессов, приведших в конечном итоге к образованию башкирской народности.

Бахмутинская культура принадлежит крупному объединению родственных по происхождению племен, составлявших основное население Северной Башкирии в I тысячелетии н. э. Будучи очень большой этнической группой, бахмутинские племена сыграли важную роль в раннесредневековой истории Башкирии. Но несмотря на это, бахмутинская культура до недавнего времени являлась одной из самых малоисследованных. Памятники ее до последнего десятилетия изучались лишь эпизодически, и поэтому она имеет сравнительно небольшую историографию.

Первые сведения о памятниках бахмутинской культуры относятся к XVIII в. и связаны с именем П. Рычкова, который во время своего путешествия по восточным губерниям России посетил Кара-Абызовское, Бирское, Сарвихинское и другие городища, расположенные по р. Белой, и дал их внешнее описание (1762, стр. 201 и др.). Некоторые из открытых П. Рычковым памятников (Кара-Абызовское, Чертово городище) впоследствии были вновь обследованы Р. Игнатьевым (1869, стр. 1—2) и

Ф. Д. Нефедовым (1899, стр. 51 и др.). В начале нынешнего столетия на территории северо-западной Башкирии небольшие археологические разведки произвел известный русский археолог А. А. Спицын, который описал Бирское, Костаревское, Дюртюлинское городища (1916, стр. 89—90).

Последующие исследования памятников бахмутинской культуры связаны главным образом с Бахмутинским могильником. Этот могильник был известен еще в конце XIX в. По-видимому, к этому времени относятся и сборы подъемного материала на могильнике, которые вели местные жители Пинегин и Морозов. Собранные ими многочисленные бронзовые, серебряные и железные предметы хранятся в фондах Уфимского краеведческого музея.

В 1911—1912 гг. Бахмутинский могильник был исследован В. В. Гольмстен и Д. Н. Эдингем, которым удалось собрать небольшой вещественный материал из погребений. О характере произведенных ими полевых работ на этом памятнике никаких данных не сохранилось. Коллекции вещей, весьма плохо документированных, без распределения на погребения, поступили в Государственный исторический музей в Москве.

Следует также упомянуть имя местного краеведа М. И. Касьянова, впервые обследовавшего Чандарское селище, городище Соколиный Камень и ряд других местонахождений памятников бахмутинской культуры. В 1920 г. М. И. Касьянов вскрыл несколько погребений на Бахмутинском могильнике и собрал богатый подъемный материал на ранее разрушенных погребениях.

В 1928 г. Бахмутинский могильник посетила археологическая экспедиция Академии наук СССР под руководством известного уральского археолога А. В. Шмидта. Эта экспедиция вскрыла около 30 погребений и вновь обследовала Чандарское селище, городище Соколиный Камень на р. Уфе и Кара-Абызовское городище на р. Белой. Этим перечнем в основном и исчерпываются все полевые работы по изучению памятников бахмутинской культуры, которые предпринимались до 50-х годов.

Значительные полевые работы по исследованию памятников бахмутинской культуры на территории Среднего Прикамья в 50-х годах проводил В. Ф. Генинг. Он, в частности, раскопал Мазунинский, Сайгатский, Ижевский могильники, городище Чеганда II, открыл более десятка поселений. Несколько бахмутинских поселений на юге Пермской области (городище Сандияк) было обследовано отрядом археологической экспедиции Пермского университета под руководством И. С. Поносовой.

Из литературных источников следует упомянуть работу А. В. Шмидта «Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР» (1929), в которой подводятся научные итоги всем полевым исследованиям на территории Башкирии. При изучении материалов раскопок Бахмутинского могильника, городища Соколиный Камень и Чандарского селища А. В. Шмидт об-

ратил внимание на их близкое сходство; он первый также заметил, что памятники с аналогичным инвентарем встречаются в низовьях рек Белой (Дюртюлинское, Бирское городища), Уфы (Никольский могильник, Охлыстинские находки) и Средней Камы, в районе бывшего Сарапульского округа. Учитывая большую близость вещественного материала памятников этих районов, А. В. Шмидт объединил их в одну археологическую культуру под названием бахмутинская и датировал ее V—VII вв. Но ограниченность фактического материала не позволила исследователю уделить должное внимание особенностям материалов бахмутинских памятников, их датировке и территории распространения. Высказанные соображения он рассматривал как предварительные, полагая, что последующие исследования внесут новые дополнения. Неполно освещены в работе А. В. Шмидта хозяйство и общественный строй носителей бахмутинской культуры, а вопрос об их происхождении совершенно не затронут.

Изучением истории бахмутинских племен на протяжении нескольких лет занимался Р. А. Ахмеров, автор многих работ по археологии Башкирии. Приняв основные выводы А. В. Шмидта, Р. Б. Ахмеров в то же время обратил внимание на местный характер возникновения бахмутинской культуры. Однако в работах Р. Б. Ахмерова имеется ряд неточных предположений. Так, например, он ошибочно отнес к памятникам бахмутинской культуры некоторые могильники на территории Уфы (район Башмединститута), оставленные пришлыми в IV в. племенами южного происхождения (1951). На этом основании Р. Б. Ахмеров склонен был считать, что этнический состав населения Башкирии в I тысячелетии н. э. был в основном однородным и состоял из племен бахмутинской культуры. Сам же процесс сложения бахмутинской культуры он рассматривал как развитие культуры местных племен, испытавших в некоторой степени влияние соседних племен (1951, стр. 135—136).

Примерно такого же мнения придерживается и А. П. Смирнов, уделивший в своей монографии «Железный век Башкирии» (1957) значительное место изучению истории бахмутинских племен (стр. 50—69). Если в своих ранних работах по истории Прикамья и Западного Приуралья памятники типа Бахмутинского могильника А. П. Смирнов рассматривал как локальный вариант одной обширной пьяноборской культуры (1952, стр. 70, 81), то в последней работе он присоединяется к мнению А. В. Шмидта и Р. Б. Ахмерова, выделивших их в особую культуру.

Плохая изученность памятников не позволила этим авторам дать подробную характеристику материальной культуры бахмутинских племен, а также решить вопросы, связанные с особенностями происхождения и территориальным расселением бахмутинцев. Однако это не снижает ценности указанных работ в исследовании проблемы бахмутинской культуры и древней истории Башкирии в целом.

Бахмутинская культура занимает значительное место в работах В. Ф. Генинга (1958, 1959, 1961, 1961а, 1964). По его мнению, она была распространена только на территории Башкирии и сложилась в результате переселения сюда на рубеже II—III вв. части южносибирского населения. Среднекамские памятники, очень сходные по составу материала с башкирскими, он выделяет в отдельную археологическую культуру, подчеркнув тем самым самостоятельность ее происхождения и этнической принадлежности. Как видим, выводы В. Ф. Генинга существенно отличаются от исследований предшествующих авторов, но вызывают они большие споры особенно в свете вновь накопленных материалов по бахмутинской культуре.

Ввиду важности поставленных вопросов на анализе выводов указанного автора мы подробнее остановимся в соответствующих разделах настоящей работы.

В последние годы археологические исследования на территории Башкирии увеличились. Этому в значительной степени благоприятствовало создание в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР сектора археологии и этнографии, который стал научным центром, координирующим все археологические исследования в республике, а также организация Институтом археологии АН СССР Башкирской археологической экспедиции под руководством ныне покойной А. В. Збруевой. В 1955—1960 гг. разведочный отряд этой экспедиции, руководимый А. П. Шокуровым, обследовал все нижнее и среднее течение р. Белой и выявил сотни новых памятников, среди которых много поселений и могильников бахмутинской культуры.

Значительные полевые работы по изучению памятников материальной культуры бахмутинских племен были проведены археологическими экспедициями ИИЯЛ БФАН СССР в 1956—1962 гг., в которых принимал участие и автор настоящей монографии.

В 1956—1957 гг. экспедиция обследовала группу бахмутинских памятников в северных районах Башкирии, в том числе Юмакаевское и Кансиярское городища. В 1958 г. раскопано было поселение Ново-Турбаслинское II, где вскрыты остатки пяти жилищ бахмутинских племен. В этом же году были начаты раскопки Бирского могильника, которые продолжались в больших масштабах в 1959—1960 и в 1962 гг. За четыре полевых сезона на этом могильнике исследовано более 200 погребений, давших очень богатый материал по истории бахмутинских племен. В 1959 г. был обследован Каратамакский могильник, а в 1960 г. возобновлены раскопочные работы на Бахмутинском могильнике. Помимо указанных памятников, археологические экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР и ИА АН СССР обследовали многочисленные бахмутинские городища и открытые поселения по побережью рек Белой и Уфы. В результате к настоящему времени

накоплен обширный материал, обогащающий наши представления об истории племен — носителей бахмутинской культуры.

Одновременно с раскопками бахмутинских могильников и поселений археологические экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР вели исследования памятников пьяноборской и турбаслинской культур. Из памятников пьяноборских племен, обитавших в Северной Башкирии на рубеже нашей эры, были исследованы Чиатавский, Камышлы-Тамакский, II и III Уфимские могильники, Бирское городище и другие. Несколько других пьяноборских памятников (Биктимировский могильник и городище, Охлебининский могильник и городище) на территории Башкирии в 1962—1965 гг. были исследованы А. Х. Пшеничным.

Турбаслинская культура в Башкирии открыта в последние годы. Она принадлежит племенам, которые проникли в Центральную Башкирию в эпоху великого переселения народов на рубеже IV—V вв. и оказали заметное этнокультурное влияние на коренное население. Наиболее изученными и характерными памятниками турбаслинской культуры являются могильники типа Ново-Турбаслинских и Уфимских курганов, раскопанных в 1957—1960 гг.

Раскопки пьяноборских и турбаслинских памятников дали новый дополнительный материал, позволяющий полнее представить особенности развития культуры бахмутинских племен, а также в некоторой степени уяснить характер этнических процессов, которые происходили на территории Башкирии в I тысячелетии н. э.

В настоящее время известно около 200 памятников бахмутинской культуры. Картографирование этих памятников дает четкую картину о территории расселения бахмутинских племен, которая в основном локализуется в Северной Башкирии с прилегающими сюда районами Пермской области и на Средней Каме (рис. 1) ¹.

Большинство известных бахмутинских памятников составляют городища и открытые поселения. Однако наиболее изучены в настоящее время могильники. Поселения же, за исключением Ново-Турбаслинского II, Уфимского II, Кансярского и Бирского городищ, исследованы лишь разведочными шурфами. В найденном материале преобладают глиняные сосуды с мелким круглоямочным орнаментом по всей наружной поверхности. Но ввиду плохой изученности поселений, керамический материал плохо датируется и, следовательно, не может быть положен в основу периодизации всей исследуемой культуры. Этот пробел восполняется материалами из могильников, дающими представление об

¹ Настоящая карта неполная, она показывает лишь основные контуры территории распространения бахмутинской культуры. В частности на ней отражено более 80 поселений и могильников, открытых археологической экспедицией 1967 г. в северных районах Башкирии.

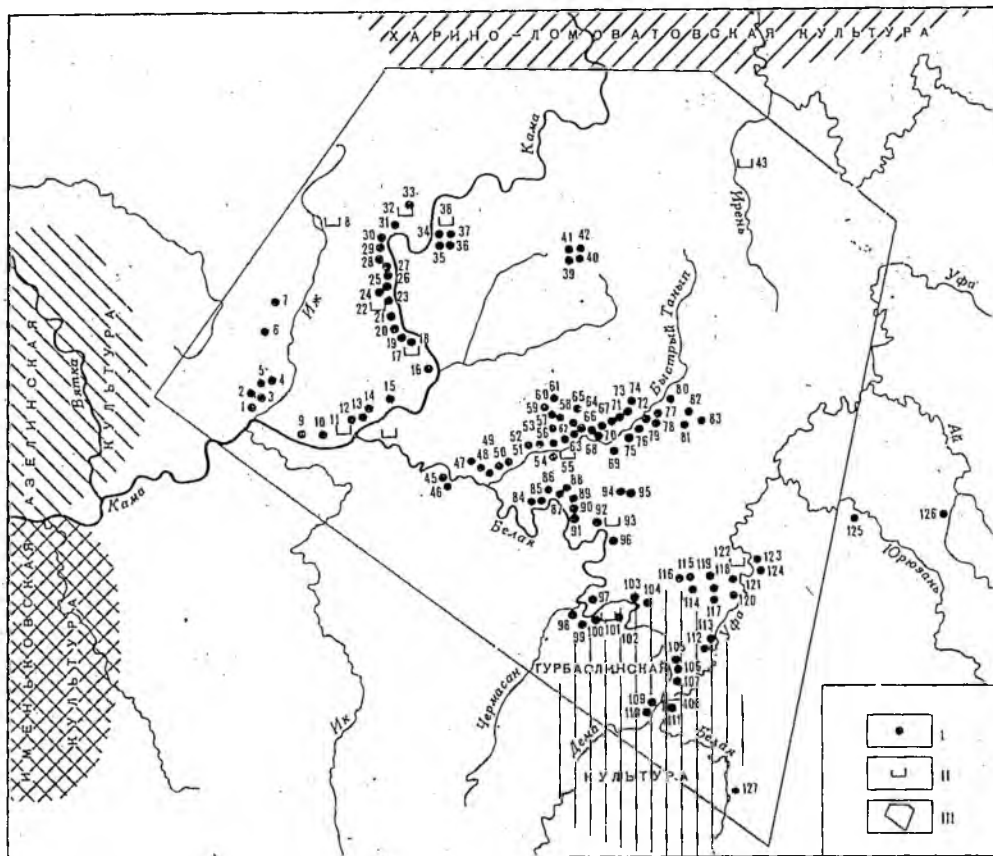

Рис. 1. Памятники бахмутинской культуры с использованием материалов В. Ф. Генинга)
 I — поселения; II — могильники; III — примерная граница распространения бахмутинской культуры

1 — Кузбасское I; 2 — Кузбасское; 3 — Кузбасское II; 4 — Варзи-Ятчинское; 5 — Варзи-Ятчинское; 6 — Омбуфское; 7 — Бобь-Учинское; 8 — Ижевский; 9 — М. Малюкское; 10 — III Ныргыдинское; 11 — Быргыдинский; 12 — Быргыдинское I; 13 — Чеганда I; 14 — Чеганда II; 15 — Партизанское; 16 — Галданское; 17 — Мазунинский; 18 — Мазунинское; 19 — Механовское; 20 — Непряхинское; 21 — Саранулское; 22 — I Саранулский; 23 — Чулпихинское; 24 — Яремаское; 25 — Дулесовское; 26 — Дулесовское; 27 — Дуванцанское; 28 — Нецкинское; 29 — I Макаровское; 30 — II Макаровское; 31 — Колоновское; 32 — Нивский; 33 — Первозное; 34 — Сайтатский; 35 — Сайтатское; 36 — I Ольховское; 37 — II Ольховское; 38 — III Ольховское; 39 — Сандикское; 40 — Сандяк; 41 — Куденское; 42 — Куденское; 43 — Каяновский; 44 — Кабловский; 45 — Юлдашевское; 46 — Андреевское; 47 — Тапталатку; 48 — Кахры-Куль; 49 — Кахры-Куль; 50 — Комалешевское; 51 — Вацула; 52 — Барызы; 53 — Барызы; 54 — Каратамакский; 55 — Каратамакское; 56 — Юсуповское; 57 — Вуртукское; 58 — Вуртукское; 59 — Краснохолмское; 60 — I Куяновское; 61 — I Куяновское; 62 — II Куяновское; 63 — Кугарчинское; 64 — I Тойкинское; 65 — II Тойкинское; 66 — Чиниминское; 67 — В. Качанское; 68 — Юмакеевское; 69 — Тазааровское; 70 — Юмакеевское; 71 — Туубаевское; 72 — Кансайрское; Каргалинское; 73 — Киричное; 74 — Ново-Карское; 75 — Алтаевское; 76 — I Алтаевское; 77 — II Алтаевское; 78 — Тибелевское; 79 — Н.-Дуртоковское; 80 — Кузбасское; 81 — Кизилтинское; 82 — Афанасьевское; 83 — Сандугачевское; 84 — Мадьякское; 85 — Вурношское; 86 — Вурношское; 87 — Камилевское; 88 — I Ново-Витновское; 89 — II Ново-Витновское; 90 — Кваанцевское; 91 — Н.-Ельдякское; 92 — Вирское; 93 — Вирский; 94 — Камеевское; 95 — Камеевское; 96 — Костаревское; 97 — Горновское; 98 — Кушаренковское; 99 — Кушаренковское; 100 — Кувышское; 101 — Кувышский; 102 — I Кувышское; 103 — Дунаевское; 104 — Ильинское; 105 — Каарабаское; 106 — Ново-Турбаслинское I; 107 — Ново-Турбаслинское II; 108 — на ул. Зеленой; 109 — I Романовское; 110 — Уфа II; 111 — Юнар; 112 — с. Варьязское; 113 — г. Варьязское; 114 — I Орловское; 115 — II Орловское; 116 — Садовское; 117 — Алматовское; 118 — Казанковское; 119 — Дмитриевское; 120 — Важенское; 121 — Ахлыстинские находки; 122 — М. Бахмутинский; 124 — Сокольный камень; 125 — Чандар; 126 — Турналинское; 127 — Юрмашевское

основных сторонах материальной и духовной культуры бахмутинцев.

Исследование бахмутинских памятников позволяет наметить в историческом развитии бахмутинских племен два важных этапа, которые мы условно называем ранним (II—IV вв.) и поздним (V—VII вв.). Поэтому и памятники материальной культуры бахмутинских племен подразделяются в работе на ранние и поздние. Следует подчеркнуть, что такая периодизация бахмутинской культуры в какой-то степени отражает характер развития истории населения всего Западного Приуралья в середине I тысячелетия н. э.

Бахмутинская культура в хронологическом отношении охватывает середину I тысячелетия нашей эры, богатую сложными историческими событиями. Поэтому для полноты освещения всех затронутых вопросов в работе использованы в качестве аналогий материалы археологических памятников прилегающих территорий. С этой целью автор познакомился с археологическими коллекциями I тысячелетия н. э., хранящимися в фондах Ижевского, Пермского, Челябинского и Омского краеведческих музеев, Археологического музея Пермского университета и частично Государственного Эрмитажа в Ленинграде, а также с многочисленными публикациями археологических материалов по данной теме.

В настоящей работе отсутствует характеристика хозяйства, общественного строя и культурно-торговых связей бахмутинских племен. Исследованию этих вопросов автор посвятит отдельную работу.

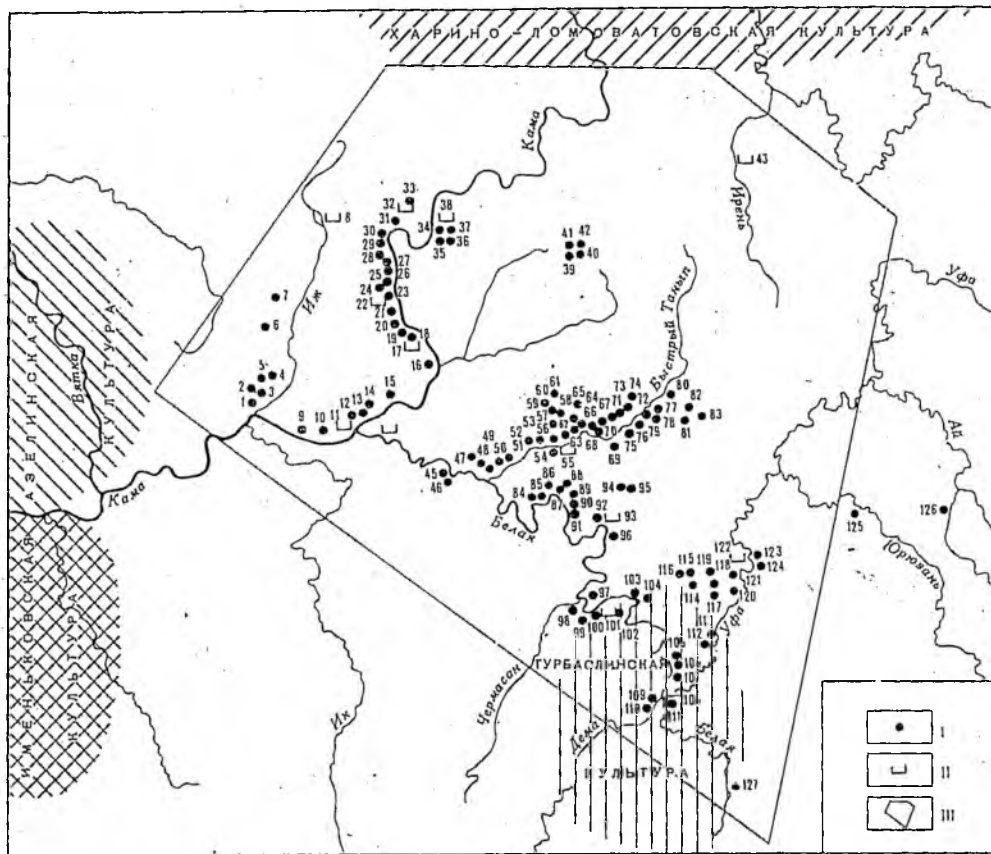

Рис. 1. Памятники бахмутинской культуры с использованием материалов В. Ф. Генинга)
 I — поселения; II — могильники; III — примерная граница распространения бахмутинской культуры

1 — Кузубаевское I; 2 — Кузубаевское; 3 — Кузубаевское II; 4 — Варзи-Ятчинское; 5 — Варзи-Ятчинское; 6 — Ожбуйское; 7 — Бобья-Учинское; 8 — Ижевский; 9 — М. Маликонское; 10 — III Нырғыдинское; 11 — Быргыдинский; 12 — Быргыдинское I; 13 — Чеганда I; 14 — Чеганда II; 15 — Партизанское; 16 — Галановское; 17 — Мазунинский; 18 — Мазунинское; 19 — Межновское; 20 — Непряхинское; 21 — Сарапульское; 22 — I Сарапульский; 23 — Чупихинское; 24 — Яремасское; 25 — Дулесовское; 26 — Дулесовское; 27 — Дуванайское; 28 — Нечкинское; 29 — I Макаровское; 30 — II Макаровское; 31 — Колышевское; 32 — Нивский; 33 — Перевозное; 34 — Сайгатский; 35 — Сайгатское; 36 — I Ольховское; 37 — II Ольховское; 38 — III Ольховское; 39 — Сандиякское; 40 — Сандияк; 41 — Куединское; 42 — Куединское; 43 — Каяновский; 44 — Кабановский; 45 — Юлдашевское; 46 — Андреевское; 47 — Тавталачук; 48 — Какры-Куль; 49 — Какры-Куль; 50 — Кодашевское; 51 — Вачула; 52 — Барьязы; 53 — Барьязы; 54 — Каратамакское; 55 — Каратамакский; 56 — Юсуповское; 57 — Буртюкское; 58 — Краснохолмское; 59 — Краснохолмское; 60 — I Куяновское; 61 — I Куяновское; 62 — II Куяновское; 63 — Кугарчинское; 64 — I Тойкинское; 65 — II Тойкинское; 66 — Чишминское; 67 — В. Качанское; 68 — Юмакаевское; 69 — Тазларовское; 70 — Юмакаевское; 71 — Тугубаевское; 72 — Кансыярское; Каргалинское; 73 — Кирпичное; 74 — Ново-Карское; 75 — Алтаевское; 76 — I Алтаевское; 77 — II Алтаевское; 78 — Тибелевское; 79 — Н.-Дуртюковское; 80 — Кузубаевское; 81 — Кизгазинское; 82 — Афанасьевское; 83 — Сандугачевское; 84 — Маядыкское; 85 — Бурнюшское; 86 — Бурнюшское; 87 — Кампьевское; 88 — I Ново-Биктовское; 89 — II Ново-Биктовское; 90 — Казанцевское; 91 — Н.-Ельдякское; 92 — Бирское; 93 — Бирский; 94 — Камеевское; 95 — Камеевское; 96 — Костаревское; 97 — Горновское; 98 — Кушнарениковское; 99 — Кушнарениковское; 100 — Кувывковское; 101 — Кувывковский; 102 — Кувывковское; 103 — Дуванейское; 104 — Ильинское; 105 — Каарабызское; 106 — Ново-Турбаслинское I; 107 — Ново-Турбаслинское II; 108 — на ул. Зенцова; 109 — I Романовское; 110 — Уфа II; 111 — Юнар; 112 — с. Варьяское; 113 — г. Варьяское; 114 — I Орловское; 115 — II Орловское; 116 — Садовское; 117 — Алматовское; 118 — Казанковское; 119 — Дмитриевское; 120 — Важеное; 121 — Ахлыстинские находки; 122 — М. Бахмутинский; 124 — Соколинный камень; 125 — Чандар; 126 — Турналинское; 127 — Юрмашевское

Глава I

РАННИЕ ПАМЯТНИКИ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Наиболее изученным памятником бахмутинской культуры, в котором довольно полно представлены материалы двух ее этапов, в настоящее время является Бирский могильник. Этот могильник как по занимаемой площади (более 30 000 м²), так и по сохранности многих погребений,— один из самых интересных памятников бахмутинских племен, имеющих важное значение для изучения их истории.

Могильник расположен вблизи г. Бирска, на высоком правом берегу р. Белой, по правую сторону дороги, ведущей из города в урочище Святой Ключ; в настоящее время эта территория принадлежит Бирскому плодово-ягодному совхозу. В археологической литературе могильник известен с 1902 г.— со времени опубликования Н. Бульчевым материалов, случайно обнаруженных им во время земляных работ (Бульчев, 1902). Научные исследования памятника начались в 1958 г. археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР. Накануне приезда экспедиции на территории могильника были высажены яблони и вырыта длинная траншея, проходящая в южном направлении от края оврага. Траншея на расстоянии более 500 м перерезала человеческие захоронения, часть которых была исследована в том же году. В последующие два года на могильнике было раскопано более 200 погребений, что составляет примерно $\frac{1}{5}$ часть его территории (рис. 2).

Все погребения могильника грунтовые, одиночные, ориентированы на северо-запад и очень редко — на запад и север; располагаются погребения довольно густо. Никаких внешних признаков на поверхности земли погребения не имеют. Захоронения на могильнике производились в течение очень длительного времени — примерно 4—5 столетий, и тем не менее мы не зафиксировали ни одного случая, когда одно погребение разрушало бы другое. Следовательно, население, оставившее могильник, четко знало местоположение ранее совершенных погребений, что было возможно только при наличии деревянных или других надмогильных сооружений. В погребении 21, на дне могилы,

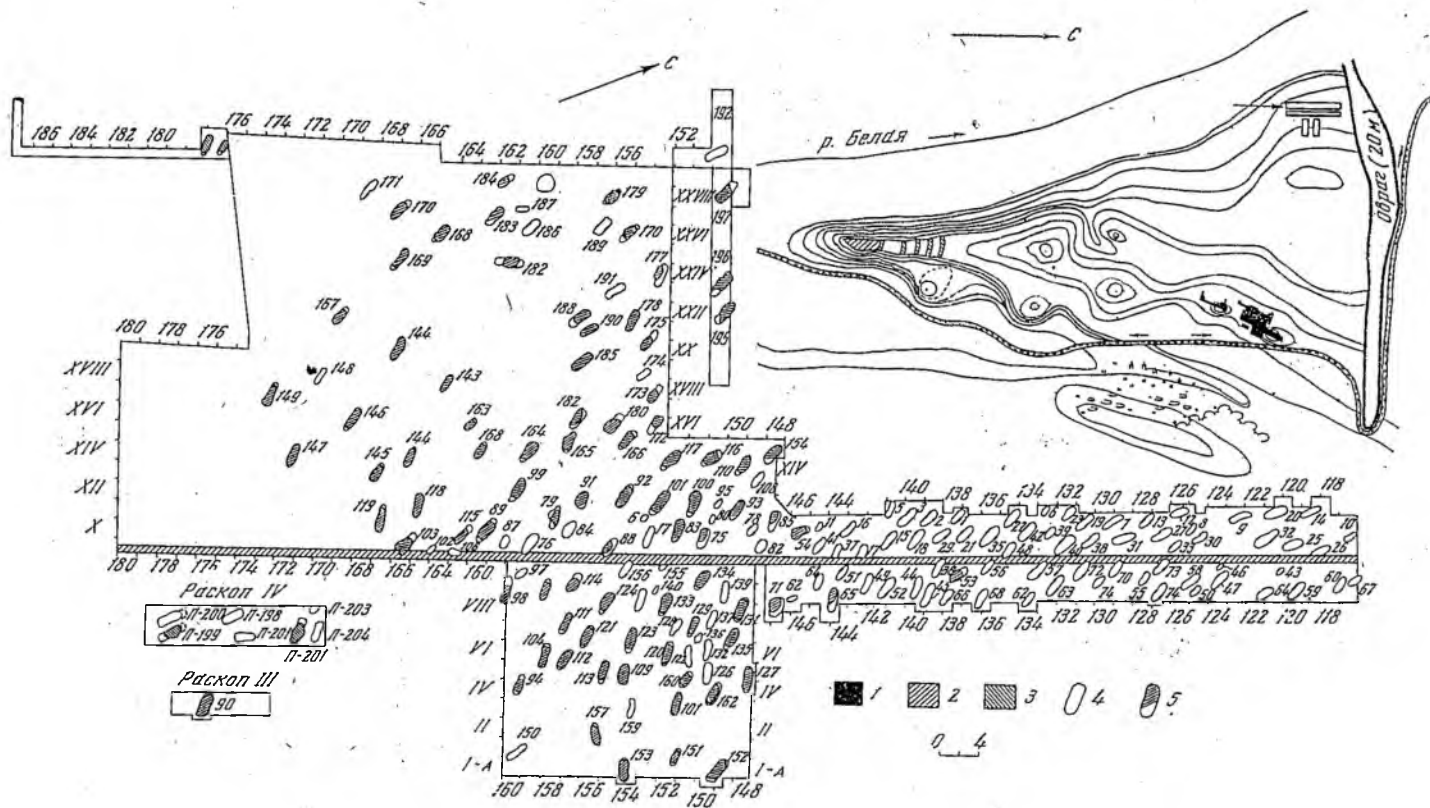

Рис. 2. План Бирского могильника и городища

1 — раскоп; 2 — площадь городища; 3 — вал; 4 — очертание могильных ям; 5 — очертания могильных ям с грабительским вкопом

в изголовье костяка, обнаружена круглая яма диаметром не более 10 см. Возможно, это след деревянного столба, служившего своего рода надмогильным памятником.

Для такого могильника, как Бирский, очень важно установить порядок захоронения, выделить характерные для каждой эпохи группы погребений. Поэтому при изучении материалов этого памятника мы пользовались методом корреляционного анализа (культурная стратиграфия), который был впервые разработан П. П. Ефименко (1926) и успешно применялся многими археологами (Третьяков, 1931 и др.).

Метод культурной стратиграфии позволяет выделить в погребениях четыре хронологически последовательных группы (А, Б, В, Г), которые показаны в табл. 1. Погребения первых двух групп относятся к раннему этапу существования могильника, они обнаруживают очень близкое сходство в обрядах и инвентаре, и поэтому выделение их в самостоятельные группы очень условно. Раскопками выявлено, что ранние погребения находятся только в северной части могильника, в то время как поздние сосредоточены главным образом в южной.

К ранним погребениям, датируемым II—IV вв., относятся более 50 погребений, отличающихся довольно однообразными обрядовыми приемами захоронения. Умершие лежат на дне неглубоких (0,40—1 м) могильных ям удлиненной формы с закругленными углами и вертикальными или слегка сужающимися ко дну стенками. Захоронения, по-видимому, совершались в деревянном гробу или на настиле, о чем свидетельствуют следы сгнившего дерева, обнаруженные под некоторыми костяками.

Ранние погребения Бирского могильника отличаются от поздних сравнительно бедным и однообразным инвентарем, в котором преобладают женские украшения. В большинстве женских погребений найдены височные подвески из бронзы, реже — железа, имеющие форму прямого стержня, нижний конец которого оканчивается большим сомкнутым кругом, а верхний — крючком или петлей для подвешивания. Стержень подвесок во всю длину обматывался тонкой бронзовой проволокой в виде спирали, а на нижний конец стержня насаживалась крупная бусина из красного, белого, темно-серого, иногда зеленоватого стекла (табл. 2, 3—5). Среди височных подвесок попадаются редкие формы, изготовленные из двух тонких витых бронзовых проволок (табл. 2, 1). Подвески прикреплялись к головным уборам попарно у височных костей, чем и объясняется то обстоятельство, что в женских погребениях лежит, как правило, по несколько таких подвесок (рис. 3).

Для рассматриваемой группы погребений Бирского могильника очень характерными являются ожерелья, составленные из мелких стеклянных бусин бисерного типа (табл. 4а). В составе ожерелий бусины желтого (табл. 4, 6—9; 1324 экз., 38%), темно-синего, голубого (табл. 4, 11—13; 933 экз., 26,6%), красного

Рис. 3. Деталь погребения № 18. Бирский могильник. Фото.

(табл. 4, 1, 2; 812 экз., 23%), белого (табл. 4, 25; 274 экз., 7,7%), зеленого (табл. 4, 19, 20; 56 экз., 1,6%) цветов. Важно отметить, что мелкие рубленные бусины из желтого, темно-синего, красного и темно-зеленого стекла в ожерельях сопровождаются (табл. 4а) редкими экземплярами (менее 1%) круглых цилиндрических (табл. 4, 3, 10, 14, 17, 18, 21), круглых плоских (табл. 4, 5, 16) и круглых средних размеров бусин из такого же материала (табл. 4, 23, 24), а также небольшими многогранными (табл. 4, 9, 39) и биконическими (табл. 4, 15) бусинами из темно-синего стекла. В составе ожерелий, как редкое исключение, встречаются стеклянные глазчатые, полосатые и каменные бусины. Некоторые из них, как, например, полосатые, благодаря оригинальным формам могут служить хронологическим признаком.

Глазчатых найдено 5. Все они маленьких размеров, три из них круглые, темно-синего цвета с белыми глазками, одна из красного стекла (табл. 4, 29). Пятая бусина имеет форму кирпича и изготовлена из красного стекла с одной вставкой разноцветного камня, выступающей на поверхности (табл. 4, 4).

Среди полосатых встречаются круглые плоские с бело-синими полосами с одним соединяющим их глазком в центре (табл. 4, 27) и другие формы (табл. 4, 26, 28).

Из каменных бусин найдены одна плоская многогранная из красного сердолика и две сердоликовые молочного цвета (табл. 4, 47).

Во многих ранних погребениях Бирского могильника вместе с ожерельями встречены крупные округлые подвески с ушками

сбоку, (табл. 2, 25, 26) или круглым отверстием в центре (табл. 2, 27, 28), изготовленные из круглых раковин.

В погребениях частыми находками являются бронзовые проволочные серьги (табл. 2, 2, 6—8, 11), иногда с напускными бусинами (табл. 2, 13), браслеты с сомкнутыми (табл. 14, 11) или заходящими друг за друга концами (табл. 14, 12), пластинчатые перстни (табл. 2, 9, 10), круглые бляшки с ушками на обороте или без них (табл. 6, 1—4), литые колокольчики (табл. 2, 23, 24), отлитые из бронзы сильно стилизованные фигурки медведя (табл. 7, 1—4), которые служили подвесками и имели культовое назначение. Некоторые фигурки в погребения клялись с одной отломанной ногой (табл. 7, 1, 2), что, видимо, преследовало определенную религиозную цель. В погребениях вместе с указанными предметами нередко встречаются целые или в обломках бронзовые бляхи (табл. 10, 1, 2), шейные гривны из бронзы (табл. 11, 6; 14, 4, 5). В четырех погребениях были найдены по одной фибуле, представляющей два варианта арбалетообразных фибул. Две из них имеют высокие изогнутые проволочные дужки, а ножки расплющены и загнуты, образуя приемник для иголки (табл. 8, 3, 4). Остальные две фибулы относятся к типу фибул с подвязанным приемником (табл. 8, 5; 13, 3). Любопытна находка бронзовой вогнутой в середине пластинки, на расширяющихся концах которой имеется по одному круглому отверстию для железного шпенька (табл. 8, 9). Назначение ее не установлено, однако можно предположить, что эта пластинка фибулы, иголка и приемник которой укреплялись на концах, где находились круглые отверстия. К категории фибул относятся также бронзовые пластинчатые застежки с завернутыми в трубку концами и подвижным язычком, найденные в нескольких погребениях (табл. 8, 1, 2, 6).

В большом количестве представлены пряжки поясных ремней, которые могут быть подразделены на несколько типов. Самыми распространенными и, следовательно, характерными для ранней группы погребений Бирского могильника являются небольшие пряжки с круглыми передними кольцами и подвижными язычками (23 экз.; табл. 5, 1—6). Нередко встречаются проволочные пряжки из железа и бронзы с короткими, не выступающими за круг, подвижными язычками (табл. 5, 1). Вторую многочисленную группу составляют округлые пряжки с длинными изогнутыми язычками и короткими овальными щитками для прикрепления к ремню (9 экз.; табл. 5, 7, 8). К последующим двум типам, но уже менее распространенным, относятся пряжки с такой же передней частью, но с треугольными (5 экз.; табл. 5, 9, 11) и прямоугольными (3 экз.; табл. 5, 19) щитками. В ранних погребениях в единичных экземплярах встречаются проволочные В-образные пряжки со щитками или без них (табл. 5, 18, 21—23), узкие бронзовые наконечники (табл. 6, 7—12, 15) и накладки-бляшки, накладки (табл. 6, 1—4, 6) для ремней.

Рис. 4. Деталь погребения № 77. Бирский могильник. Фото

Предметы вооружения и орудия труда представлены небольшими наконечниками копий (табл. 3, 1, 2), проушными (табл. 3, 14, 15) и втульчатыми (табл. 3, 16) железными топорами, длинными костяными, ромбическими и треугольными в сечении наконечниками стрел с плоскими короткими черешками (табл. 3, 3—7), небольшими трехлопастными (табл. 3, 8) и гвоздевидными (табл. 3, 9, 10) наконечниками стрел из железа, железными конскими удилами с большими круглыми кольцами (табл. 3, 17). Частыми находками являются железные ножи, которые лежат, как правило, в области пояса (табл. 3, 11—13).

В ранних погребениях Бирского могильника очень мало глиняных сосудов, что, видимо, объясняется обрядовыми особенностями захоронений. Из всех ранних погребений только в пяти были найдены небольшие сосуды, сделанные из глины с примесью песка. Сосуд из погребения 31 имеет форму низкой чаши с округлым дном и плохо выраженной прямой шейкой (табл. 9, 2), другие сосуды (погребения 4, 19, 52, 53) с короткой слабо отогнутой шейкой и низким округлым туловом (табл. 9, 1, 3—5, 7). Сосуд из погребения 4 по плечу украшен двумя горизонтальными поясками зубчатого штампа (табл. 9, 6).

Примерно из 50 погребений группы А Бирского могильника антропологически изучены (М. С. Акимовой) 14 черепов. Из них пять (погребения 7, 13, 31, 53 и 73) определяются как женские, а остальные (погребения 1, 6, 19, 25, 32, 44, 45, 52, 59, 61) — как мужские. Кроме того, мужскими надо считать погребения

29, 31, 43, 47, 49, 59, 72, в которых были найдены железные втульчатые топоры и костяные наконечники стрел, не встречающиеся в женских погребениях. Женскими, по-видимому, являются погребения 6, 23, 28, 48, 53 и другие, в которых, кроме украшений, ничего не найдено.

Распределение могил по их половой принадлежности дало очень интересные результаты. В погребениях обоего пола очень часты находки женских украшений (бусы, височные подвески, серьги, браслеты и т. п.). В мужских погребениях украшения, как правило, расположены в кучах или в берестяных коробках сбоку от костяков. Украшения в женских погребениях обычно лежат там, где они носились при жизни погребенной. Эта деталь, характерная, как отмечалось выше, для всех могильников бахмутинской культуры, заставляет предполагать, что в мужские погребения украшения клались в качестве дара — жертвы, принесенной в честь умершего, в то время как в женских они составляли личный туалет погребенных.

Ранние погребения Бирского могильника представляют очень компактную, основанную на сходстве материала группу погребальных комплексов, и потому одновременность их не может вызвать никаких сомнений. Поздняя дата этих погребений довольно четко устанавливается на основании резкого различия состава инвентаря, которое наблюдается между ранними и поздними погребениями могильника. Поздние погребения Бирского могильника, как увидим дальше, по сравнению с ранними, более богаты материалом и на основании многих предметов — фибул, серег, бус, пряжек, браслетов и т. д., имеющих важное хронологическое значение, уверенно датируются V—VII вв. н. э. Начальная дата поздних погребений могильника одновременно служит и конечной датой его ранних погребений, с которыми они тесно связаны генетически. Следовательно, ранние погребения (группа Б) не могут быть датированы позже, чем самый рубеж IV—V вв. н. э. С другой стороны, сопоставление материалов ранних погребений Бирского могильника с богатыми могильниками пьяноборской культуры Башкирии рубежа нашей эры позволяет нам установить их начальную дату в пределах II в. н. э.

К характеристике культуры пьяноборских памятников мы еще вернемся в главе о происхождении бахмутинской культуры, но здесь лишь отметим, что в их материалах можно увидеть появление таких черт, которые становятся характерными для всех ранних могильников бахмутинской культуры, в том числе рассматриваемых погребений Бирского могильника. Так, например, в могильнике I в. до н. э.—I в. н. э. у дер. Камышлы-Тамак имеются погребения, где найдены ожерелья, составленные из мелких стеклянных бусин темно-синего, желтого, голубого, зеленого цветов. Появление маленьких красных стеклянных бусин на территории Башкирии также относится к пьяноборскому времени. Они, например, имеются в некоторых поздних погребениях Бик-

гимировского могильника¹ и Уфимского могильника в районе расположения университета². Следует подчеркнуть, что эти наши наблюдения в целом не расходятся с выводами П. П. Ефименко (1926, стр. 67) и А. П. Смирнова (1957, стр. 52), которые отдельные типы вышеописанных бусин на основании южных аналогий датировали первыми веками нашей эры. Ожерелья из подобных мелких бусин встречены во многих сарматских курганах Поволжья рубежа нашей эры. Именно там мы находим самые близкие аналогии редким экземплярам бусин из бирских погребений, таких, как цилиндрические из красного зеленого и синего стекла (Синицын, 1960, стр. 35, рис. 11, 4), плоская граненная из красного сердолика (там же, стр. 75, рис. 28, 3).

Однако, несмотря на близость бусинного материала, между бирскими погребениями и пьяноборско-сарматскими памятниками имеется существенное различие культурно-хронологического порядка. Так, например, в бирских погребениях отсутствуют характерные для пьяноборских могильников кольцевые, рамчатые, эполетообразные и другие формы пряжек с неподвижными крючками; серьги, височные подвески пьяноборского типа и другие. Учитывая, что пьяноборские памятники Башкирии пока датируются временем не позже I в. н. э., II век можно считать самой начальной датой ранних погребений Бирского могильника. Таким образом, метод исключения позволяет нам установить общую дату ранней группы погребений Бирского могильника — II—IV вв. Эта дата подтверждается также и другими предметами, которые имеют хорошо датированные аналогии.

Как указывалось выше, для погребений группы А наиболее характерны проволочные пряжки без щитка или с короткими овальными и треугольными щитками. Эти пряжки — типичные археологические находки первой половины I тысячелетия н. э., но в то же время они могут быть сопоставлены с их ранними прототипами, встреченными в памятниках Поволжья и Северного Причерноморья. Самые ранние экземпляры подобных пряжек нам известны уже в сарматских курганных могильниках южных степей, где они начинают распространяться в массовом количестве на рубеже нашей эры. Наиболее хорошо датированные аналогии таким пряжкам встречены в памятниках Причерноморья I—II вв., в частности в некрополе Тиритаки, где они встречались с монетами этого времени (Кобылина, 1941, стр. 77, рис. 110; Гайдукевич, 1959, стр. 220, рис. 88, 3—5). Небольшая пряжка из бронзы с овальным коротким щитком найдена в Туринском кладе в Приднепровье, датирована на основании монет концом II в. (Кухаренко, 1953, стр. 149, рис. 4). Проволочные В-образные пряжки, по-видимому, надо считать ранними прототипами литых В-образных пряжек, получивших широкое распро-

¹ Раскопки А. Х. Пшеничникова.

² Сборы автора в 1960 г.

странение в поздних погребениях Бирского могильника. Они также имеют свои аналогии в Северном Причерноморье, в частности в погребении некрополя Фанагория, датируемом III—IV вв. (Кобылина, 1951, стр. 248, рис. 5, 1). Приведенные аналогии указывают на I—II вв., как на время массового появления в степях юга пряжек с подвижными язычками. У нас пока нет никаких оснований считать, что в употреблении таких пряжек племена Приуралья, по сравнению с населением более южных областей, запоздали на несколько столетий, поэтому эту дату, очевидно, следует принять и для пряжек из приуральских памятников.

Неоднократные находки железных пряжек указанного типа в пьяноборских могильниках рубежа нашей эры на территории Башкирии (Камышлы-Тамакский) и Прикамья (Генинг, 1962, стр. 20, рис. 7, 79, 80), а также в сарматских погребениях III—II вв. до н. э. у дер. Старые Кишки (Садыкова, 1962, стр. 111, табл. XI, 7) ставят высказанную нами мысль на более реальную основу. С появлением пряжек с подвижными язычками производство пряжек с неподвижными крючками, характерными для памятников пьяноборского времени, на Южном Урале прекратилось окончательно. По нашему мнению, это произошло на рубеже I—II вв. н. э.

Для установления даты погребений большой интерес представляют фибулы, которые также относятся к очень ранним типам. Так, например, фибула из погребения 40 (табл. 8, 9) идентична фибуле, найденной во II пьяноборском могильнике у дер. Ныргында на Средней Каме (Спицын, 1933, табл. XI, 16), датируемом А. П. Смирновым I—III вв. (1952, стр. 75). Фибула с подвязанным приемником из погребения 35 (табл. 13, 3) является копией фибулы из второго погребения Кошибеевского могильника (Спицын, 1901, табл. IX, 3), а П. П. Ефименко это погребение относит к III—IV вв. (Ефименко, 1926, стр. 68). Другие арбалетообразные фибулы с расплюснутым приемником (табл. 8, 3, 4) имеют множество аналогий в памятниках первых веков Приднепровья (Амброз, 1959, стр. 185, рис. 15, 16, стр. 190). Следует подчеркнуть, что арбалетообразные фибулы в погребениях Бирского могильника сопровождалась некоторыми поздними вещами (бусы, пряжки), это заставляет нас ради осторожности отнести их к переходному периоду — IV—V вв. н. э.

В своих ранних публикациях раннюю дату погребений группы А Бирского могильника и вместе с тем всей бахмутинской культуры мы определяли III—IV вв. н. э. (Мажитов, 1962; 1963, стр. 5); для нас она остается наиболее вероятной и сейчас. Однако, как видно из изложенного, эту дату теперь мы удвеем еще на одно столетие. Это связано с тем, что метод сравнительного сопоставления, на котором основана вся наша датировка, пока еще не дает достаточных оснований для определения более узкой даты этих погребений, чем II—IV вв.

Следующим памятником раннего этапа бахмутинской культуры является Каратамакский могильник. Если ранние погребения Бирского могильника представляют лишь незначительную часть одного памятника, то наличие таких памятников, как Каратамакский могильник, является важным подтверждением одного из основных наших выводов о существовании раннего этапа в истории развития бахмутинской культуры.

Каратамакский могильник расположен вблизи дер. Каратамак Бураевского района Башкирской АССР, на коренном берегу р. Танып. Могильник обнаружен весной 1959 г. местным населением во время рытья траншеи для силосной ямы. В том же году он был обследован археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР, которая выявила остатки двух разрушенных и вскрыла 17 нетронутых погребений.

По обрядам захоронений Каратамакский могильник — один из интереснейших памятников бахмутинской культуры. Из 19 исследованных погребений 13 были одиночными, а остальные содержали коллективные захоронения, из них четыре парных, одно тройное, а в одном погребении находилось пять человеческих костяков.

Таким образом, в девятнадцати погребениях было захоронено тридцать человек. Положение покойников вытянутое, на спине. Костяки лежат в мелких (средняя глубина 60—70 см) могильных ямах, расположенных в один ряд вдоль старого русла р. Танып. По-видимому, во время земляных работ, проведенных ранее у самого края берега, был разрушен первый такой ряд. По словам местных жителей, среди разрушенных погребений встречались могилы с одним и несколькими костяками.

Могильные ямы имеют форму вытянутого четырехугольника с закругленными углами, своими длинными стенками они ориентированы по линии север — юг; значительные отклонения к западу имели только три могилы: 12, 15, 18.

В погребении 5 под костяком и на позвонках обнаружены остатки истлевшего дерева. Такие же остатки истлевшего дерева были прослежены в погребениях 15 и 18. Это заставляет предполагать, что местное население хоронило умерших либо в деревянных гробах, либо клало их в ямы с деревянным настилом и сверху прикрывало досками.

Преобладает северная ориентация умерших (80%), но встречается и южная (20%). Южная ориентировка особенно характерна для коллективных погребений, в которых костяки лежат в противоположные стороны (север, юг). Интересно отметить, что в коллективных погребениях с ориентировкой на юг главным образом лежат детские костяки. Такая особенность в ориентации умерших по странам света могла быть связана с обычаем возрастного разделения населения, оставившего могильник. При изучении обрядовых особенностей захоронений большую роль могли бы сыграть данные антропологии, но из-за плохой сохран-

ности костей из 30 захоронений пригодными для антропологического исследования (М. С. Акимова) оказались только пять: череп костяка из парного погребения 1 и черепа из погребений 5, 6 и 8. За исключением костяка из погребения 7, принадлежащего женщине, все костяки определяются как мужские. Характерно, что в мужских погребениях 5 и 8 вместе с наконечниками стрел и копий найдены предметы женских украшений (бусы, височные подвески и т. п.), которые лежали в куче, образуя жертвенные комплексы. Погребение 13 и костяк взрослого из погребения 17, по-видимому, также следует считать мужскими, так как в них найдены железные наконечники копий. В погребениях 4 и 6 и возле взрослых костяков в погребениях 1, 10, 15 обнаружены жертвенные комплексы, на основании которых мы условно определяем эти костяки как мужские, исключив из этого определения один костяк из погребения 10, под черепом которого была найдена круглая серьга из бронзовой проволоки.

В погребениях Каратамакского могильника совершенно отсутствуют глиняные сосуды, кости животных, нет и сожженных древесных остатков. Инвентарь их очень беден и между погребениями распределяется сравнительно равномерно. Наиболее часто встречаются поясные и обувные пряжки и предметы украшений. Найдено пять железных пряжек, все они очень маленькие, безщитковые, круглой формы и имеют короткие подвижные язычки (табл. 30, 16). Бронзовые пряжки (13 экз.) лежали преимущественно в области пояса, а также у ног. Изготовлены они из тонкой бронзовой проволоки, имеют округлую форму и короткие, слабо изогнутые подвижные язычки, некоторые снабжены короткими пластинчатыми щитками округлой или квадратной формы (табл. 30, 17—18).

В погребениях 5 и 18 найдены маленькие наконечники ремней, представляющие собой узкие бронзовые пластинки с закругленными передними концами (табл. 30, 8, 9, 10). В восьми погребениях обнаружены ожерелья, лежащие преимущественно в изголовье, редко на костяках или возле них. Бусины большинства ожерелий маленькие, стеклянные, красного, темно-синего, светло-желтого, белого, зеленоватого цветов и с золоченой поверхностью (табл. 4, 1, 6—8, 13, 19, 20, 25). В составе ожерелий встречаются круглые подвески с ушками сбоку (табл. 2, 25), сердоликовые (табл. 4, 47), плоские круглые мозаичные бело-синего цветов (табл. 4, 27) бусины, бронзовые лапчатые подвески (табл. 7, 18). В погребениях встречаются также височные подвески бахмутинского типа (табл. 30, 5), пластинчатые перстни (табл. 2, 9), проволочные серьги (табл. 2, 2), шейные гривны с крючкообразно загнутыми концами (табл. 11, 6) и обломки бронзовых зеркал (табл. 30, 13). В погребении 15 были найдены четыре подвески в виде фигурок животных, по-видимому, медведя (табл. 30, 2, 3), которые на тонких ремешках подвешивались к круглой бронзовой бляшке.

Уникальными являются находки трех железных серпов (погребения 6, 8, 17) небольших размеров и слабо изогнутых в основании (табл. 31, 11, 12). К рукояти они прикреплялись при помощи коротких, расположенных несколько под углом черешков, оканчивающихся небольшим загибом.

В погребении 5 найден редко встречаемый в археологических памятниках железный предмет, напоминающий кочедык (табл. 31, 13). В двух погребениях (15 и 18) найдены костяные наконечники стрел, которые клались в колчаны у ног покойников. Наконечники стрел очень маленьких размеров, с короткими заостренными или плоскими черешками и многогранными (трапециевидными, пятигранными, ромбическими и т. п.) сечениями (табл. 31, 1—8). В нескольких погребениях обнаружены остатки небольших железных наконечников копий (табл. 31, 10) и железных ножей (табл. 3, 11—13).

По инвентарю и обрядовым особенностям захоронений Каратамакский могильник является типичным памятником раннего этапа бахмутинской культуры, что доказывается наличием во многих погребениях жертвенных комплексов и височных подвесков бахмутинского типа и отсутствием глиняных сосудов.

Все, что говорилось выше в отношении датировок погребений Бирского могильника, полностью относится к Каратамакскому памятнику. Одинаковый с бирскими погребениями состав датировочного материала (ожерелья из мелких стеклянных бусин, пряжки) служит достаточным для этого основанием. Остальной инвентарь каратамакских погребений также не противоречит их датировке II—IV вв. н. э. Так, например, мелкие костяные наконечники стрел по своей форме очень архаичны и находят себе близкие аналоги в памятниках Прикамья гляденовской культуры эпохи III в. до н. э.—II в. н. э. В частности они найдены в материалах Гляденовского костыща, Осинского городища (Генинг, 1959б, стр. 180, рис. 8; стр. 190) и других памятников на рубеже нашей эры. Крупные стеклянные золоченые бусы из погребения 5 имеют близкие аналогии в инвентаре Усть-Туйского костыща, тесно связанного по материалам с костыщами типа Гляденовского, отнесенного В. Ф. Генингом к IV—V вв. Примерно IV в. могут быть датированы крупные круглые бусы из беловатого сердолика, аналогичные бусине из погребения 16 Бирского могильника.

К ранним памятникам бахмутинской культуры, несомненно, относится также большинство погребений Бахмутинского могильника, раскопанных в 1960 г. В том же году на могильнике было вскрыто 14 погребений, сохранность которых плохая. Умершие лежат на спине, с вытянутыми конечностями, головой на восток, в отдельных случаях — со слабым отклонением на север. Могильные ямы имеют форму удлиненного четырехугольника с закругленными углами, в большинстве случаев суживающегося к ногам покойников. Средние размеры могильных ям 1,80 —

2 м × 0,60—0,70 м³, глубина 1—1,5 м. Умершие, по-видимому, были завернуты в лубок, о чем свидетельствуют маленькие куски лубка, найденные в погребении 6. В заполнении и на дне могильных ям имеются мелкие древесные угольки — остатки жертвенного костра, сожженного в честь умершего где-то вблизи могилы и затем высыпанные в могильную яму.

Материальная культура раскопанных погребений небогата. Она представлена предметами вооружения, орудиями труда, быта, украшениями, остатками одежды и т. п. Предметы в погребениях распределены неравномерно: есть погребения сравнительно богатые (4, 5, 14), но есть и такие, инвентарь которых состоит из одного или двух мелких предметов.

Больше всего найдено глиняных сосудов, в которых, по-видимому, ставилась пища умершим. Они стоят по одному или по два в слое заполнения, реже — на дне могильных ям; несколько сосудов найдено в почвенном слое, между могильными ямами.

Сосуды из погребений можно охарактеризовать как один общий тип (табл. 32). Они небольших размеров и имеют форму низких чаш с раздутыми по плечикам туловами, округлыми или уплощенными доньями и плохо выраженными короткими шейками. Диаметр горла сосудов 5—17 см; разницы между диаметром тулова и горла сосудов почти нет (примерно 1—3 см); толщина стенок 0,3—0,6 см. Сосуды сделаны от руки из глины с примесью дресвы и в одном случае — песка. Поверхность сосудов обработана твердым штампом, от которого остались параллельные полосы, и сглажена водой. Характерно также, что на верхней части шейки большинства сосудов этого типа имеются следы тонкого волокна или волос, которыми они, видимо, связывались после лепки. Сосуды орнаментированы рядами мелких круглых ямок, горизонтально опоясывающих тулово вокруг шейки и плечиков. На плечиках отдельных сосудов круглые ямки сочетаются с ямками удлиненной и неправильной формы, рядами косых насечек или елочным узором. На одном сосуде ямочный орнамент отсутствует, он заменен двумя горизонтальными поясками зубчатого штампа вокруг плечиков; шейка этого сосуда украшена двумя горизонтальными поясками веревочного орнамента (табл. 32, 12).

Из металлических предметов преобладают железные: топоры, наконечники стрел и копий, ножи, пряжки. Наконечники копий (два экземпляра) лежат справа от правого бедра. Они имеют короткие плоские перья и круглые в сечении втулки для насаживания на древко. Перья наконечников плавно суживаются к концу, широкое основание косым срезом переходит во втулку (табл. 31, 10). В центре пера одного из них есть мало-

³ Здесь и далее первая и вторая цифры означают длину, третья и четвертая, — ширину могилы.

заметное утолщение, имеющее ромбическую форму в сечении. В погребениях 6 и 7 у длинных костей ног лежало два наконечника стрелы трехлопастной формы с короткими перьями и круглыми черешками (табл. 31, 9). В этих же погребениях найдены гвоздевидные (табл. 3, 10) или трехлопастные (табл. 31, 9) наконечники стрел с коротким, круглым в сечении, пером. В погребениях 4, 7, 12 в изголовьях умерших лежало по одному проушному топору с прямым клинком, круглым обухом и чуть расширяющимся лезвием; на щечках их нанесены четкие вертикальные прорезы (табл. 31, 14). Во многих погребениях в области пояса захороненных обнаружены ножи, в большинстве своем сохранившиеся только в обломках. Ножи однолезвийные, 10—15 см длиной, с прямой спинкой, суживающимся к острию рабочим краем, с коротким плоским черешком (табл. 3, 11—15).

Почти в каждой могиле найдены бронзовые или железные пряжки. Все они округлые, небольших размеров, из круглой в сечении проволоки и заметно утолщены в передней части. Язычки большинства пряжек слабо изогнуты на конце и почти не выступают за круг (табл. 30, 16, 17): встречаются, правда редко, пряжки с длинными и сильно изогнутыми язычками (табл. 30, 18). Располагаются пряжки, как правило, в области пояса, на груди или между длинными костями ног, в редких случаях — у ступней ног, что позволяет говорить о том, что их носили не только на поясных ремнях, но и на обуви. Все железные пряжки бесщитковые; щитки в виде прямоугольной пластинки встречаются только на бронзовых пряжках (табл. 5, 19).

К описанному типу примыкает бронзовая пряжка из погребения 7. Она крупнее остальных пряжек и имеет сильно утолщенную округлой формы шестигранную переднюю часть, оканчивающуюся прямым основанием, короткий язычок и прямоугольный пластинчатый щиток (табл. 30, 19). Совсем не имеет аналогий в материалах бахмутинского могильника пряжка из погребения 2. Она сделана из бронзовой пластинки четырехугольной формы, края которой украшены короткими насечками, имитирующими веревочный орнамент. На одном конце ее расположен неподвижный язычок, а на обороте имеется ушко для прикрепления к ремню (табл. 30, 15).

Из предметов украшений особенно распространенными являются ожерелья, составленные из маленьких рубленых бусин темно-синего, красного, желтого стекла и круглых в сечении цилиндрических бусин из красного и темно-зеленого стекла (табл. 4, 1—3, 6—9, 11—13, 18—21). Встречаются также височные подвески бахмутинского типа (табл. 30, 6), бронзовые проволочные браслеты (табл. 14, 2), пластинчатые перстни (табл. 2, 9), нагрудные подвески в виде фигурки медведя (табл. 30, 4, 7) и др.

Предметы женских украшений наиболее полно представлены в погребении 5, где найдены ожерелье из бусин вышеописанных типов (табл. 4а, 1), круглые в сечении бронзовые браслеты

(табл. 14, 2) и гривна (табл. 14, 5), три височные подвески бахмутинского типа (табл. 30, 6), две фигурки медведя, подвешивавшиеся на бронзовых цепочках (табл. 30, 4), круглая плоская застежка с насечками по краю (табл. 30, 11), бляха-накладка, пронизки с остатками ремня, обломки круглой бляхи и пластинчатой цепочки, небольшая круглая бляшка с остатками тонкого ремешка и много других предметов.

Особенно большой интерес представляют остатки головного убора, украшенного очень маленькими серебряными бляшками в виде тонких и коротких проволочек; бусина в виде головы человека из зеленоватого стекла, по-видимому, египетского происхождения, и серебряная серьга (табл. 30, 1). Вблизи могильника, в обрыве берега р. Уфы найдена скульптурная фигурка человека (табл. 30, 14).

Раскопанные погребения по обрядам захоронений очень близки другим погребениям Бахмутинского могильника, ранее исследованным М. И. Касьяновым и А. В. Шмидтом. Судя по дневниковым записям М. И. Касьянова (1921) и краткому отчету о полевых работах А. В. Шмидта (1928), в раскопанных ими погребениях покойники строго были ориентированы головой на восток, с очень незначительным отклонением на север и юг. В заполнении и на дне могильных ям отмечались находки древесных угольков. Керамика всех раскопанных погребений Бахмутинского могильника однотипна. Это в основном небольших размеров чашевидная посуда, сделанная из глины с примесью дресвы и орнаментированная мелкими круглыми ямками. В заполнении могильных ям часто встречались обломки глиняных сосудов, а предметы украшений, составлявшие жертвенные комплексы, клались почти во всех погребениях сбоку от умерших. Все эти аналогии в обрядах захоронения и частично в материальной культуре позволяют заключить, что Бахмутинский могильник принадлежит одному племени, жившему на прилегающей к могильнику территории в течение нескольких столетий.

Материальная культура погребений, раскопанных в 1960 г., имеет некоторые особенности, позволяющие отнести эти погребения к ранним памятникам бахмутинской культуры. Мелкие рубленные бусы из темно-синего, голубого, красного и желтого стекла, цилиндрические круглые в сечении бусы из такого же материала, маленькие круглые пряжки с подвижными язычками и четырехугольными щитками, бронзовые проволочные браслеты близки к материалам Каратамакского и ранних погребений Бирского могильников, датируемых II—IV вв. В инвентаре раскопанных в 1960 г. погребений встречаются предметы и более раннего происхождения, к числу которых может быть отнесена бронзовая пряжка с неподвижным крючком из погребения 2. Такие пряжки обнаружены в погребениях сарматских племен II—I вв. до н. э. на территории Волгоградской области (Мошкова, 1960, стр. 300, рис. 2, 2) и в Камышлы-Тамакском могиль-

нике пьяноборской культуры в Башкирской АССР (табл. 34, 14). Однако в бахмутинском погребении пряжка найдена в составе жертвенного комплекса, что говорит о более позднем ее употреблении, но дата этого погребения в целом вряд ли выходит за рамки II—III вв. н. э.

В погребении 5 из раскопок 1960 г. найдена бронзовая серьга, близко напоминающая по своей форме серьги с калачиком из харинских курганов и поздних погребений Бирского могильника (табл. 2, 17), датируемых V в. н. э., но инвентарь данного погребения в своей совокупности (мелкие бусы из красного, желтого, темно-синего стекла, проволочные серьги и браслеты и другие предметы) носит очень архаичный характер и тесно связан с остальными погребениями могильника.

Выше мы рассмотрели материалы трех могильников раннебахмутинской культуры на территории Башкирии. Из сравнительного анализа видно, что в погребальных обрядах и вещевом материале каждого из этих памятников имеется некоторое своеобразие, которое мы объясняем локальными особенностями культуры отдельных племенных групп внутри одного родственного населения. Так, например, если бирская группа погребений отличается индивидуальными захоронениями с устойчивой северо-западной ориентировкой погребенных, то для Каратамакского могильника в основном характерны коллективные захоронения с северной и южной ориентировкой; здесь полностью отсутствует глиняная посуда. Нескльско иную картину погребального обряда имеет Бахмутинский могильник, давший название всей культуре (восточная ориентировка погребенных, присутствие большого количества сосудов). Но несмотря на отмеченные различия, все бахмутинские могильники роднятся между собой многими, важными в этническом плане, признаками, так что принадлежность их к одной археологической культуре не может вызвать никаких сомнений.

Общими для этих трех памятников являются: 1) мелкие могилы простой конструкции; 2) редкое нахождение в могилах (за исключением части погребений Бахмутинского могильника) костей животных и керамики; 3) примерно одинаковый состав предметов украшений и деталей костюма: височные подвески бахмутинского типа, ожерелья бусин, подвески в виде скульптурных фигурок медведя и другие; 4) расположение в могилах предметов украшений в берестяных коробках или в кучах сбоку от костяков. Эти так называемые жертвенные комплексы в соседних культурах середины I тысячелетия н. э. аналогии себе не находят и пока локализируются только внутри территории расселения бахмутинских племен. Единственный подобный случай известен в Суворовском могильнике азелинской культуры на р. Вятке, где в изголовье костяка из пятого погребения найдены два берестяных сосуда, в которых находились различные предметы украшений (Генинг, 1963, стр. 111). Учитывая, что такой

порядок расположения предметов украшения для данного могильника в целом является случайным, его происхождение можно рассматривать как результат тесных контактов населения азелинской и бахмутинской культур.

Для изучения истории бахмутинских племен большой интерес представляют археологические памятники Средней Камы. К ним относятся Мазунинский, Ижевский, Сайгатский и несколько других могильников и многочисленные поселения, расположенные по правобережью р. Камы, против устья р. Белой. В. Ф. Генинг (1958, 1959) выделил эти памятники в самостоятельную археологическую культуру под названием мазунинской.

Однако наше мнение по вопросу об этнокультурной принадлежности среднекамских памятников резко расходится с той интерпретацией, которую предлагает автор раскопок и первых научных публикаций. Уже после того, как были опубликованы наши замечания (Мажитов, 1962, 1963), В. Ф. Генинг написал ряд работ, где вновь повторяет старые, неприемлемые, с нашей точки зрения, утверждения (1964, стр. 121—122). Это обстоятельство принуждает нас еще раз вернуться к данному вопросу.

Если сравнить среднекамские памятники с материалами бахмутинской культуры с территории Башкирии, то обнаружится, что между ними нет никаких резких различий. Все мазунинские могильники по обрядовым особенностям захоронений представляют единые могильные комплексы. Все захоронения там совершены на дне мелких простых ям, костяки лежат вытянуто, часто встречаются коллективные погребения (сравните с Каратамакским могильником). Для мазунинских могильников, как и для раннебахмутинских, характерно полное отсутствие или редкое присутствие в могилах глиняной посуды, костей животных, жертвенных комплексов и т. п. По некоторым признакам погребальных обрядов с раннебахмутинскими памятниками сближается еще Кляповский могильник, расположенный на юге Пермской области и раскопанный Г. Шокшуевым (1962). В. А. Оборин справедливо относит данный могильник к числу памятников мазунинской группы бахмутинской культуры (1964, стр. 132, 133).

Инвентарь среднекамских памятников также очень близок раннебахмутинскому. Это височные подвески бахмутинского типа, ожерелья из бусин, поясные ремни с набором пряжек и накладок. Мазунинская керамика, как и бахмутинская, представлена круглодонными сосудами, все тулово которых покрыто круглоямочным орнаментом (Генинг, 1958, стр. 77, рис. 30, 5). Сосуды сделаны из глины с примесью шамота и дресвы, иногда с мелкотолченой раковинной.

Из предметов, не имеющих аналогий в памятниках бахмутинской культуры, следует отметить большие круглые застежки-фибулы из бронзовых пластин (Генинг, 1958, стр. 81, рис. 32, 3, 4). Эти фибулы пока зафиксированы только на Средней Каме и отсутствуют на территории Башкирии. Но последнее обстоя-

тельство не может служить основанием для выделения среднекамских памятников типа Мазунинского могильника в самостоятельную археологическую культуру В. Ф. Генинг первоначально датировал среднекамские памятники III—VI вв. (1958), но впоследствии верхняя дата была сокращена до V столетия (1959, 1961). Судя по фрагментарным опубликованным материалам, эта дата не вызывает особых возражений. В целом обрядовые особенности захоронений и инвентарь среднекамских памятников по сравнению с материалами бахмутинских памятников с территории Башкирии выглядят более архаичными и в будущем среди них, возможно, удастся четко выделить могильные комплексы, относящиеся ко II—IV вв.

Причины наших разногласий с В. Ф. Генингом не будут до конца поняты, если мы не коснемся вопроса о принципах выделения археологических культур.

Под термином археологическая культура обычно понимают родственность археологических памятников определенной территории и хронологического периода. Тесное единство памятников в погребальных обрядах, материальной культуре в большей степени является выражением общности происхождения тех племен, которым принадлежали эти памятники. Именно в таком значении данный термин употребляет В. Ф. Генинг (1959, стр. 215). Однако на практике выделения археологических культур среди исследователей древности Урала нет единой методики, а существует большая разноречивость, и этому в немалой степени способствовал В. Ф. Генинг, выступивший с теорией «микрокультур».

В. Ф. Генинг, проводивший крупные полевые исследования в Пермской области, Удмуртской, Марийской, Татарской АССР, археологические памятники узкоограниченных районов стал рассматривать в качестве самостоятельных археологических культур. Важно отметить, что все это делалось без достаточных сравнительных сопоставлений, выявления этнографических особенностей каждой культуры, публикации фактического материала, и читатель вынужден был принять на веру основные выводы автора. Естественно, такой способ реконструкции этнической карты Урала и Прикамья вызвал возражение со стороны ряда исследователей. В частности В. А. Оборин (1961), а затем Ю. А. Поляков (1966) отрицательно относятся к выделению так называемой осинской культуры, которая является лишь разновидностью памятников гляденевского типа. В. А. Оборин считает, что среднекамские памятники типа Мазунинского могильника являются лишь вариантом единой бахмутинской культуры. Знакомясь с материалами многочисленных микрокультур, созданных В. Ф. Генингом, трудно понять, по какому же принципу — территориальному или по какому-нибудь другому, основанному на своеобразии самого материала, — осуществлено их выделение. Так, например, если мазунинская культура выделена лишь на основании наличия там своеобразных бабочковидных

фибул, то остается непонятным, почему к числу памятников этой культуры отнесен Сайгатский могильник, где этих находок еще нет вообще. Среднекамские памятники между собой и одновременно с бахмутинскими объединяет нечто большее, чем только фибулы, и оно осталось незамеченным В. Ф. Генингом.

Практика показывает, что выделение археологических культур на основании единичных элементов себя не оправдывает. Эти элементы, пусть даже массовые на одном или нескольких памятниках, по мере накопления материала могут оказаться случайными для всей культуры, что мы видим на примере мазунинских памятников. Поэтому при исследовании данного вопроса нужно опираться на комплекс признаков, отражающих этнографические особенности определенной группы древнего населения. Таковыми будут погребальный обряд могильников, керамика, особенно ее орнамент, предметы украшений (детали костюма), образ жизни и т. п.

Критерий выделения археологических культур в то же время должен быть достаточно гибким, чтобы учитывать некоторые различия в культуре, даже образе жизни между отдельными племенными группами. Эти различия всегда будут неизбежны, ибо они обусловлены самим характером тогдашнего производства, основанного на ручном труде. Как ручная лепка не всегда давала женщине возможность получать горшки одних и тех же форм и размеров, так и труд кузнеца и литейщика допускал изготовление металлических вещей (фибул, всевозможных подвесок, пряжек и т. п.) в различных вариантах. Необходимо также помнить, что памятники центральных районов одной культуры всегда будут отличаться от памятников, расположенных в пограничных зонах: в материалах последних сильно будет наслоение элементов соседних культур. Но анализ массового материала и широкие их сопоставления с культурами соседних территорий исследователю дадут возможность решить вопрос об этнокультурной принадлежности памятников. Если большинство данных позволяет говорить о том, что памятники двух или трех районов могут быть оставлены племенами, родственными по происхождению и, следовательно, языку, то есть полное основание рассматривать их как разновидности одной археологической культуры. При определении культурной принадлежности некоторых, особенно пограничных, памятников суждения этнического порядка могут иметь решающее значение.

Древняя история Урала и Прикамья знает случаи, когда сюда проникали южные кочевые племена. Пришельцы кочевники жили изолированно сравнительно короткое время, но затем, смешавшись с местным населением, оставляли глубокий след в его культуре. Учитывая иное происхождение и этническую принадлежность пришельцев, их памятники могут быть выделены в самостоятельные культуры. Таковыми для археологии Приуралья I тысячелетия н. э., на наш взгляд, будут харинская (Генинг, 1961) и турбаслинская (Мажитов, 1964) культуры.

ПОЗДНИЕ ПАМЯТНИКИ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Поздний этап бахмутинской культуры наиболее полно представлен в материалах Бирского могильника, основная часть погребений которого (около 150) относится к V—VII вв.

В обрядах захоронений поздних погребений много общего с ранними погребениями, что говорит о тесных генетических связях племен, которым принадлежал данный могильник. Умершие захоронены в таких же могильных ямах с закругленными или прямыми углами, лежат на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад и очень редко — на запад или север (табл. 17). Однако в поздних погребениях заметно увеличивается глубина большинства могильных ям, которая в среднем равняется 1—1,20 м, появляются могильные ямы с глубокими подбоями (табл. 18, 1—4; рис. 5) или широкими ступеньками в северо-западных узких стенках (табл. 18, 7). Могила с такой сложной конструкцией найдены в 48 случаях, что составляет примерно 32% от общего числа исследованных поздних погребений могильника.

Почти в каждом позднем погребении, в отличие от ранних, найдены кости крупного животного, по-видимому, лошади. Кроме того, между погребениями, в почвенном слое на глубине 30—50 см нередко встречаются кости четырех ног и хвоста лошади, которые лежат вместе в анатомическом порядке, параллельно друг другу и носят характер специальных жертвенных захоронений (рис. 6).

Вместе с костями животных в изголовье умерших, в северо-западном конце могильных ям, а в могилах с подбоями или ступеньками — на подбоях или ступеньках (табл. 18) стоят глиняные сосуды. Очень часто кости животных клались на эти сосуды или рядом с ними. В отдельных погребениях, особенно в детских, вместо целых глиняных сосудов найдены обломки (погребение 96).

В слое заполнения некоторых могил попадают мелкие деревянные угольки, а в погребении 124 найдена большая головешка. Под черепом детского костяка в погребении 102 лежала боль-

шая речная раковина. В четырех случаях под костяками обнаружены остатки лубка, в трех — деревянные доски; все это свидетельствует о том, что умерших заворачивали в лубок, либо клали в деревянные гробы или на настилы из того же материала.

Из поздних погребений Бирского могильника антропологически исследовалось 39 черепов, из которых 25 оказались мужскими и 14 женскими. Кроме того, на основании вещественного материала предположительно определена половая принадлежность еще 40 погребений, среди которых 20 женских и 20 мужских. В погребении 150, являющемся исключением для всего могильника, были захоронены женщина и ребенок.

Керамика. Сосуды из поздних погребений очень разнообразны по форме и орнаментации и делятся на пять основных типов.

Первый тип представлен пятью сосудами небольших размеров (высота 6—8 см), которые очень близко напоминают сосуды из ранних погребений могильника. Они изготовлены из глины с примесью песка, имеют короткую прямую или слабо отогнутую наружу шейку и низкое тулово с округлым дном (табл. 9, 8, 9). Один из этих сосудов орнаментирован по шейке круглыми ямками, косыми насечками по венчику и такими же насечками, образующими елочный узор, по тулову (табл. 9, 8).

Второй тип наиболее многочислен (около 30 сосудов). Сосуды имеют невысокое шаровидное тулово с округлым или уплощенным дном и широко открытое горлышко (табл. 22, 1—5). Шейки их прямые или слегка отогнуты наружу и плавно переходят к плечикам. Средняя высота сосудов 15—20 см, диаметр горла примерно такой же или несколько меньше. Изготовлены сосуды из хорошо отмученной глины с примесью песка и дресвы, хорошо обожжены и имеют светло-коричневый, местами красноватый цвет. Орнамент из мелких круглых или треугольных ямок беспорядочно покрывает все тулово и очень редко располагается горизонтальными рядами. На венчиках отдельных сосудов имеются косые насечки (табл. 22, 1, 5, 6). К этому же типу мы условно отнесли один сосуд оригинальной полуяйцевидной формы, орнаментированный по всему тулову мелкими круглыми ямками (табл. 22, 8).

Третий тип представлен 22 сосудами больших размеров, с высокими прямыми или слегка отогнутыми в верхней части шейками и сильно раздутыми шарообразными туловами (табл. 23, 24). Дно сосудов обычно округлое, но нередко встречаются и плоскдонные (табл. 24, 1—3). Высота их различна и в среднем равна 22—26 см, диаметр горла 17—18 см. Все сосуды этого типа украшены ямочным орнаментом по всему тулову, сочетающимся на плечиках с треугольными (табл. 24, 1) и косыми насечками или зубчатым штампом (табл. 24, 4, 6, 8); многие сосуды, кроме того, по краю венчика украшены косыми насечками. На четырех сосудах насечки в виде удлиненных

Рис. 5. Деталь могильной ямы с подбоем в узкой стенке. Погребение. Бирский могильник.
Фото

Рис. 6. Ритуальное захоронение конечностей лошади. Бирский могильник.
Фото

треугольников образуют елочный узор по плечикам (табл. 23, 3) или сложный узор из парных горизонтальных поясков и зигзагообразных линий между ними (табл. 24, 1, 2). Изготовлены сосуды из глины с примесью песка и дресвы, хорошо обожжены, имеют красноватый, светло-коричневый цвета. Почти все сосуды описанного типа найдены в погребениях с подбоями или ступеньками.

Четвертый тип (10 сосудов) является разновидностью третьего типа. Все сосуды имеют высокое прямое горло и сильно раздутое шарообразное тулово с округлым дном; изготовлены они из глины с примесью дресвы. Пять сосудов этого типа совсем не украшены (табл. 25, 1, 2, 5), а орнамент на остальных сосудах состоит из одного или двух-трех горизонтальных поясков круглых и треугольных ямок и косых насечек по шейке и плечикам (табл. 25, 3, 4, 6, 7—9). Забегая вперед, необходимо отметить, что сосуды как третьего, так и четвертого типов, по форме, размерам и примеси к глине очень близки к сосудам из могильников Башкирии типа Ново-Турбаслинских и Уфимских курганов, оставленных пришлыми племенами южного происхождения.

Остальные восемь сосудов относятся к типу, известному в литературе под названием «кушнаренковский». Эти сосуды также имеют высокое прямое горло и округлое тулово. У семи сосудов днища округлые (табл. 26, 1—7), у одного — плоское. Особенностью этих сосудов является орнамент из густо нанесенных линий гладкого штампа, чередующихся с рядами зубчатого штампа удлиненно-овальной формы по шейке и плечикам. Орнамент в виде косых насечек и зубчатого штампа наносился также по краю или самому венчику, иногда по внутренней стенке. Сосуды сделаны из хорошо перемешанной глины с примесью песка и имеют тщательно обработанную поверхность преимущественно темно-коричневого цвета. Высота большинства сосудов 20—28 см, диаметр горла 15—20 см, но встречаются и небольшие сосуды, высота которых не превышает 10 см (табл. 26, 2, 4). В погребении 145 найден стеклянный кубок на круглом поддоне. Кубок сделан из зеленоватого стекла и украшен двумя горизонтальными поясками, между которыми имеются изображения, напоминающие листья (табл. 10, 7).

Предметы украшения. Из предметов украшений наиболее многочисленную группу составляют бусы разных форм. В некоторых поздних погребениях Бирского могильника найдены маленькие темно-синие стеклянные бусы и рубленые бусы из красного и желтого стекла (табл. 1; табл. 4, 1, 2, 6—8, 25) и крупные подвески с ушками сбоку или круглыми отверстиями в центре (табл. 2, 28). Ожерелья из таких бусин были широко представлены в ранних могильниках бахмутинской культуры, а в поздних погребениях Бирского могильника они встречаются вместе с другими предметами, что, видимо, говорит о пережиточной форме их существования.

Характерными для поздних погребений Бирского могильника являются: крупные янтарные бусины (табл. 4, 44—46; 94 экз., 8%), плоские, цилиндрические, круглые, одинарные или сдвоенные бусины из легко рассыпающегося стекла с дополнительной инкрустацией цвета позолоты (табл. 4, 32—34), круглые или удлинённые бусины из белого стекла (табл. 4, 48—50; 377 экз., около 33%), бусины из раковины каури (87 экз., около 3%), крупные многогранные бусины из темно-синего стекла (табл. 4, 37; 59 экз., около 5%). Как единичные экземпляры встречаются круглые средних размеров бусины из красного, темно-синего стекла (табл. 4, 36, 40, 41), сдвоенные, тройные бусины из темно-синего и коричневатого стекла (табл. 4, 38, 39), красные сердоликовые, в том числе одна бипирамидальная бусина (табл. 4, 42, 43), бусины из кораллов (табл. 4, 51) и разноцветные мозаичные бусины (табл. 4, 52—57). В ожерельях бусины встречаются всегда в сложном сочетании (табл. 20).

Браслеты. Почти в каждом погребении найдено по несколько бронзовых проволочных браслетов, которые можно подразделить на два основных типа: браслеты, концы которых оканчиваются зооморфными изображениями, очень близко напоминающими головы змей (табл. 14, 6—10), и браслеты с гладкими утолщенными и прямо обрубленными концами (табл. 14, 1, 13). Вместе с описанными нередко встречаются бронзовые проволочные браслеты с гладкими концами (табл. 14, 2, 11, 12) и браслеты из железа (табл. 14, 14).

Серьги. Преобладают круглые серьги из бронзовой или серебряной проволоки с литой многогранной бусиной на одном конце (табл. 2, 14—16). Найдены также круглые проволочные серьги (табл. 2, 2, 7—8) и серьги харинского типа (табл. 2, 17). Во многих погребениях все три типа серег встречаются вместе.

Фибулы. Фибулы-застежки представлены шестью типами. К первому типу относится арбалетообразная фибула (погребение 35) с подвязанным пластинчатым приемником (табл. 13, 3). В иголку этой фибулы продеты три коротких обломка цепочки из круглых бронзовых колец. Второй тип представлен тремя пластинчатыми фибулами (погребение 25), из которых полностью сохранилась только одна. Эта фибула имеет овальную головку и широкую неправильной формы ножку, которые соединены между собой при помощи неширокой прямой железной дужки (табл. 8, 8). Головка и ножка фибулы сделаны из железных пластинок и украшены крупными бронзовыми полушариками, прикрепленными при помощи коротких шпеньков. К третьему типу относятся пальчатые фибулы, найденные в девяти погребениях. Все они изготовлены из серебра, имеют полукруглые головки, ножки в виде удлинённого треугольника и невысокие широкие дужки (табл. 8, 12, 13). На одной фибуле на обороте ножки сохранился пластинчатый приемник для иголки.

Фибулы четвертого типа (более 20 экз.) изготовлены из бронзовых нешироких пластин с завернутыми в трубку концами и подвижными проволочными язычками (табл. 8, 1). К пятому типу относятся фибулы-застежки из погребения 148 и 194. Они отлиты из серебра и имеют округлую форму с круглыми выпуклыми шишечками по краю, их внешняя поверхность орнаментирована короткими косыми насечками (табл. 8, 11; 16, 7). К шестому типу относится крестообразная фибула из железа (табл. 8, 7).

Подвески. В поздних погребениях могильника нередко встречаются подвески бахмутинского типа (табл. 19, 16; 21, 1), характерные для раннего этапа бахмутинской культуры. Подвески позднего типа представлены различными формами: лунницы, колесовидные с шишечками по краю, лапчатые, ажурные и зооморфные. Лунницы сделаны из золота, серебра и бронзы и найдены в пяти погребениях (10 экз.). Золотые лунницы отлиты на формочке и представляют собой тонкие пластины с ушком сбоку; в трех овальных гнездах, расположенных на одной поверхности, сохранились остатки вставки из желтоватой, легко рассыпающейся массы (стекла). Вокруг гнезд и пирамидами между ними расположена зернь, а края пластинки орнаментированы выпуклинами в виде ложной зерни (табл. 13, 2). На серебряных лунницах зернь располагается беспорядочно, а вместо вставок в центре имеются выпуклые окружности (табл. 2, 22). Бронзовые лунницы изготовлены из обычных пластин и являются, по-видимому, копией золотых и серебряных (табл. 2, 18—21; 13, 1).

В семи погребениях найдено около 20 колесовидных подвесок с круглыми выпуклыми шишечками на поверхности (табл. 7, 16; 21, 11, 14). Вместе с ними в трех погребениях лежали по две круглые плоские подвески с крупными овальными выступами по краю (табл. 7, 21). В погребении 148 найдены две массивные круглые рамчатые подвески из серебра (табл. 16, 7). Подвески прикреплялись к тонким длинным ремешкам, обернутым тонкой бронзовой проволокой в виде спирали или продетых в пластинчатую трубочку (табл. 7, 12, 14). К таким же ремешкам подвешивались фигурки медведя (табл. 7, 5), лошади (табл. 7, 11, 15, 25), птицы (табл. 7, 9), а также лапчатые (табл. 7, 10, 17; 19, 8) и колоколовидные (табл. 2, 23; 7, 8; 11, 3, 5) подвески.

Гривны. Преобладают гривны из ромбических в сечении (первый тип) бронзовых проволок с утолщениями в середине и загнутыми концами (табл. 11, 6; 14, 4). Гривны второго типа сделаны из круглой в сечении проволоки (табл. 14, 5). К третьему (погребение 148) типу относится гривна из витого, круглого в сечении серебряного прута, один конец которого загнут, а другой оканчивается петелькой (табл. 16, 11). Гривна четвертого типа (погребение 108) сделана из бронзовой пластинки с выгнутой наружу поверхностью (табл. 14, 3).

Зеркала найдены в пяти погребениях и делятся на два

основных, типа. К первому типу относятся бронзовые круглые зеркала с ручкой сбоку (табл. 21, 18) или без нее (табл. 10, 4). Второй тип представлен двумя серебряными зеркалами дискообразной формы. Одна поверхность их гладкая, а другая украшена выпуклым орнаментом в виде концентрических кругов с расходящимися от центра лучами и небольшими полушариями между ними (табл. 10, 5, 6).

В одном экземпляре найдена коробка-подвеска из двух скрепленных между собой бронзовых пластинчатых баночек (колт) (табл. 16, 9), внутри которых лежали кусок тонкой материи и железная иголка (табл. 16, 3, 4). Найдены также бронзовый медальончик круглой формы, орнаментированный по наружной поверхности выпуклыми точками и концентрическими кругами (табл. 21, 8), бронзовая цепочка сложного плетения и бронзовые щипчики для выщипывания волос (табл. 12, 7).

В женских погребениях украшения обычно лежат вблизи мест своего назначения: серьги напротив ушных отверстий, височные подвески — у височных костей, бусы, гривны — на шее, браслеты — на руках и т. п. В отдельных случаях часть предметов украшений лежала в небольших берестяных коробках (погребения 108, 126, 128) и, по-видимому, являлась дарами-жертвами от соплеменников покойных. Женские украшения в большом количестве были найдены также и во многих мужских погребениях, где они, как правило, составляли жертвенные комплексы (рис. 3).

В трех-четырёх погребениях найдены остатки головного убора, сплошь украшенного бляшками в виде очень тонких и коротких серебряных проволочек. В двух погребениях (81, 148) сохранились куски ткани простого полотняного переплетения из тонких льняных ниток, а в трех погребениях на закипевшей от ржавчины поверхности железных предметов обнаружены следы ткани.

Инвентарь погребений Бирского могильника позволяет хотя бы частично воссоздать женский костюм населения, оставившего могильник. Женский головной убор сплошь украшался тонкими серебряными бляшками-нашивками. Остатки такой шапочки были обнаружены еще в 1960 г. в Бахмутинском могильнике, что позволяет говорить о широком распространении подобного головного убора среди бахмутинских племен. Женские платья, судя по сохранившимся кускам ткани, шились из сравнительно тонкой ткани полотняного плетения. Женщины носили по два-три браслета на каждой руке, по две гривны на шее, по нескольку височных подвесок у височных костей и по нескольку серег на ушах. На груди и поясе спереди на длинных ремешках висели многочисленные подвески, лапчатые, колоколовидные, фигурные, раковинные, использовались как косоплетки. Бусы, по-

венно на платъя или на куски плотной ткани, которые вешались на груди наподобие нагрудников-передников. На эту мысль наталкивает сравнительно большой вес и многочисленность этих украшений. В погребении 78, например, множество бусин из раковины каури, янтаря и пасты со стеклянной инкрустацией было рассыпано в области груди; в погребениях 128, 125, 148 и других металлические подвески компактно лежали в области пояса захороненных.

Женщины носили также верхнюю меховую одежду, скорее всего, шубы; остатки меховой шубы нами были прослежены в нескольких случаях. В погребении 125 на металлических поясных бляхах был обнаружен тлен кожи, на котором по обе стороны поясничных позвонков лежали круглые застешки-фибулы. В другом женском погребении (78) под фибулой на груди найден кусок кожи. Более чем в 10 погребениях (мужских и женских) под костяками и на них были зафиксированы пятна тлена темного цвета, которые также могут быть остатками меховой одежды (если это не след деревянных гробовищ или лубков). Во многих женских и мужских погребениях возле ступней ног обнаружены следы сгнившей кожи, по одной маленькой бронзовой пряжке и по одному наконечнику ремня. Судя по этим находкам, население, оставившее Бирский могильник, носило кожаную обувь, застегивавшуюся на бронзовую пряжку.

П р я ж к и — поясные и обувные — одинаково богато представлены в мужских и женских погребениях. Наиболее распространены большие бронзовые пряжки с круглой или овальной передней частью и прямоугольными (табл. 5, 19) и очень редко с короткими овальными (табл. 5, 17) пластинчатыми щитками. В большом количестве встречаются также маленькие пряжки с круглыми кольцами и сильно изогнутыми подвижными язычками без щитка (табл. 5, 5, 6) или фигурными (табл. 5, 14, 16), удлинненно-прямоугольными (табл. 5, 15) и треугольными (табл. 11, 12) щитками. Маленькие пряжки в поздних погребениях лежат главным образом у ног и, следовательно, являются обувными. Не менее распространены были бронзовые (табл. 5, 22), железные (табл. 5, 27), серебряные (табл. 5, 24—26) пряжки с В-образным передним кольцом. В девяти погребениях найдены бронзовые пряжки с золотой инкрустацией. Они имеют овальной формы переднюю часть, сделанную из толстых бронзовых выгнутых наружу пластинок, и квадратные щитки. По внешней стороне пряжки покрыты тонкой золотой пластинкой, которая на щитках украшена орнаментом в виде ложной зерни и круглыми стеклянными вставками в гнездах (табл. 5, 28, 29). Все пряжки с золотой инкрустацией одинаковы по форме и отличаются только размерами и количеством вставок. В богатых мужских погребениях рядом с обувными пряжками с золотой инкрустацией лежат, как правило, накладки-лунницы (табл. 6, 19) и небольшие наконечники ремней (табл. 6, 18) из тонких золо-

тых пластин. В семи погребениях найдены небольшие псевдо-пряжки с литыми неподвижными щитками (табл. 5, 32—35).

Поясные ремни сплошь покрывались ромбическими накладками из бронзовых пластинок. Такими же накладками украшались и длинные ременные подвески (табл. 19, 11). В некоторых погребениях самой поздней группы ромбические накладки встречаются вместе с Т-образными (табл. 6, 31), биякорьковыми (табл. 6, 28—30), колесовидными (табл. 6, 23) и круглыми трехлепестковыми (табл. 6, 24, 27) накладками из серебра и бронзы. Концы поясных ремней и подвесок заканчивались длинными наконечниками из согнутых пополам широких бронзовых пластин (табл. 6, 16). Для застегивания на пряжку поясные ремни описанного типа из погребений Бирского могильника очень неудобны. Для этой цели к внутренней стороне ремня пришивался другой короткий ремешок, но без украшений (табл. 19, 11).

Оригинальный набор поясного ремня найден в женском погребении 18. Основа этого пояса, как показывает реконструкция, состояла из сравнительно узкого ремешка, имевшего на одном конце бронзовую В-образную пряжку с зооморфным изображением в передней части (табл. 12, 1, 11) и небольшой пластинчатый наконечник из бронзы — на другом. На поясе имелись также две широкие длинные ременные подвески, спускающиеся спереди на бедра. Одна подвеска украшена серебряной пластинкой в виде свастики (табл. 12, 2) и двумя удлиненными овальными серебряными пластинками (табл. 12, 3), другая — большим наконечником из двух серебряных пластинок, скрепленных между собой узкой дужкой (табл. 12, 4) и восемью округлыми накладками из таких же серебряных пластинок (табл. 12, 6). В этом же наборе три небольшие округлые пластинчатые накладки со сквозными отверстиями (табл. 12, 8), которые, видимо, пришивались к основному ремню.

Предметы вооружения. Оружие найдено только в мужских погребениях. Чаще всего встречаются костяные наконечники стрел, имеющие треугольную, ромбическую в сечении форму и широкие плоские черешки (табл. 3, 3—7). Однако для поздних погребений Бирского могильника наиболее характерны железные наконечники стрел, которые тоже встречаются в большом количестве и делятся на несколько типов. Первый — основной — тип имеет плоскую в сечении ромбическую форму с уступчиками в основании и короткими плоскими черешками (табл. 15, 13, 14; 27, 1—4). Ко второму типу относятся трехлопастные наконечники с круглыми в сечении черешками (табл. 13, 15; 27, 9—11). Среди них преобладают наконечники средних размеров (длина 3—4 см), но встречаются и крупные с широкими лопастями (табл. 27, 8). Третий тип имеет треугольные (табл. 27, 5—7; 29, 12, 13) и четвертый — ромбические в сечении перья с хорошо выраженными утолщениями в тыльной части и короткими черешками. Для ромбических наконечников

характерно двухстороннее уплощение на перьях (табл. 27, 12—14). К пятому типу относится небольшая группа наконечников звездвидной формы с заостренными (табл. 3, 9, 10; 29, 11) или плоскими концами круглой или четырехугольной формы в сечении. Важно отметить, что во многих погребениях все описанные типы наконечников стрел встречаются вместе (табл. 29, 8—14).

В четырех погребениях найдены железные мечи. В погребениях 77 и 130 мечи лежали у лучевых и плечевых костей левой руки, а в погребении 156 — возле длинных костей правой ноги. Меч из погребения 130 двухлезвийный, с прямым перекрестием из согнутой пополам железной пластинки и круглым колесовидным навершием рукоятки (табл. 28, 2). Длина его вместе с рукояткой 59 см. Остальные мечи однолезвийные, с широкими, почти прямыми спинками. Мечи из погребений 77 и 156 (табл. 15, 19; 29, 21) имеют короткие клинки с тупо заостренными концами. И только один меч, найденный в разрушенном погребении (1958 г.), имеет длинный клинок (табл. 28, 1).

В погребениях 110 и 130 найдено по одному железному наконечнику копий с короткими плоскими перьями и длинными втулками. Наконечник копья из погребения 130 имеет форму прямоугольного в сечении стержня и плоское острие.

Орудия труда. В мужских погребениях найдены проушные топоры с длинными вертикальными прорезями на обеих щечках (табл. 15, 17; 19, 12), втульчатые топоры (табл. 13, 16; 28, 6), тесла (табл. 15, 11; 29, 19), ложки (табл. 15, 12; 29, 15), скобели (табл. 15, 18; 29, 17), одно долото (табл. 28, 3) и конские удила. Чаще других встречаются удила с треугольными псалями (табл. 28, 5), но есть удила с восьмеркообразными (табл. 28, 4) костяными (роговыми?) псалями (табл. 11, 10—11) и псалями, имеющими форму прямого стержня с одним изогнутым концом (табл. 28, 7). Топоры, тесла, скобели, ложки, наконечники стрел, удила обычно лежат у длинных костей ног. В погребении 156 топор, тесло, ложка и другие предметы были положены рядом с мечом, около длинных костей правой ноги.

Для датировки поздних погребений Бирского могильника обратимся сначала к материалам группы Б, непосредственно примыкающим к ранним погребениям могильника (табл. 1; 11; 12; 13). В погребальном инвентаре этой группы немало предметов, характерных для ранних погребений Бирского могильника: мелкие стеклянные бусины темно-синего, красного, белого и желтого цветов, небольшие круглые пряжки с изогнутыми язычками (табл. 11, 1, 2), одна фибула с подвязанным приемником (табл. 13, 3) и т. д. Но вместе с этими предметами найдены и другие, связывающие погребения этой группы с поздними материалами могильника. Так, железные треугольные (табл. 27, 5—7) и трехлопастные (табл. 3, 8; 27, 11) наконечники стрел имеют свои аналогии среди материалов бирских погребений V—VI вв.

найденный в обломках большой глиняный сосуд из погребения 35 с мелкими круглыми ямками по тулову (табл. 13, 6) может быть сопоставлен с сосудами второго типа из поздних погребений, а лунницы из тонких золотых пластинок (табл. 13, 2) по технике изготовления напоминают бронзовые пряжки с золотой инкрустацией из погребений V—VI вв. Поздней, видимо, является также бронзовая литая пряжка квадратной формы с коротким прямоугольным щитком из погребения 2 (табл. 11, 4), которая по форме сближается с литыми псевдопряжками из погребений VI—VII вв. (табл. 5, 32—35). Таким образом, погребения группы Б по характеру материала занимают промежуточное положение между ранними и поздними погребениями Бирского могильника, что позволяет приблизительно датировать их IV—V вв.

Наиболее многочисленной и богатой является группа В. В инвентаре погребений этой группы много предметов (браслеты, серьги, фибулы и другие), имеющих очень близкие и хорошо датируемые аналогии в материалах других археологических памятников. Так, например, в Кузьминском и Борковском могильниках на р. Оке встречаются бронзовые браслеты с изображением змей на концах. Погребения с такими браслетами П. П. Ефименко датирует V в. н. э. (1937, стр. 50). Примерно к этому же времени относятся и браслеты с утолщенными и прямо обрубленными концами (Капошина, 1950, стр. 107; Смирнов, 1957, стр. 54), хотя они встречаются и позже — в VI—VII вв. (Пудовин, 1961, стр. 185). Найденная в погребении 108 Бирского могильника бронзовая пластинчатая гривна с расширением в средней части (табл. 14, 3) близкая копия гривны из погребения 44 Борковского могильника (Спицын, 1901, табл. XVIII, 1), датируемого А. П. Смирновым V в. (1952, стр. 115). К V в., возможно, к началу VI в., по северокавказским аналогиям (Пудовин, 1961, стр. 182), мы относим и серебряные пластинчатые фибулы (табл. 8, 12, 13). А. П. Смирнов их датирует V в. (1961, стр. 142).

Бронзовые пряжки с золотой инкрустацией из Бирского могильника, идентичные пряжкам Уфимских погребений (Ахмеров, 1949, стр. 115, рис. 15) и Ново-Турбаслинских курганов (Мажитов, 1959а, стр. 123, рис. 2) Башкирии, также, по-видимому, были завезены сюда из южных районов. В крымских погребениях такие пряжки датируются найденными вместе с ними монетами конца IV—V вв. (Спицын, 1905, стр. 115). Очень близкие аналогии золотым накладкам в виде лунниц (табл. 6, 19) и небольшим наконечникам ремней (табл. 6, 17, 18; 15, 4) обнаружены в позднесарматских курганах близ г. Энгельса (быв. г. Покровск) (Синицын, 1936, стр. 78, рис. 10), в могильнике Нижняя Добрянка (Минаева, 1927 табл. VI, 46, 47, 50), в Ново-Григорьевском могильнике на р. Конке близ с. Ново-Григорьевска Запорожской области (быв. Екатеринославской губ.), которые

были раскопаны проф. Д. Я. Самоквасовым в 1884 г. (Минаева, табл. IV, 25, 31), и в крымских погребениях из упомянутых раскопок А. А. Спицына (1905, рис. 13, 15). Эти предметы, особенно из Бирского, Ново-Григорьевского, Нижне-Добрянского и Покровского могильников, очень схожи по форме, характеру орнаментации, размерам и скорее всего были изготовлены в одном культурном центре, даже у одного мастера. В Ново-Григорьевском могильнике были найдены также бронзовые пряжки с золотой инкрустацией (Минаева, табл. III, 22, 23), которые Д. Я. Самоквасов отнес к V в., основываясь на дублетном материале Будапештского музея, датированном монетами этого столетия (Минаева, стр. 113); V—VI вв., по мнению А. П. Смирнова (1957, стр. 54), датируются литые серебряные и железные В-образные пряжки более усложненного типа (табл. 5, 24—27). Эти пряжки являются очень близкой копией пряжек из Хацкого (Рыбаков, 1953, стр. 55, рис. 7а) и Мартыновского кладов VI в. на Украине. Серьги с калачиком харинского типа (табл. 3, 17), происхождение которых некоторые исследователи связывают с районом Причерноморья (Генинг, 1955, стр. 116), помимо Бирского могильника, были найдены в курганах начала V в.: Бурковском могильнике в Верхнем Прикамье (Генинг, 1955, стр. 118, рис. 43), в урочище Кара-Агач Целиноградской области (быв. Акмолинского уезда) (Очерки истории СССР, 1958, стр. 165) и многих других. Появление серег круглой формы с литой многогранной бусиной на одном конце А. П. Смирнов относит к IV в. (1956, стр. 19), однако наиболее широкое распространение их, по-видимому, падает на V—VII вв., что подтверждается находками таких серег в погребениях VI—VII вв. могильника Суук-Су на Северном Кавказе (Репников, 1906, табл. I 1, 5, 13, 17—19; Пудовин, 1961, стр. 181). Круглые плоские янтарные бусы, идентичные янтарным бусам из Бирского могильника, обнаружены в том же могильнике Суук-Су (Репников, табл. III, 16, 22, 29) и Борисовском могильнике, датированном VI—VIII вв. (Саханев, 1914, стр. 165). Серебряные зеркала дискообразной формы с ушком и рельефным орнаментом на одной поверхности из Бирского могильника (табл. 10, 5, 6) находят близкие аналогии в материалах археологических памятников IV—V вв. Северного Кавказа (Минаева, 1951, стр. 275; рис. 5, 11, стр. 296), а в верхнем слое городища Чеганда II на Каме, относящегося к бахмутинскому периоду, найдена литейная форма для изготовления таких зеркал (Генинг, 1958, стр. 77, рис. 30, 2). Ранними прототипами дискообразных зеркал служили, вероятно, небольшие зеркала, находимые в позднесарматских курганах II—IV вв. в Нижнем Поволжье (Синицын, 1960, стр. 49, рис. 18, 1; 6, 10, 12, стр. 164)), на Северном Кавказе (Крупнов, 1951, стр. 216—217, рис. 8, 7), в пьаноборских могильниках Башкирии (табл. 36, 4) и в других памятниках. Бронзовая цепь сложного плетения из погребения 128 очень близко напоминает цепи из Судженского

клада IV—V вв. (Мацулевич, стр. 74, табл. X, 1, 2); золотая цепь подобного плетения была найдена в Новиковском могильнике V—VI вв. близ г. Уфы (Булычев, 1902, стр. 12, табл. 11, 18). С погребениями группы В, видимо, связан также привозной стеклянный кубок (табл. 10, 7), не находящий себе аналогий в других памятниках.

Приведенные аналогии показывают, что среди поздних бахмутинских племен широкое распространение имели предметы южного и западного происхождения. Многие из этих предметов в районах их изготовления могли бытовать на протяжении IV столетия, а может быть, и раньше. Однако массовое проникновение изделий юго-западных мастеров-ювелиров на восток, в данном случае в Приуралье, где они пользовались большим спросом у местного населения, относится к последним десятилетиям IV в., а в основном к V в. и, на наш взгляд, тесным образом связано с вторжением в 375 г. гуннов в пределы Северного Причерноморья, а затем в Западную Европу. Но если проникновение этих вещей на территорию Башкирии мы связываем с концом IV—началом V в., то в могилы они попали несколько позднее, так как определенное время должны были находиться в употреблении. Поэтому время захоронения погребений групп В в целом следует определить V—VI вв. Эту дату, особенно раннюю, для погребений групп В Бирского могильника надо считать твердо установленной, так как многие перечисленные выше предметы, имеющие датирующее значение, в отдельных погребениях могильника встречаются вместе. Так, например, в погребении 78 найдены пластинчатая серебряная фибула (табл. 8, 12), браслеты с изображением голов змей на концах, серьги с литым многогранником на одном конце и харинского типа (табл. 2, 16, 17); в погребениях 125 и 128 (табл. 21, 2, 3) серьги обоих типов лежали вместе с браслетами с изображением голов змей и утолщенными, прямо обрубленными концами. В погребении 77 (табл. 15) вместе с бронзовой пряжкой с золотой инкрустацией, накладками ремня в виде наконечников и лунниц из тонких золотых пластинок найдена одна серебряная пластинчатая фибула и большое количество янтарных бусин. V—VI вв. нужно датировать и остальные предметы украшений Бирского могильника: круглые и ромбические в сечении гривны, большие округлые пряжки с прямоугольными щитками, железные провололочные браслеты, различные бусины из белого стекла с дополнительной инкрустацией темно-коричневого цвета, раковины каури, кораллы, большие бусины темно-синего стекла с белыми глазками, которые были широко распространены во многих памятниках Южного Урала, Сибири и Прикамья середины I тысячелетия н. э. Все эти предметы в бирских погребениях сопровождаются такими хорошо датированными предметами, как серебряные фибулы, пряжки с золотой инкрустацией и т. п. Необходимо отметить также, что в погребениях этого времени продолжают встречаться

и предметы, характерные для раннего этапа бахмутинской культуры: подвески с изображением медведя, птицы, лапок птицы, небольшие округлые пряжки от обуви с треугольными или прямоугольными пластинчатыми щитками для ремней.

V—VI вв. датируются наконечники стрел, мечи втульчатые и проушные топоры, тесла, скобели и ложки, которые сопровождаются многочисленными предметами, характерными для этого времени. Так, в погребении 77 предметы вооружения и орудия труда лежали вместе с серебряной пальчатой фибулой, большими круглыми плоскими янтарными бусами, бронзовыми пряжками с золотой инкрустацией (табл. 15, 2—10). Кроме того, многие из перечисленных предметов находят хорошо датируемые близкие параллели в памятниках южных районов. Короткие однолезвийные мечи, аналогичные мечу из погребения 77, были найдены в погребениях середины I тысячелетия н. э. близ г. Энгельса (Минаева, 1927, стр. 109, 123), в Армиевском могильнике (Смирнов, 1952, стр. 58, табл. XIV, 9, стр. 61), в ранних погребениях Борисовского могильника на Северном Кавказе, датируемых VI в. (Саханев, 1914, стр. 125, 126, рис. 17), и многих других.

Из железных наконечников стрел наиболее широко распространены трехлопастные наконечники средних размеров (табл. 27, 9, 10), имеющие аналогии в Ново-Григорьевском могильнике, курганах близ Энгельса и других, датируемых IV—V вв. Железные плоские ромбические наконечники стрел с уступчиками в основании (табл. 15, 13, 14), по-видимому, являются ранним прототипом наконечников, получивших широкое распространение в памятниках Урала конца I тысячелетия н. э. Поздние их варианты найдены, например, в Стерлитамакском могильнике VIII—IX вв. (Ахмеров, 1955, стр. 165, табл. IV, 2, 5). Небольшие треугольные наконечники стрел с утолщениями в основании из погребений выделенной группы (табл. 27, 5—7) также могут быть отнесены к ранним вариантам наконечников, известных по материалам того же Стерлитамакского могильника (Ахмеров, 1955, стр. 169, табл. VI, 4). Подобные наконечники обнаружены в среднеазиатских памятниках первой половины I тысячелетия н. э., в частности в Кенкольском могильнике (Кожомбердыев, стр. 73, рис. 15, 1—5). Почти все перечисленные предметы вооружения (наконечники стрел, мечи) и орудия труда (топоры, тесла, скобели, ложки) из погребений группы В продолжают существовать и в последующее время в VI—VII вв.

Примерно концом V—VI вв. может быть датировано погребение 148, которое, как мы отмечали, отличается от всех остальных погребений своеобразным составом инвентаря. Найденная здесь ажурная подвеска, единственная в материалах Бирского могильника, может быть сопоставлена с круглыми подвесками, украшенными круглыми выпуклинами из погребений группы В. Бронзовая коробка-подвеска из этого погребения близка по форме к аналогичным находкам в памятниках Средней Азии нача-

ла второй половины I тысячелетия (Бернштам, 1952, стр. 86, рис. 77; стр. 202, рис. 85, 2—3). Круглые фибулы очень близко напоминают фибулы из Неволинского могильника (VI—VIII вв.) в Пермской области. Следует отметить, что в VII—IX вв. в Прикамье фибулы указанного типа превращаются в простые нагрудные украшения, которые были встречены в Неволинском, Деменковском (VII—IX вв.) и других могильниках.

Погребения группы Г Бирского могильника относятся к самому позднему периоду его существования. В инвентаре погребений этой группы есть много общего с погребениями предшествующей группы, что говорит об их хронологической близости. Как видно из табл. 1, в погребениях группы Г неизменным в основном остается состав ожерелий из бусин (погребения 134, 137) и орудий труда (погребения 130, 156, табл. 29). Кроме того, в некоторых погребениях этой группы встречены браслеты с изображениями голов змей на концах (погребения 130, 138, 137), браслеты с утолщенными и прямо обрубленными концами (погребения 3, 137, 156), круглые серьги с литым многогранником на одном конце (погребение 166).

К погребениям группы Г Бирского могильника тесно примыкают погребения 130 и 156, в которых найдены бронзовые пряжки с золотой инкрустацией (табл. 29, 1, 2), маленькие накладки для обуви в виде лунниц (табл. 6, 19), наконечники ремней (табл. 29, 5; 6, 18) из тонких золотых пластин и некоторые другие предметы.

Однако в целом для поздних погребений группы Г Бирского могильника характерно появление новых предметов, которые в погребениях предшествующих групп не встречались. Это — бронзовые и серебряные Т-образные (табл. 6, 26, 31) и другие фигурные (табл. 6, 28—30) ременные накладки, небольшие овальные пряжки с литыми щитками (табл. 5, 32—35), подвески в виде фигурки лошади (табл. 7, 11, 15, 20), железные наконечники стрел с широкими трехлопастными боевыми головками (табл. 27, 8), железные ромбические в сечении наконечники стрел с двухсторонними уплощениями на головке и утолщенными поясками в основании черешка (табл. 27, 12—14), однолезвийный длинный меч (табл. 28, 1), конские удила с псалиями в виде прямого стержня с одним расплюснутым концом (табл. 28, 1) и пр.

Многие из перечисленных предметов датируются VI—VII вв. по аналогиям, известным в материалах археологических памятников Европейской части СССР. Небольшие пряжки с литыми щитками, например, найдены в могильниках Суук-Су (Репников, 1906, табл. X, 1, 2, 4, 6, 8, 13) и Борисовском (Саханев, 1914, стр. 129, рис. 20, 1, 2, 5, 11—17). Т-образные ременные накладки из Бирского могильника очень близки находкам из Борисовского могильника (Саханев, 1914, стр. 131, рис. 22, 6), могильника Суук-Су (Пудовкин, стр. 183, рис. 1), Бережновских курганов

(Синицын, 1953, стр. 83, рис. 35, 1), а также Хацкого (Рыбаков, 1953, стр. 55, рис. 7, а) и Суджанского (там же, стр. 56, рис. 7, б) кладов. Б. А. Рыбаков считает, что наборы поясных ремней из Хацкого, Суджанского кладов и других подобных им памятников характерны для погребений воинов-дружинников (1953, стр. 78). Это подтверждается и материалами Бирского могильника, в котором наборы с подобными накладками и пряжками, в том числе с бронзовыми пряжками с золотой инкрустацией, встречаются только в мужских погребениях.

Примерно VI—VII вв. датируется погребение 99, в котором были найдены втульчатый топор (табл. 28, б), тесло; ромбические в сечении (табл. 27, 1—4) и трехлопастные (табл. 27, 8—10) наконечники стрел. Трехлопастные наконечники стрел, отличающиеся своими сравнительно широкими лопастями, широко были распространены в памятниках VI—VIII вв. Средней Азии (Сорокин, 1956, стр. 12, рис. 2, 8) и Алтая (Қиселев, 1951, стр. 537, табл. 15, 18, 19). К этому же времени, по-видимому, следует отнести длинный однолезвийный меч, найденный вместе с большими трехлопастными наконечниками стрел.

К позднему периоду бахмутинской культуры относятся некоторые погребения Бахмутинского могильника из раскопок А. В. Шмидта и М. И. Қасьянова, а также большая часть подъемного материала, собранного на могильнике.

Выше мы отмечали, что все захоронения этого могильника представляют единый обрядовый комплекс, оставленный родственным населением. Для погребального инвентаря поздних погребений характерны серебряные ременные бляшки, пряжки с литыми щитками и В-образной формы, янтарные, сердоликовые, крупные стеклянные красные бусины, круглые серьги с напущенным на один конец многогранником, круглые бронзовые застёжки с полукруглыми выступами по краю, нагрудные металлические подвески в виде круглых колец с выпуклыми шишечками по краю, подвески в виде фигурки лошади и многие другие предметы (Шмидт, стр. 20—23).

Время поздних захоронений Бахмутинского могильника А. В. Шмидт определил VI—VII вв. (стр. 23). Эту дату в основном надо считать правильной, хотя определенная часть погребений и подъемного материала, как заметил А. П. Смирнов (1957, стр. 54), относится к V—VI вв. По бирским аналогиям, в частности, должны датироваться те погребения, в которых найдены круглые серьги с литым многогранником на одном конце, колесовидные подвески с круглыми выпуклинами по краю, рамчатые подвески, круглые плоские фибулы-застёжки с круглыми выпуклинами по краю, литые серебряные В-образные пряжки более усложненного типа и другие предметы. Все эти предметы в большом количестве представлены в подъемном материале, частично опубликованном А. П. Смирновым (1957, стр. 51, табл. VI; стр. 53, табл. VII). Другая часть подъемного материала

(пряжки с литыми щитками, Т-образные и другие фигурные ременные накладки, опубликованные Смирновым, 1957, стр. 51, табл. VI, 10), как мы отметили выше, по аналогии из могильников Суук-Су, Борисовского, а также Хацкого, Мартыновского, Суджанского кладов относится к VI—VII вв. С наиболее поздними погребениями, очевидно, связаны и найденные на могильнике большие железные трехлопастные плоские ромбические наконечники стрел и бронзовая коробочка-подвеска, аналогичная подвеске из погребения 148 Бирского могильника.

К позднему периоду бахмутинской культуры следует отнести также погребения, обнаруженные в г. Уфе. Одно из них (на ул. Зенцова) в 1959 г. было обследовано Р. Б. Ахмеровым. В этом погребении, довольно сильно разрушенном, были найдены височные подвески бахмутинского типа, гривна, круглые бронзовые пряжки с длинными изогнутыми язычками и прямоугольными пластинчатыми щитками, длинный двухлезвийный меч и один неорнаментированный глиняный сосуд, примыкающий к сосудам первого типа из Бирского могильника. Украшения — гривна и подвески — лежали сбоку от костяка в куче, образуя широко распространенный у бахмутинских племен жертвенный комплекс. Погребение датируется по пряжкам и мечу, примерно IV—V вв. н. э. В другом уфимском погребении, обнаруженном П. Ф. Ищериковым на территории сада им. Луначарского, недалеко от городища Уфа II, найден небольшой чашевидный сосуд, близко напоминающий сосуд из погребения 18 Бирского могильника.

Менее чем в полукилометре от Бирского могильника, на высокой узкой стрелке расположено Бирское городище, сильно укрепленное четырьмя валами и рвами (рис. 2). Небольшие раскопочные работы, проведенные на этом памятнике, позволили выделить несколько разновременных наслоений культурных остатков. Верхний слой городища, связанный с поздним периодом его существования, дает интересный керамический материал, который находит себе очень близкие аналогии в Бирском могильнике. Основную часть ($\frac{4}{5}$) керамики верхнего слоя городища составляют сосуды, украшенные круглыми ямками по всей наружной поверхности (табл. 33, 1, 2). Для всех этих сосудов характерна общность в технике изготовления и примеси к глине. Они вылеплены от руки из глины с примесью дресвы и только в нескольких из них обнаружена примесь мелкотолченой раковины. После лепки наружная и внутренняя поверхности сосудов обрабатывались каким-то предметом, возможно, штампом или пучком травы, от которого сохранились полосы. Большинство сосудов имеет более или менее гладкую наружную поверхность, которая образовалась в результате сглаживания ее водой. Характерной чертой керамики из верхнего слоя Бирского городища, как и ряда других населений бахмутинской культуры, является то, что на внешней поверхности многих сосудов имеются следы волос или тонкого волокна. На некоторых сосудах эти

следы глубоко врезаются в стенку сосуда, образуя как бы горизонтальные полосы. Обычно они располагаются по шейке или верхней части тулова. Возможно, что эти полосы остаются от тонких шерстяных веревок, которыми связывались сосуды после их лепки.

Сосуды с круглоямочным орнаментом делятся на две устойчивые группы, характерные для керамики десятков других поселений бахмутинской культуры. К первой, основной группе, относятся около 100 сосудов больших размеров, имеющих открытые горла и шарообразные тулова с округлым дном. Шейки невысокие, прямые или слабо отогнуты наружу и плавно переходят в стенки. Резкой разницы между диаметром горла (15—25 см) и самой широкой частью тулова эти сосуды почти не обнаруживают (табл. 33, 1, 2). Они идентичны сосудам второго типа из поздних погребений Бирского могильника (табл. 22). Выделение сосудов второй группы довольно условно, так как эти сосуды по профилировке очень близки к вышеописанным. В отличие от сосудов первой группы, они имеют очень маленькие размеры и поэтому их можно охарактеризовать как небольшие чаши с уплощенным или округлым дном (табл. 32, 5). С указанной группой сосудов тесно связаны маленькие открытые чаши (II тип, около 10 экз.), украшенные по тулову ямочными наколами и короткими насечками (табл. 32, 6, 7). На некоторых этих сосудах орнамент вовсе отсутствует. Сосуды второго типа по форме и орнаменту очень близко напоминают сосуды из ранних погребений Бирского (табл. 9, 1—8) и Бахмутинского (табл. 32) могильников. К третьему типу относятся пять сосудов, сплошь украшенных гладким и зубчатым штампом. Сосуды глиняные, с примесью песка. Техника изготовления, форма и орнаментация аналогичны сосудам пятого (кушнаренковского) типа из поздних погребений могильника (табл. 26). Помимо керамики, в верхнем культурном слое Бирского городища найдены один костяной ромбический в сечении наконечник стрелы с плоским черешком и железное тесло, имеющие близкие аналогии в материалах могильника, а также несколько глиняных пряслиц круглой формы. Одно пряслице украшено мелкими круглыми ямками, характерными для орнамента бахмутинской керамики.

Небольшие раскопки на Кансиарском и Юмакаевском городищах на р. Танып дали типичный для бахмутинской культуры керамический материал, сплошь украшенный мелкими круглыми ямками по всей наружной поверхности (табл. 33). В керамике этих городищ широко представлены сосуды первых двух типов, которые мы выделили для Бирского городища (табл. 33, 1, 2, 5). На Кансиарском городище, кроме того, были найдены небольшие чашевидные сосуды, украшенные круглыми ямками, насечками в виде зигзагов, косых линий и т. п. (табл. 33, 6—9), или без орнамента (табл. 33, 3, 4), аналогичные сосуды из ранних погребений Бирского и особенно Бахмутинского могильников. Если

к сказанному добавить, что керамика Бахмутинского могильника, как это было отмечено А. В. Шмидтом (стр. 24—25), тождественна керамике из селища Чандар, городища Соколиный Камень и других известных ему поселений бахмутинской культуры, то связь могильников с поселениями надо считать установленной.

Таким образом, для бахмутинской культуры, как это в свое время правильно было отмечено А. В. Шмидтом, А. П. Смирновым и другими исследователями, характерна глиняная посуда с мелкими круглыми ямками по наружной поверхности. Наиболее широко были распространены небольшие сосуды чашевидной формы и сосуды средних размеров с широко открытым горлом и несколько вытянутым округлым туловом полуяйцевидной формы; и те, и другие имеют одинаковую примесь дресвы в глине. Менее распространены небольшие сосуды чашевидной формы, украшенные кругло-ямочным наколом по шейке и насечками по верхней части тулова. Эти чаши существовали одновременно с вышеописанными сосудами. И, наконец, обнаруженные в некоторых погребениях Бирского могильника и очень редко в бахмутинских поселениях большие сосуды с высоким прямым горлом (турбаслинский и кушнаренокский типы) надо считать не характерными как для Бирского могильника, так и для бахмутинской культуры в целом; по-видимому, их следует связывать с влиянием на бахмутинскую культуру культуры других племен.

Жилые сооружения бахмутинских племен представлены остатками жилищ типа прямоугольных полуземлянок размерами 6 X 4 м, которые были обследованы на Ново-Турбаслинском поселении и Кансиарском городище. Разница между кансиарским и ново-турбаслинскими жилищами состоит только в том, что в последних очаги располагаются не на полу, как в Кансиарском жилище, а устраивались, по-видимому, на каких-то подставках (Мажитов, 1962, стр. 154, рис. 4). Материалы поселения Ново-Турбаслинское II уже опубликованы (Мажитов, 1962), и поэтому мы ограничимся только некоторыми замечаниями.

В жилищах поселения Ново-Турбаслинское II найдена керамика четырех типов; преобладают круглодонные сосуды с круглоямочным орнаментом (первый тип) и плоскодонные сосуды горшковидной формы (второй тип), большинство которых лишено орнамента или имеет только короткие насечки по краю венчика. Небольшая группа сосудов третьего типа орнаментирована частыми горизонтальными линиями гладкого штампа и пересекающимися короткими насечками по высокой прямой шейке и плечикам. Эти сосуды по форме и орнаментации настолько близки к сосудам пятого (кушнаренокского) типа из поздних погребений Бирского могильника (отличаются только узором из пересекающихся насечек, которому на бирских сосудах соответствует овальной формы зубчатый штамп), что их можно считать разновидностью одной и той же формы. Возможно, что узор из

пересекающихся насечек является признаком хронологического различия, позволяющим отнести эти сосуды к поздне- и послебахмутинскому времени. Керамика с таким орнаментом была широко распространена у населения Башкирии в VIII—IX вв. Об этом свидетельствуют находки обломков подобных сосудов в могильнике близ Стерлитамака. Четвертый тип сосудов (найден несколько фрагментов) имеет широко раздутые шарообразные тулова с высоким узким горлом. Из всех описанных типов керамики поселения Ново-Турбаслинское II только первый является бесспорно бахмутинским, керамика трех остальных типов связана с другим кругом археологических памятников, речь о которых пойдет ниже.

Таким образом, материалы поздних бахмутинских памятников характеризуются новыми чертами как в вещественном (керамика, украшения, орудия труда, вооружение), так и в погребальном инвентаре (могилы с подбоями и др.). Эти особенности отражают, с одной стороны, изменения, происшедшие в культуре бахмутинских племен на ее позднем этапе, и, с другой, тесно связаны с важными событиями в жизни населения всего Приуралья в середине I тысячелетия н. э.

Глава III

ПЬЯНОБОРСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАННЕБАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время вопрос о происхождении бахмутинской культуры исследователями решается по-разному. Р. Б. Ахмеров и А. П. Смирнов считают возможным генетически связать бахмутинскую культуру с пьяноборской, предшествовавшей ей хронологически и территориально. Бахмутинскую культуру они рассматривают как поздний этап культуры местных племен, восходящий в своей основе к более ранним этапам истории края, к ананьинской (кара-абызовской) и пьяноборской культурам (Ахмеров, 1959, стр. 162; Смирнов, 1957, стр. 54). Несколько иного мнения придерживаются В. А. Оборин (Бадер, Оборин, 1958, стр. 141), В. Ф. Генинг (1959, стр. 201), Е. И. Горюнова (1961, стр. 33) и ряд других исследователей. Они полагают, что бахмутинская культура образовалась в результате слияния южноуральских и западносибирских, угорских по своему происхождению, племен. Но надо сказать, что никто из перечисленных авторов исследованием истории бахмутинской культуры, в частности вопросом ее происхождения, специально не занимался, поэтому обе рассмотренные точки зрения являются слабо аргументированными на фактическом материале.

Накопленный в последние годы новый археологический материал показывает, что возникновение и развитие бахмутинской культуры тесно связано, с одной стороны, с предшествующей ей пьяноборской культурой и, с другой, с культурой турбаслинских племен, в середине I тысячелетия н. э. перекочевавших на территорию Центральной Башкирии. Поэтому для полного освещения затронутого нами вопроса обратимся к краткой характеристике этих культур.

Могильники. В настоящее время на территории Башкирии исследовано около 10 пьяноборских могильников (Уфимский, Второй и Третий Уфимские, Чиатавский, Камышлы-Тамакский, Биктимировский, Охлебининский и другие), на которых вскрыто более 300 погребений; кроме того, в Башкирии известно несколько местонахождений пьяноборских предметов. Данные

этих памятников позволяют охарактеризовать пьяноборскую культуру следующим образом.

Пьяноборские племена по образу жизни были скотоводами и занимались главным образом разведением мелкого рогатого скота и лошадей. Скотоводческий характер их хозяйства оставил яркий отпечаток на материальной культуре и погребальных обрядах. Во многих погребениях могильника Камышлы-Тамак (Бакалинский район БАССР), раскопанного в 1961 г. объединенной археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР и Института антропологии Московского государственного университета, найдены железные конские удила и в большом количестве кости животных, преимущественно лошади. Конечности и черепа лошадей лежали главным образом в почвенном слое между погребениями и очень редко — в могилах.

Все пьяноборские могильники грунтовые, захоронения в них совершены на глубине 40—60 см, и очень резко могильные ямы достигают одного метра и более. Какого-либо твердо установленного порядка ориентировки умерших по странам света не наблюдается. Во втором Уфимском могильнике, расположенном в районе Башкирского государственного университета в Уфе, преобладают северная, а затем северо-восточная и восточная ориентировки, но в отдельных могилах костяки лежат головой на запад (Ахмеров, 1959, стр. 161). Такая же смешанная картина наблюдается на Уфимском могильнике, который А. П. Смирнов относит к раннепьяноборским памятникам, Чиатавском (Мажитов, 1959б, стр. 103, рис. 2) и Камышлы-Тамакском могильниках. На Камышлы-Тамакском могильнике из 100 вскрытых погребений около 30 ориентированы на северо-запад, примерно столько же на северо-восток и юго-запад и только небольшой процент — на север и юг. Другой особенностью пьяноборских могильников являются коллективные захоронения, содержащие от двух до четырех костяков. Одно такое погребение имеется на Чиатавском могильнике и более десяти — на могильнике Камышлы-Тамак. В большинстве коллективных погребений умершие положены в противоположные стороны.

В пьяноборских могильниках почти полностью отсутствует глиняная посуда, но в большом количестве представлены предметы украшений и вооружения из железа, бронзы и кости. В мужских погребениях Камышлы-Тамакского могильника найдены небольшие костяные наконечники стрел с внутренней втулкой и короткими круглыми черешками, бронзовые и железные трехлопастные наконечники стрел очень маленьких размеров, короткие двухлезвийные мечи с кольцевым навершием, короткие однолезвийные и длинные двухлезвийные мечи, наконечники копий, кинжалы и много других предметов.

Очень разнообразны формы пряжек поясных ремней. Судя по материалам Камышлы-Тамакского могильника, на территории Башкирии широкое употребление среди пьяноборских пле-

мен имели кольцевые (табл. 34, 10) и круглые рамчатые (табл. 34, 9, 12, 15, 16) пряжки с одним неподвижным крючком сбоку для застегивания на ремень. Менее распространены были пряжки такой же конструкции, но круглой (табл. 34, 11) и прямоугольной (табл. 34, 14) форм и формы, близкой к треугольной (табл. 34, 13). Наибольший интерес представляют эполетообразные пряжки, которые подразделяются на несколько типов. Самыми многочисленными из них являются небольшие пряжки с неподвижным крючком (табл. 34, 1, 2). К следующему типу эполетообразных пряжек, более усложненному, относится одна большая пряжка с тремя соединительными стержнями (табл. 34, 5). Найдено также несколько пряжек (табл. 34, 4, 5, 7, 8), очень близко напоминающих эполетообразные пряжки первого и особенно второго типов, которые надо рассматривать как дальнейшую эволюцию эполетообразных пряжек, приведшую впоследствии к появлению круглых подвесок (табл. 34, 34), фибул-застежек или блях с иглой или ушками на обороте (табл. 34, 35, 37).

Пьяноборские поясные ремни представляют сложенный пополам длинный узкий ремешок, концы которого привязываются к пуговкам или ушкам на пряжке; другой петлеобразный конец ремня перебрасывается через неподвижный боковой крючок. Таким образом застегивается и обувь. Менее распространены пояса из широких ремней с эполетообразными пряжками больших размеров.

Очень богаты женские погребения с многочисленными предметами украшений. Четкое расположение их позволяет восстановить весь комплекс женских украшений пьяноборских племен. На ушах женщины носили бронзовые серьги в форме вопросительного знака с несомкнутым кругом для продевания в ухо и длинным концом в виде конической спирали (табл. 34, 23—26), или гладкого прямого стержня с небольшим утолщением на конце (табл. 34, 27—29). Нередко несколько таких серег подвешивалось к головному убору у височных костей. Шею и грудь женщин украшали всевозможные предметы: ожерелья из стеклянных бусин темно-синего цвета и с золоченой поверхностью, просверленные клыки мелких животных, бронзовые пластинчатые накладки, орнаментированные спиральными S-образными, круглыми и другими узорами (табл. 36, 5—7). В женских погребениях встречаются еще железные пластинчатые браслеты (табл. 34, 21) и перстни. Некоторые женщины, видимо богатые, носили ремень, сплошь украшенный тонкими бронзовыми пластинками-накладками в виде прямоугольника или сдвоенных кругов с выпуклой поверхностью (табл. 36, 1—4). Накладки прикреплялись к ремням при помощи сдвоенных ушек на обороте, через которые продевались тонкие ремешки. Длинный конец ремней свисал спереди на бедра; к одному такому ремню (из Камышлы-Тамакского могильника) было подвешено литое серебряное зеркало сарматского типа (табл. 36, 4). Для застегивания на пряжку:

внутренней стороне ремня пришивались короткие ремешки без накладок, которые мы видели в бирских погребениях бахмутинской культуры. На голеностопные суставы обеих ног женщины надевали браслеты из удлиненных небольших бронзовых проинок с ушками на обороте, в которые продевались два-три тонких ремешка. Заканчиваются такие браслеты большой круглой бляхой из бронзы.

Камышлы-Тамакский могильник в настоящее время является одним из наиболее изученных поздних памятников пьяноборской культуры на территории Башкирии. Погребения его очень богаты инвентарем и убедительно датируются концом II в. до н. э.— I в. н. э. Дату ранних мы определяем на том основании, что их бусинный материал резко различается от аналогичного материала хорошо изученных сарматских курганов прохоровского времени (IV—II вв. до н. э.). С другой стороны, в некоторых погребениях мы впервые (в хронологическом плане) видим появление таких вещей, как мелкие бусины из красного, зеленого, темно-синего, желтого стекла, которые затем получают широкое распространение в ранне-бахмутинское время; погребения этой группы, очевидно, самые поздние и их следует отнести ко времени около I в. н. э. Возраст остальных предметов из погребений также хорошо укладывается между указанными веками. Так, например, среди материалов сарматских курганов рубежа нашей эры можно найти многочисленные аналогии бронзовым пряжкам с неподвижным крючком (Мошкова, 1961, стр. 298). На основании бусинного материала этим же временем датируются эполетообразная застежка с тремя жгутами и другие варианты застежки этой же формы. Из вещей с поздней датой следует упомянуть длинный двулезвийный меч, бронзовое зеркало сарматского типа (табл. 36, 4), прямоугольные и ромбические накладки поясных ремней (табл. 36, 2, 5—7), ажурные пластинки из бронзы, нашивавшиеся к головному убору. В погребениях найдены железные пряжки круглой формы с подвижным язычком, которые являются ранним прототипом пряжек из раннебахмутинских погребений (табл. 34, 18, 19).

Очень интересные результаты дает сопоставление материала камышлы-тамакских погребений с культурой среднекамских пьяноборских могильников. В. Ф. Генинг, автор одной из последних монографических работ по пьяноборской культуре (1962), весь вещевой комплекс прикамских могильников подразделил на четыре хронологические стадии, которые датировал III в. до н. э.— II в. н. э. Хотя инвентарь памятников примерно одинаков, эта периодизация несколько расходится с нашей датировкой Камышлы-Тамакского могильника. В этой связи нельзя не отметить, что хронологическая шкала В. Ф. Генинга основана лишь на типологии отдельных предметов, главным образом эполетообразных застежек; в результате чего дата многих предметов (Генинг, 1962, рис. 7, 15, 16, 19—34) оказалась заниженной, а дру-

гих (Генинг, 1962, рис. 7, 50—101) — завышенной. Судя по камышлы-тамакским аналогиям, в среднекамских памятниках (могильник Чеганда II) нет вещей III в. до н. э. и II в. н. э., и в целом твердой датой основной группы предметов, помещенных в указанном рисунке, является конец II в. до н. э.— I в. н. э.¹ Что касается даты эполептообразных застежек, то разница во времени между различными их вариантами, очевидно, была гораздо меньше, а некоторые из них могли существовать одновременно.

Второй и Третий Уфимские могильники вместе с широко известным (Первым) могильником близ г. Уфы, исследованным в 1911 г. В. В. Гольмстен, являются пока самыми восточными из всех выявленных могильников пьяноборской культуры, поэтому на их материалах мы остановимся подробнее. Некоторый подъемный материал из Второго Уфимского могильника уже опубликован Р. А. Ахмеровым (1952). В погребениях встречаются золотые (табл. 35, 2, 4) и бронзовые (табл. 35, 1) серьги в виде длинных конических спиралей с несомкнутым кругом для продевания в ухо, большие бронзовые бляхи — зеркала с циркульным орнаментом (табл. 35, 16, 17) или без него, трапециевидные (табл. 35, 15) и треугольные подвески-зеркала, бронзовые пластинчатые браслеты (табл. 35, 14) и поясные ремни, сплошь украшенные бронзовыми накладками. Характерной особенностью поясов из Второго Уфимского могильника является форма накладок, на которых изображены сильно стилизованные головы лошадей или баранов, поставленные в противоположные стороны (табл. 35, 6). Встречаются также прямоугольные (табл. 35, 5, 11, 12) и округлые (табл. 35, 9, 10) накладки с ушками на обороте. В разрушенном погребении, обследованном в 1961 г., найдены остатки обуви или одежды (?), украшенные небольшими бронзовыми пронизками и большими круглыми бляхами с ушками на обороте, в которые продевались тонкие ремешки (табл. 35, 8, 13). Примерно такой же инвентарь найден в погребениях Третьего Уфимского могильника, расположенного на ул. Галанова и раскопанного в 1959—1960 гг. В погребениях этого могильника, кроме того, встречено несколько глиняных сосудов чашевидной формы с примесью раковины в глине.

Наиболее ранним на территории Башкирии является Уфимский могильник, который А. П. Смирнов относит к III столетию до н. э. (Смирнов, 1952, стр. 31, 32). В хронологическом отношении, а также по однородности инвентаря и погребальным обрядам к Уфимскому могильнику очень близко примыкает Чиатавский могильник. Время существования его нами было предварительно определено как последние два столетия I тысячелетия до

¹ Вопрос о периодизации пьяноборских памятников отдельно нами рассматривается в другой работе: М. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк. Камышлы-Тамакский могильник. АЭБ, т. 3. Уфа (в печати).

н. э. (Мажитов, 1959, стр. 113). Примерно этим же временем должна быть датирована часть погребений Второго и Третьего Уфимских могильников из раскопок 1960—1961 гг. Найденные в этих могильниках поясные ремни, сплошь украшенные бронзовыми накладками с геральдическими изображениями голов лошадей или баранов, обнаружены в сарматском курганном могильнике III—II вв. до н. э. в дер. Старые Кишки (Садыкова, 1959, стр. 111, рис. XI, 10). Однако среди погребений Первого Уфимского могильника имеются и очень поздние. К ним можно отнести погребение, в котором были найдены египетского происхождения подвески с изображением лежащих на постаментах львов (Ахмеров, 1959, стр. 166, рис. 10, 3), которые датируются первыми веками нашей эры. К поздним, видимо, относятся и те погребения, в которых были найдены трапециевидные и колесовидные подвески, имеющие, по справедливому замечанию Р. Б. Ахмерова (1959, стр. 105, рис. 9), близкие аналогии в материалах Бахмутинского могильника.

Уфимские памятники выглядят рядовыми по сравнению с очень богатым Биктимировским могильником, исследованным в 1962—1964 гг. А. Х. Пшеничнюком (1964). Инвентарь этого могильника в целом повторяет материалы Первого и вышеописанного Второго Уфимского могильников, но отличается от них более богатым набором предметов оружия и украшений. На основании многочисленных привозных вещей дата Биктимировского могильника исследователем определяется III—II вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1964, стр. 228).

Во многих погребениях Биктимировского могильника найдены остатки поясного ремня, сплошь украшенного круглыми бляхами и накладками, изображающими головы каких-то зооморфных животных (там же, стр. 218, рис. 2, 1). Большой интерес представляют ременные подвески (там же, стр. 220, рис. 3, 1, 10); поясные застёжки (там же, стр. 218, рис. 2, 7, 9), выполненные в зверином стиле. В плане нашего дальнейшего изложения важно отметить, что пояса в погребениях Биктимировского могильника не застегнуты, а положены вытянуто вдоль костяка (там же, стр. 225, рис. 6, 1). Непосредственное отношение к широким поясам имеют два длинных ремешка с круглыми и прямоугольно-гофрированными накладками, которые лежали на груди умерших. Автор раскопок эти ремешки считает нагрудными украшениями в виде портупей, хотя не исключено другое их назначение (подвески пояса). Два очень интересных могильника с аналогичным материалом А. Х. Пшеничнюком исследовано в 1965 г. у дер. Охлебино и Шипово в районе устья р. Сим на правом берегу р. Белой. Погребения этих могильников по составу инвентаря четко подразделяются на две хронологические группы — III—II вв. до н. э. и II в. до н. э.—I в. н. э. (Пшеничнюк, 1966). Исследователь все вновь открытые памятники вместе с ранее известными Уфимскими могильниками выделяет в

особую археологическую культуру, которую называет карабызской и датирует III в. до н. э.—II в. н. э. Не соглашаясь с этим утверждением, мы считаем необходимым указать на некоторые моменты, на которые этот автор меньше всего обратил внимание.

Во-первых, один из важных аргументов А. Х. Пшеничнюка в пользу выделения карабызской культуры основан на том, что в материалах камских пьяноборских и бельских (карабызских) могильников прослеживаются существенные различия. Но подобные сопоставления археологических памятников двух соседних районов в плане выделения археологических культур неправомерны; так как между ними имеются большие хронологические различия: почти все основные бельские могильники (Биктимировский, Первый Уфимский) датируются III—II вв. до н. э., а камские, как мы отметили выше, относятся к последующим столетиям. Внесение такой коррективы в датировку сравниваемых памятников позволяет нам совсем иначе смотреть на вопрос об их этнокультурной принадлежности.

Во-вторых, одной из характерных черт карабызской культуры, отличающей ее от пьяноборской, А. Х. Пшеничнюк считает поясные ремни с накладками, застежками, подвесками, vyplненными в так называемом зверином стиле. Однако считать все эти предметы характерными только для бельских карабызских племен рискованно, так как они имеют очень широкое территориальное распространение. Многочисленные близкие аналогии, встреченные в памятниках степных районов скифо-савроматского времени (Смирнов, 1964, рис. 79, 1; рис. 80, 13, 14), не оставляют сомнения, что прототипом предметов звериного стиля из бельских могильников послужили южные образцы. Впрочем, это мнение в археологической литературе уже не является новым, а впервые было высказано еще Н. И. Толстым и Н. П. Кондаковым, сопоставившими уфимские зооморфные фигуры с сибирскими аналогами (1889, стр. 66). Крупнейший археолог Прикамья А. В. Збруева (1952) убедительно доказала, что искусство звериного стиля у племен Прикамья и Приуралья пользовалось большой популярностью и наряду с южными параллелями имело свои особенности, отличающие его от искусства южных кочевников. Такими особенностями она считала распространенный мотив изображения фигур оленя, медведя и других лесных животных (Збруева, 1952, стр. 141). Новые находки из бельских могильников еще не дают нам оснований пересматривать это мнение А. Збруевой, а служат лишь дополнительным, но более разносторонним материалом, подтверждающим его правильность.

Кроме предметов искусства звериного стиля, о южном влиянии на культуру бельских племен говорит сходство, которое наблюдается в составе предметов оружия (наконечники стрел, кинжалы, мечи) и украшения (набор бусин, проволочные серьги

в полтора оборота, застежки поясных ремней и т. п.) сарматских и бельских могильников. На это сходство обратил внимание и сам автор первых публикаций материалов Биктимировского могильника (Пшеничнюк, 1964, стр. 230). При исследовании вопроса о южном влиянии на культуру бельских племен необходимо помнить, что контакты с кочевыми племенами, в частности с сарматами, для них не были кратковременным явлением, а носили постоянный характер. Бельские племена постоянно находились в близком окружении сарматов, и это, естественно, получило свое яркое отражение в материалах их могильников.

В-третьих, если таким образом отвлечься от южных наслоений, то по всему остальному материалу бельские могильники мало чем будут отличаться от ананьинских и пьяноборских памятников Прикамья и Башкирии. Так, например, в бельских могильниках умершие захоронены по типично ананьино-пьяноборскому обычаю: на дне неглубоких ям (за исключением части Биктимировского могильника), без глиняной посуды, ногами к реке; часто встречаются коллективные погребения (табл. 37, 3, 7). Большая часть вещевого материала бельских могильников является типично пьяноборской — это дискообразные зеркал-бляхи с циркулярным орнаментом или без него (Пшеничнюк, 1964, стр. 218, рис. 2, 11), маленькие эполетообразные застежки (там же, стр. 224, рис. 5, 22), золотые и бронзовые спиралевидные (там же, стр. 227, рис. 7, 26) и гладкие серьги — височные подвески (там же, стр. 224, рис. 5, 4), прямоугольные поясные накладки (табл. 35, 5), перстни (Пшеничнюк, 1964, стр. 224, рис. 5, 7), пластинчатые и проволочные браслеты в несколько оборотов (там же, стр. 224, рис. 5, 5), круглые бляшки с ушками на обороте и иногда прорезным орнаментом на лицевой стороне (там же, стр. 227, рис. 7, 24, 25), детали костюма — нарукавные нашивки (там же, стр. 225, рис. 6, 2) и много других предметов.

В свете приведенных примеров очень важным является указание А. Х. Пшеничнюка на то, что в Биктимировском могильнике чем позднее погребение, тем больше в нем прослеживаются пьяноборских черт. Учитывая все это, на наш взгляд, было бы правильнее всего считать, что бельские могильники отражают главным образом переходный период от ананьинской культуры к пьяноборской. Аналогичного мнения раньше на примере Первого Уфимского могильника придерживался А. П. Смирнов (1957, стр. 31, 32).

Как известно, на территории Среднего Прикамья могильников, синхронных бельским (Первый Уфимский, ранние погребения Биктимировского), пока не обнаружено. Но судя по всему, эта лакуна там заполнится могильниками, материал которых будет очень близок бельским. В этом понимании существующие в настоящее время разногласия относительно того, называть ли бельские могильники самостоятельной культурой или определенным этапом в развитии ананьино-пьяноборской культуры

(Пшеничнюк, 1967), не имеют принципиального значения. Но, на наш взгляд, III—II вв. до н. э., представленные материалами бельских могильников, лучше всего назвать ранним этапом (караабызовским) единой пьяноборской культуры, а бельские памятники, как раньше, так и позднее (II в. до н. э. — I в. н. э.), рассматривать в качестве одного из ее локальных вариантов.

О том, что караабызские памятники не являются локальным явлением, характерным только для Башкирии, а пьяноборские могильники — для Среднего Прикамья, убедительно свидетельствует тот факт, что на всей этой территории указанным могильникам сопутствуют поселения с идентичным керамическим материалом.

Поселения. В районе среднего течения р. Белой в настоящее время известна многочисленная группа поселений типа нижних слоев Караабызовского и Бирского городищ, селища Воронки, Чертова городища близ г. Уфы и многие поселения в Гафурийском районе (Курмантаевское, Касьяновское, Михайловское и др.), для которых характерны круглодонные сосуды и открытые чаши с примесью мелкотолченой раковины в глине и ямочными наколами по шейке. Исследование этих памятников, особенно в связи с поставленным нами вопросом о происхождении бахмутинской культуры, имеет важное значение, так как культурная принадлежность и время существования их до сих пор остаются спорными. А. В. Збруева (1952, стр. 71, 73), А. П. Смирнов (1957, стр. 28) и Т. Н. Троицкая (1959, стр. 96) рассматривают эти памятники как своеобразную бельскую локальную группу обширной ананьинской культуры, а А. В. Шмидт (1929, стр. 15) и Г. В. Юсупов (1959, стр. 86) выделяют их в особую уфимскую или караабызскую культуру, одновременную с ананьинской; по мнению А. Х. Пшеничнюка (1964, 1967), эта культура существовала параллельно пьяноборской на р. Каме. Все эти точки зрения, на наш взгляд, трудно согласуются с самим материалом и потому не могут быть приняты.

Большинство караабызовских поселений являются многослойными; материальная культура их разнородна и представлена главным образом обломками керамики, которая делится на три самостоятельных типа: сарматский, ананьинский и караабызовский.

Как видно из таблицы, в керамике этих поселений доминирующим является караабызовский тип, представленный невысокими круглодонными сосудами (табл. 38, 8—15; Юсупов, 1959, стр. 69, табл. IV, 1) и открытыми чашами (там же, рис. 3, 5, 6) с ямочными наколами по шейке или без них и примесью мелкотолченой раковины или дресвы в глине. Ко второму типу относятся сосуды с типично ананьинским шнуровым орнаментом и часто утолщением по шейке (воротничок). Этот тип сосудов хорошо представлен также в ряде поселений по р. Уфе, исследованных Л. Я. Крижевской (1962), и вокруг г. Уфы. Тре-

Т а б л и ц а

Распределение керамики многослойных поселений Башкирии эпохи раннего железа (в количестве сосудов)

Памятники	Сарматский тип, %	Аваньянский тип, %	Карабызовский тип, %
Воскресенское городище	30 — 35	5	60 — 65
Касьяновское »	2 — 3	2 — 3	94 — 95
Михайловское »	6	—	94
Курмантаевское селище	2 — 3	2 — 3	94 — 96
Бирское городище	—	40	60
Биктимировское городище (нижний слой)	—	17	83
Карабызовское городище	Есть	Есть	Есть

тый тип близко напоминает сосуды из курганов Прохоровского времени Приуралья и в этническом отношении многими археологами справедливо связывается с сарматами (Смирнов, Петренко, 1963, рис. 1, карта. Пшеничнюк, 1964, стр. 99). Если в большинстве бельских городищ обломки сарматоидной керамики присутствуют лишь в качестве небольшой примеси к основному материалу, то Табынское (Юсупов, 1959, стр. 80—84) и Шиповское (Пшеничнюк, 1967) являются однослойными памятниками, дающими исключительно одну сарматскую керамику. Материалы этих городищ свидетельствуют, что в условиях горно-лесной Башкирии сарматы постепенно оседали.

Древнейшие аналогии сарматской керамики из бельских поселений мы находим среди материалов местных абашевских племен эпохи поздней бронзы. С абашевской керамикой (поселения Урняк, Баланбаш) ее прочно связывают такие характерные, не встречаемые в других культурах элементы, как прямые утолщенные шейки с резким переходом в стенку, орнамент в виде рифления, заштрихованных треугольников, лестниц и т. п. Учитывая эти особенности сарматоидных сосудов, А. П. Смирнов (1957, стр. 29), В. Ф. Генинг (1961, стр. 28) и автор настоящей работы (1962, стр. 149) пришли к выводу об абашевском характере происхождения этих сосудов. Принадлежность же сосудов сарматам свидетельствует, что в эпоху раннего железа в Южном Приуралье продолжали обитать потомки абашевских племен, которые затем приняли участие в формировании сарматской культуры. С другой стороны, местное абашевское происхождение вышеописанных сосудов служит гарантией тому, что хронологически они не могут быть датированы только прохоровским временем (Пшеничнюк, 1964, стр. 99); вполне вероятно, что значительная часть их относится к более ранним векам.

Накопленный материал пока совершенно недостаточен для

решения вопроса о происхождении керамики карабызского типа. Очевидно, правы А. В. Збруева, А. П. Смирнов и другие авторы, рассматривавшие ее как разновидность керамики ананьинской культуры. Об этом как будто говорят многочисленные случаи, когда она встречена в сочетании с типично ананьинской шнуровой керамикой, и связь с могильниками как на территории Башкирии, так и в Прикамье.

Учитывая, что карабызский тип керамики по форме сосудов, примеси к глине и ямочному орнаменту совершенно идентичен пьяноборской керамике на р. Кама (табл. 38, 1—4), В. Ф. Генингом (1961, стр. 27) и нами (Мажитов, 1963) было высказано мнение о возможном существовании некоторых карабызских поселений и в послепьяноборское время. Таким образом, предполагалось, что между пьяноборскими могильниками и позднекарабызскими поселениями Башкирии, по примеру среднекамских памятников, существовало тесное культурное единство. Это мнение получило свое подтверждение в исследованиях А. Х. Пшеничука (1964, 1967), убедительно доказавшего связь карабызских могильников (Биктимировский, Охлебинино) с поселениями типа поздних отложений Биктимировского городища.

Территория распространения пьяноборской культуры, таким образом, не ограничивалась только Средней Камой, небольшим районом вокруг устья р. Белой, а охватывала всю Северную Башкирию до широты среднего течения р. Белой (отрезок Уфа — Стерлитамак). По мнению А. П. Смирнова, в область расселения пьяноборских племен входил также бассейн р. Вятки с ее притоками и Верхнее Поволжье (Смирнов, 1961, стр. 96). Этому мнению придерживается Е. И. Горюнова (1961, стр. 20—31). Кроме того, в ряде своих работ А. П. Смирнов высказывает предположение, согласно которому в область расселения пьяноборских племен входила и Верхняя Кама (Смирнов, 1957).

Говоря о расселении пьяноборских племен на обширной территории, необходимо подчеркнуть, что внутри этой большой этнокультурной общности могли существовать отдельные локальные группы, которые имели свои специфические особенности в деталях материальной и духовной культуры, как среднекамская в устье р. Белой или, может быть, карабызовская в среднем течении р. Белой. Однако сказанное не дает оснований дробить единую культуру на отдельные самостоятельные микрокультуры, как это делает В. Ф. Генинг. В противном случае мы потеряем всякое представление о существовании этнокультурной общности, послужившей основой для племенных объединений I тысячелетия н. э. в Западном Приуралье.

Раскопки пьяноборских могильников дали новый материал, подтверждающий тесную связь их с раннебахмутинскими памятниками. Так, например, Каратамакский могильник по форме и глубине могильных ям, положению костяков и другим признакам близко напоминает Чиатавский и Камышлы-Тамакский,

Охлебининский могильники пьяноборских племен (табл. 37, 1—7). Как и в последних, в Каратамакском могильнике умершие захоронены в неглубоких (30—60 см) могильных ямах удлиненной формы. Отдельные погребения Каратамакского могильника, особенно коллективные, отличаются от большинства погребений иной ориентировкой покойников. Важно также отметить, что в пьяноборских, как и в раннебахмутинских могильниках почти совершенно отсутствуют глиняные сосуды или встречаются очень редко, что характерно для многих поздних погребений бахмутинской культуры.

Другим важным признаком погребального обряда бахмутинских племен, указывающим на преемственную их связь с племенами пьяноборской культуры, является обычай класть широкие пояса в незастегнутом виде сбоку от костяков. Этот обряд, особенно характерный для мазунинской группы бахмутинских племен, непосредственно восходит к пьяноборским (караабызским) традициям, зафиксированным в Биктимировском могильнике (табл. 37, 6). В караабызских же могильниках впервые появляются случаи необычного расположения предметов украшений в кучах сбоку от костяков (табл. 37, 4, 5), которые затем становятся характерными для всех бахмутинских могильников.

Тесная генетическая связь между рассматриваемыми культурами особенно хорошо прослеживается по предметам женских украшений, которые, как и погребальные обряды, относятся к наиболее консервативным сторонам материальной и духовной жизни и потому могут служить надежным критерием при определении преемственности культур.

Выше мы неоднократно подчеркивали, что характерной особенностью женских украшений бахмутинских племен являются височные подвески в виде вопросительного знака с сомкнутым кругом. Ранним прототипом бахмутинских подвесок являются пьяноборские серьги-подвески, которые существовали на протяжении всей пьяноборской культуры и претерпели ряд типологических изменений. Наиболее древними и устойчивыми, как это заметил В. Ф. Генинг, являются подвески в виде длинных конических спиралей. Позднее появляются литые гладкие подвески, иногда с бусиной на конце, которые существуют одновременно с ранними формами. Первое время, судя по Чиатавскому и Камышлы-Тамакскому могильникам, серьги-подвески прикреплялись по одной или по две к ушам (лежат против ушных отверстий погребенных), а затем они стали подвешиваться и к головному убору у височных костей. В бахмутинское время серьги-подвески используются уже только как височные, и несколько меняется их форма: круг замыкается, а на другом конце появляется небольшой крючок для подвешивания (табл. 2, 3—5; 34, 40—42). Гладкие стержни бахмутинских височных подвесок, являющиеся почти копией позднего варианта пьяноборских серег-подвесок, сплошь обматываются тонкой бронзовой проволо-

кой в виде спирали и на концы их насаживается стеклянная или пастовая бусина. Серьги с напущенной бусиной, судя по материалам Камышлы-Тамакского могильника, существовали и в пьяноборское время (табл. 34, 27—29).

Из других предметов материальной культуры пьяноборских племен следует остановиться на поясных ремнях, которые мы рассматриваем как древнюю форму бахмутинских поясов. Эти ремни, как и бахмутинские, сплошь украшались металлическими накладками, имели длинные ременные подвески, спускающиеся на бедра, и внутренний ремешок для застегивания на пряжку. Бахмутинские ремни отличаются от пьяноборских только формой накладок и пряжек, что, видимо, надо относить к различиям хронологического порядка. Заметим также, что в отдельных погребениях пьяноборских могильников (Камышлы-Тамакский, Чеганда II) изредка встречаются ромбические накладки из бронзовых пластинок (табл. 36, 5, 7), которые становятся характерными для поздних погребений Бирского могильника.

В бахмутинских могильниках, как и в пьяноборских, продолжают встречаться круглые дискообразные бляхи-зеркала, трапециевидные обломки таких зеркал (подвески), круглые бляшки с выпуклым круглым орнаментом и ряд других однотипных или близких по форме вещей (табл. 34, 9—22, 34—39, 43). Некоторые из этих предметов (например бляхи, подвески) пока трудно считать характерными только для пьяноборских и бахмутинских племен, но вместе с другими фактами в данном случае они служат важным доказательством того, что никакого перерыва в развитии их культуры не было.

И, наконец, остановимся на керамическом материале, который, как известно, в силу устойчивости форм, орнамента и способов изготовления может быть использован для решения вопросов этнокультурной принадлежности археологических памятников.

В одной из своих первых работ по бахмутинской культуре мы высказали предположение, что бахмутинскую керамику, орнаментированную частыми круглыми ямками, следует генетически связывать с керамикой памятников позднеананьинской эпохи типа городища Кара-Абыз (Мажитов, 1959, стр. 150). В настоящее время, когда материалы по бахмутинской культуре значительно пополнились, мы по-прежнему находим этот вывод в основном правильным. Вопрос о караабызовской керамике, как генетически предшествующей бахмутинской в Западном Приуралье, приобретает особенно большой интерес в свете пердатировки ее пьяноборским временем.

В первой и второй главах подчеркивалось, что в бахмутинской керамике преобладают сосуды двух форм: небольшие круглодонные открытые чаши (табл. 9, 32) и крупные сосуды с широко открытым горлом (табл. 38, 14, 15). Эти же формы сосудов

характерны и для керамики карабызовских поселений (табл. 38, 1—4, 8—13). Но в отличие от бахмутинских, преобладающее большинство карабызовских сосудов изготовлено из глины с примесью мелкотолченой раковины, а не дресвы. Однако при изучении вопроса преемственности между двумя археологическими культурами одной территории различия в тесте не могут быть основополагающими. В этом лишний раз убеждают нас материалы карабызовских поселений в Гафурийском районе, исследованные Г. В. Юсуповым и Т. Н. Троицкой. В этих поселениях, особенно в Курмантаевском селище и Касьяновском городище, встречаются совершенно одинаковые по форме, размерам и орнаменту сосуды, имеющие разные примеси (дресву или мелкотолченую раковину) в тесте, что в данном случае следует рассматривать как различия хронологические. Новая технология изготовления сосудов с примесью дресвы, получившая широкое применение в бахмутинское время, могла появиться (возможно, под влиянием южных сарматских племен) на позднем этапе существования пьяноборской культуры.

Круглоямочный орнамент на карабызовских сосудах покрывает не все тулово, как это имеет место на бахмутинских, а располагается только по шейке, образуя один горизонтальный ряд или треугольники. Однако почти во всех бахмутинских поселениях вместе с сосудами с богатым ямочным орнаментом по всему тулову встречаются экземпляры, украшенные по карабызовскому способу ямками по шейке. Кроме того, в материалах Бирского, а также Сарвихинского и других бахмутинских поселений по нижнему течению р. Белой, имеются сосуды с типичным бахмутинским орнаментом, но изготовленные, в отличие от бахмутинских, из глины с примесью раковины (табл. 38, 14). Сосуды, вероятно, надо рассматривать как промежуточные между карабызовской (пьяноборской) и бахмутинской керамикой.

Необходимо отметить, что в степях Южной Сибири имеется группа памятников, обнаруживающая некоторое сходство с памятниками бахмутинской культуры. В 1926—1927 гг. В. П. Левашовой было обследовано несколько поселений вблизи г. Барабинска типа Вознесенского городища, основной вещественный материал которых состоит из керамики, очень близко напоминающей сосуды с бахмутинских поселений (Левашова, 1928). Для барабинских памятников характерны глиняные сосуды, украшенные по всему тулову беспорядочно расположенными ямками круглой, но чаще всего удлиненной формы. Это, судя по обломкам², невысокие круглодонные сосуды с коротким, иногда слабо отогнутым наружу горлом; орнамент в виде косых насечек или удлиненных ямок располагался по краю венчика. Все сосуды изготовлены из глины с примесью песка или дресвы.

В. Ф. Генинг, говоря о неместном, южносибирском происхо-

² Хранятся в фондах Омского краеведческого музея.

дении бахмутинской культуры, ссылается на сходство керамического материала бахмутинских и барабинских памятников. Переселение бахмутинских племен в Западное Приуралье он относит к концу II — началу III в. н. э. и связывает его с начавшимся продвижением на запад гуннских кочевников. Однако сходство в керамическом материале в данном случае еще не дает основания считать, что бахмутинская культура генетически связана не с местной, а с культурой памятников барабинских степей. При решении вопроса о происхождении археологических культур двух, далеко удаленных друг от друга районов, важное значение приобретает точная датировка сопоставляемых памятников. Барабинские же памятники по сравнению с бахмутинскими исследованы очень слабо и потому плохо датированы.

В. П. Левашова все исследованные ею памятники относит к очень позднему времени — к первой половине II тысячелетия н. э. (Левашова, 1928). Эта очень поздняя дата вызывает некоторые сомнения, хотя для пересмотра ее в настоящее время мы не располагаем никакими новыми фактами. Но даже если и предположить, что будущие полевые исследования барабинских памятников позволят удревить их дату более чем на одно тысячелетие, то и в этом случае решать вопрос о южносибирском происхождении бахмутинской культуры только на основании керамики нельзя. Для этого, во-первых, необходимо исключить возможность самостоятельного возникновения и развития керамики двух рассматриваемых районов. Вполне вероятно также, что керамика барабинских поселений имеет общие генетические корни с пьяноборско-карабызовской керамикой. Во-вторых, необходимо, чтобы в барабинских степях указанным поселениям соответствовали могильники, которые как по погребальным обрядам, так и по вещественному инвентарю были бы идентичны бахмутинским, особенно ранним, и в то же время резко отличались от пьяноборских. Последнее маловероятно, поэтому вывод о южносибирском характере бахмутинской культуры нам представляется преждевременным.

Примерно таким же образом, по-видимому, должен решаться вопрос и о происхождении мазунинской группы племен бахмутинской культуры. Материалы собственно мазунинских могильников (Мазунинский, Ижевский и др.) не дают никаких оснований поддерживать вывод В. Ф. Генинга о том, что мазунинские племена появились на Средней Каме на рубеже II—III вв., вытеснив местное пьяноборское население (Генинг, Стоянов, 1961, стр. 82). М. С. Акимова, исследовавшая черепа из мазунинских могильников, не допускает возможности коренной смены населения Средней Камы в позднепьяноборское время. Наоборот, по ее мнению, мазунинское население антропологически очень близко стоит к местным пьяноборским племенам (Акимова, 1961, 1962). Много общего и в погребальных обрядах мазунинских и пьяноборских племен. Выше уже подчеркнута общая черта по-

гребального ритуала мазунинских и пьяноборских (караабызских) племен — укладка поясных ремней вытянуто вдоль костяка. Следует лишь отметить, что эта деталь пока является характерной только для рассматриваемых групп племен Западного Приуралья. Все мазунинские могильники, как и пьяноборские, грунтовые, захоронения в них неглубокие, встречаются коллективные погребения и случаи разной ориентировки умерших по странам света; как и в пьяноборских, в них нет глиняной посуды.

Обычай обкладывать могилы каменными плитами, встреченный в Мазунинском могильнике (Генинг, 1958, стр. 79, рис. 31), также не чужд местному пьяноборскому населению. Такие могилы имеются в Чиатавском (Мажитов, 1959б, стр. 106, рис. 4) и Уфимском (Гольмстедт, 1914, стр. 5) могильника. В инвентаре мазунинских могильников в большом количестве встречаются височные подвески бахмутинского типа, поясные ремни, сплошь украшенные бронзовыми накладками, бронзовые круглые зооморфные фибулы-застежки (Генинг, 1959, стр. 203, табл. X, 3, 4), по форме и ornamentации близко напоминающие поздние варианты эполеобразных пряжек-застежек из Камышлы-Тамакского могильника пьяноборской культуры (табл. 34, 30, 31).

Говоря о местных корнях раннебахмутинской культуры, нельзя не отметить и ряд особенностей, которые отличают ее от караабызско-пьяноборской культуры. В погребальных обрядах эти особенности проявляются в установлении более или менее постоянной ориентировки погребенных, в широком распространении жертвенных комплексов, а в вещевом материале — в замене однородного ямочного орнамента беспорядочным, в отсутствии в раннебахмутинских могильниках Башкирии поясных ремней с накладками и ряд других. Возможно, некоторые из этих особенностей действительно связаны с культурным влиянием племен соседних территорий или, как утверждает В. Ф. Генинг, с проникновением на рубеже II—III вв. в среду местных пьяноборских племен новых этнических групп. Но этот приток нового населения, если он имел место, видимо, был очень незначительным, и в целом все особенности бахмутинской культуры, отличающие ее от пьяноборской, на наш взгляд, следует искать не в коренной смене населения данной территории, а во внутренних изменениях, происшедших в общественной и экономической жизни племен.

Бахмутинские племена, по сравнению с пьяноборскими, совершили большой скачок в экономическом развитии. Сильное развитие получила металлургия, увеличилась продуктивность земледелия и скотоводства, развился межплеменной обмен и, наконец, начался распад родовых отношений и выделение на этой основе семейных коллективов. Объединение местных, ранее экономически мало связанных между собой племен теперь происходит на более высокой ступени развития и сопровождается выработкой единой формы культуры. Все эти изменения не могли не отразиться на материальной культуре и обрядах.

ПАМЯТНИКИ ТУРБАСЛИНСКОГО ТИПА
И ФОРМИРОВАНИЕ
ПОЗДНЕБАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На рубеже двух этапов истории бахмутинских племен лежит эпоха великого переселения народов, вызванная массовым проникновением из районов Центральной Азии в Европу гуннов-кочевников. Нашествие гуннов, разгромивших около 370 г. военный союз аланских племен, привело к передвижению народов на огромной территории, создало сложную этническую карту Урала. Племена скотоводов-кочевников степных районов Южной Сибири и Южного Урала, оказавшиеся на пути продвижения гуннов, под натиском последних вынуждены были перекочевывать к северу, в горно-лесные районы Урала, а отдельные группы этих племен достигли Среднего и Верхнего течения р. Камы, где оставили многочисленные памятники типа курганных могильников у дер. Качка и дер. Харино Пермской области.

Многочисленная группа памятников, оставленных пришлыми с юга кочевническими племенами, в настоящее время выявлена и на территории Башкирии. Наиболее изученным является Ново-Турбаслинский курганный могильник, который раскапывался археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР в 1957—1958 гг. Материалы раскопок уже опубликованы (Мажитов, 1959а), поэтому ниже мы кратко остановимся на основных особенностях вещественного инвентаря, погребальных обрядов, датировке и культурной принадлежности могильника, получивших ранее только предварительное освещение.

Ново-Турбаслинский могильник состоит из многочисленных курганов, беспорядочно сгруппированных на небольшой площади. Курганы представляют небольшие круглые или удлиненные в плане земляные насыпи диаметром 8—14 м и высотой 10—60 см. Встречаются курганы, достигающие 20—22 м в диаметре и 1 м в высоту. В курганах от 1 до 4 и только в двух случаях до 7—8 человеческих захоронений, совершенных в глубоких могильных ямах. Могила располагается в центральной части кургана рядами, по линии восток-запад. В нескольких курганах могилы расположены в беспорядке или двумя рядами в южной и северной частях курганных насыпей (курганы 14, 20).

Курганные насыпи содержат большое количество костей лошади и следы жертвенных кострищ в виде мощных зольных пятен (курганы 4, 9, 15, 16, 18, 19). В кургане 18 над могилами был сожжен большой жертвенный костер, в результате чего весь грунт вокруг могильных ям на глубине почти 1 м был сильно пережжен и имел красноватый, светло-коричневый оттенок. Кроме того, под насыпями семи курганов были вскрыты круглые ямы диаметром около 2 м и глубиной 1,5—3,5 м. В кургане 21 яма вырыта в центре между двумя погребениями, а над двумя ямами в кургане 19 прослежены следы кострищ, аналогичные кострищам в кургане 18. Ямы заполнены черной землей, смешанной с золой, а в двух ямах в кургане 20 обнаружены обломки керамики бахмутинского типа. Обломки такой керамики найдены также в насыпях курганов (4, 7, 9, 21, 22 и др.), это, возможно, говорит о том, что здесь до появления могильника существовало поселение бахмутинской культуры, следы которого видны и за его пределами.

На могильнике вскрыто 78 погребений, из которых нетронутыми оказались только 2. Могильные ямы двух типов: удлиненной формы с прямыми или чуть сужающимися ко дну стенками и закругленными углами (72 ямы, или 92% от общего количества) и ямы такой же удлиненной формы, но с глубокими подбоями в виде ниш в северной узкой стенке. Подбой (глубина 40—50 см, высота 30—40 см) сделаны на уровне дна могил и во всю их ширину. Могильные ямы обоих типов своими длинными стенками ориентированы по линии юг — север с небольшими отклонениями к западу и редко к востоку.

Погребенные клялись на спину, с вытянутыми конечностями. В 71 случае (95%) кости лежали головой на север, в одном — на северо-запад и в одном — на юг. Почти в каждом погребении обнаружены целые или разбитые глиняные сосуды, которые, как правило, стояли в изголовье, в северном конце ямы. В могилах с подбоями сосуды всегда находятся в подбое. Рядом с сосудами или прямо на них лежали кости крупного животного, по-видимому, лошади.

Основную часть вещественного материала курганов составляют большие толстенные сосуды, изготовленные из глины с примесью дресвы. Поверхность многих сосудов имеет следы обработки твердым штампом и несколько сглажена водой. Сосуды трех типов, из которых самым многочисленным является первый (30 сосудов). Сосуды первого типа имеют сильно раздутые шарообразные (табл. 39, 4, 6, 9—12) или несколько вытянутые (табл. 39, 5) тулова с округлыми днищами. Горла большинства сосудов высокие, прямые и слегка суженные, но изредка встречаются сосуды с высоким, широко открытым горлышком. Орнамент имеется только на трех сосудах, из них два украшены двумя горизонтальными рядами круглых ямок по плечу (Мажитов, 1959а, стр. 118, табл. I, 4) и по шейке и один

сосуд по плечу украшен насечками в виде удлиненных ямок. Ко второму типу относятся семь сосудов с сильно раздутыми шарообразными туловами, высокими прямыми горлышками, но с плоским дном (табл. 40, 6, 7; Мажитов, 1959а, стр. 135, табл. III, 3, 4). Сосуды не орнаментированы. К третьему типу мы относим только один сосуд с высоким прямым горлом и плоским дном из кургана 10, украшенный по шейке и плечикам частыми горизонтальными поясками гладкого штампа и пересекающимися короткими насечками (Мажитов, 1959а, стр. 126, рис. 3; табл. 40, 13).

Так как почти все погребения были ограблены, раскопки дали лишь очень небольшое количество металлических предметов. Наиболее многочисленными из собранного материала оказались наборы поясных ремней (Мажитов, 1959а, стр. 121, табл. II, 1—3, 5—16; стр. 136, табл. IV, 1, 2, 4—6; стр. 139, табл. VI) и серьги круглой формы с литыми или напущенными многогранными бусинами (там же, стр. 136, табл. IV, 7, 8). Имеются также круглые колесовидные подвески с выпуклыми шишечками по краю (там же, стр. 121, табл. II, 17, 18), иголки, по-видимому, от пальчатых фибул (там же, рис. 19, 21), подвеска, изображающая фигуру мужчины (там же, стр. 131, рис. 4). Из других предметов украшений найдены большие плоские и круглые ятарные бусы и бусы из темно-синего стекла с белыми глазками.

Многие предметы Ново-Турбаслинского могильника имеют аналогии в памятниках середины и начала второй половины I тысячелетия н. э., что послужило основанием для датировки их IV—VII вв. (Мажитов, 1959, стр. 142). Эта в основном правильная дата в настоящее время требует некоторого уточнения.

Самыми ранними датирующими находками могильника являются пряжки круглой формы с длинными изогнутыми язычками и прямоугольными пластинчатыми щитками (Мажитов, 1959а, стр. 136, табл. IV, 1, 2). Такие пряжки в Бирском могильнике датируются концом IV—VI вв. Бронзовая пряжка с золотой инкрустацией из кургана 8 (там же, стр. 123, рис. 2) очень напоминает пряжки из Бирского могильника и может быть отнесена к V—VI, а возможно, к VII столетию. Этим же временем, по бирским и другим аналогиям, датируются круглые серьги с литыми или напущенными многогранными бусинами на конце. По этим же серьгам устанавливается дата антропоморфной подвески из кургана 14 (там же, стр. 131, рис. 4), которая раньше нами была отнесена к IV в. Примерно VI в. надо датировать пряжки с литыми щитками (там же, стр. 121, табл. II, 16; стр. 136, табл. IV, 5). Ко времени не ранее VI в. следует отнести штампованные и бронзовые надкладки от ремней. Ново-турбаслинские надкладки могут быть сопоставлены с накладками из Суджанского клада VI—VII вв. (Рыбаков, 1953, стр. 56, рис. 76). Т-образные надкладки из кургана 27 (Мажитов, 1959а, стр. 139,

табл. VI, 3, 4), аналогичные накладкам из Бирского и Бахмутинского могильников, характерны для VI—VII вв. Таким образом, большинство курганов Ново-Турбаслинского могильника датируются V—VI вв. Возможно, самые ранние погребения его относятся к концу IV в., а поздние — к началу VII в.

Целый ряд могильников, очень близких по материалам к ново-турбаслинским курганам, известен на территории г. Уфы. В 1960—1961 гг. археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР частично был раскопан курганный могильник в Орджоникидзевском парке (Сальников, 1964). Курганы этого могильника по своему устройству идентичны ново-турбаслинским. Захоронения в них совершены в глубоких могильных ямах с подбоем в узкой северной стенке или без него, с заплечиками по длинным стенкам, с северной ориентировкой. Сходный характер имеет и вещественный материал, в том числе керамика (табл. 39, 8).

В 1960 г. на улице Пушкина г. Уфы во время земляных работ было обнаружено одно разграбленное погребение, которое находилось на глубине 1,3 м. Костяк, судя по сохранившимся анатомический порядок костям ног, лежал вытянуто на спине, головой на север, возможно, с некоторым отклонением к западу. В северном углу могильной ямы (2,4 × 0,7 м), в изголовье костяка найдены кости животного, по-видимому, лошади и разбитый глиняный сосуд с шарообразным туловом и высоким прямым горлом (табл. 39, 7), который по форме и технике изготовления аналогичен сосудам из ново-турбаслинских курганов. Погребение датируется на основании обломка бронзовой пряжки с золотой инкрустацией примерно V—VII вв. В небольшом раскопе, заложенном в 1961 г. в непосредственной близости от вышеописанного погребения, обнаружено было еще одно погребение с необычным для населения Башкирии рассматриваемого времени обрядом захоронения — трупосожжением. Могила еще в древности была сильно ограблена, но удалось найти мелкие пережженные кости (человека?), которые лежали в куче в средней части ямы. Здесь же еще обнаружены обломки большого неорнаментированного глиняного сосуда, по форме и размерам аналогичного сосудам из других турбаслинских могильников.

Пришлым южным племенам принадлежат также погребения, открытые на улице Социалистической (Ахмеров, 1949, стр. 113—117), в районе зданий Башкирского оперного театра и Медицинского института (Ахмеров, 1951, стр. 125—137). Как правильно отметил А. П. Смирнов (1959, стр. 6), эти погребения с ново-турбаслинскими курганами сближают северная ориентировка костяков, форма могил и глиняной посуды, жертвенные кости животных, следы кострищ и другие детали. Дату их на основании бронзовых пряжек с золотой инкрустацией, литых серебряных пряжек, наконечников ремней, лунниц из тонких золотых пластинок мы определяем V—VII вв. н. э.

На территории г. Уфы имеется еще четвертый могильник, который также может быть отнесен к числу памятников пришлых кочевников. Этот могильник находится на высоком правом берегу р. Уфы, в районе домов, расположенных за зданием горсовета. Во время земляных работ здесь обнаружено около десятка могил, в которых Р. Б. Ахмеровым была собрана очень интересная коллекция керамики, по всем основным признакам (форма, размеры, примесь к глине) аналогичная сосудам из ново-турбаслинских и других уфимских погребений. Ввиду случайного характера открытия могил подробности о ритуале погребенных нам точно неизвестны, но, судя по всему, они происходят из разрушенных курганов — о существовании в этом районе курганов мне не раз приходилось слышать от ныне покойного краеведа П. Ф. Ищерикова.

По формам могил, керамическому материалу, обилию костей лошади в могилах, металлическим украшениям к уфимским и ново-турбаслинскому могильникам примыкает Кушнарниковский могильник (Мажитов, 1964, стр. 106). В этом могильнике есть несколько могил с явными признаками трупосожжения (Генинг, 1964, стр. 122), но при исследовании этнокультурной принадлежности памятника этому факту не следует придавать серьезного значения. Как уже отмечалось выше, развитый культ огня очень ярко представлен во многих турбаслинских и уфимских погребениях, а в могиле на ул. Пушкина обнаружены остатки подобного же трупосожжения. В керамике из Кушнарниковского могильника преобладают неорнаментированные плоскодонные горшки (Генинг, 1964, стр. 119, рис. 6), но там есть единичные сосуды кушнарниковского (сборы А. П. Шокурова) и турбаслинского типов. Набор металлических предметов (пряжки, накладки ремней, серьги) и бусинный материал позволяют датировать этот интересный памятник V—VII вв.

Вышеперечисленные могильники тесно связываются с поселениями типа Кушнарниковское, Романовское и городищем Уфа II; подавляющую часть керамического материала этих поселений составляют плоскодонные горшки, идентичные аналогичным сосудам из могил (Ищериков, Мажитов, 1962, стр. 142, табл. I); богатая коллекция плоскодонных горшков выделяется также на поселении Ново-Турбаслинское II (Мажитов, 1962, стр. 158, табл. III, 5). В незначительном количестве в поселениях встречены обломки сосудов турбаслинского (Мажитов, 1962, стр. 161, рис. 7; стр. 158, табл. III, 7) и кушнарниковского (Ищериков, Мажитов, 1962, стр. 143, табл. III; Генинг, 1964, стр. 116, рис. 3) типов. Мы не разделяем точку зрения К. В. Сальникова (1964, стр. 12, 13) о том, что плоскодонный (романовский) и кушнарниковский типы керамики якобы связаны с самостоятельными этническими группами или археологическими культурами (Мажитов, 1964, стр. 106—108). Это мнение не объясняет тот факт, что сосуды указанных типов наряду с третьим турбаслин-

ским в могильниках встречаются во взаимном сочетании, составляя единые погребальные комплексы. В противном случае каждому из этих трех типов керамики должны были соответствовать определенные погребальные сооружения и типы однослойных поселений, что на самом деле не наблюдается.

Усиленные полевые поисковые работы в этом направлении, проведенные археологической экспедицией Башкирского университета под руководством Г. И. Матвеевой в последние годы, никаких положительных результатов не дали. Все это вместе взятое заставляет нас указанные три типа сосудов рассматривать как разновидности керамики одного и того же населения. Необходимо еще помнить, что хотя ранняя дата многих поселений совпадает со временем засыпки курганов, они существовали значительно дольше основной группы могильников, вплоть до последних столетий I тысячелетия н. э. (Мажитов, 1964, стр. 106—108). Значит, материал поселений отражает сравнительно поздний период истории пришлого в конце IV в. населения, когда они уже вели более оседлый образ жизни.

Таким образом, на территории Центральной Башкирии в настоящее время имеется большая группа памятников, не имеющая никаких связей с культурой местных племен предшествующего времени. Учитывая своеобразие происхождения пришлых племен, их памятники мы выделяем в особую культуру, которую предлагаем назвать турбаслинской.

Турбаслинские племена по своему происхождению являются тюркскими, тесно связанными в своем развитии с гунно-сарматским населением южноуральских степей. В ранее опубликованных работах (Мажитов, 1963, 1964) мы имели возможность более подробно высказаться по данному вопросу. Поэтому, отсылая читателя к известным уже работам, в данном случае мы ограничимся только приведением сравнительного материала, показывающего преемственную связь турбаслинской керамики с керамикой южных памятников более раннего периода (табл. 39, 45). Как видно из табл. 39, в курганах южноуральских в основе сарматских племен наряду с преобладающей круглодонной посудой встречаются сосуды с богатым орнаментом по шейке и тулову, которые можно рассматривать как прототипы кушнаренковских сосудов из турбаслинских памятников (табл. 40, 9—13). Там же мы находим отдельные экземпляры плоскодонных сосудов, близких по форме плоскодонным сосудам из Башкирии (табл. 40, 1—4): О южноуральском происхождении турбаслинцев говорит также хорошо выраженный антропологический тип (Акимова, 1964, стр. 163), который может быть сопоставлен с физическим обликом южноуральских сармат. Но следует отметить, что среди турбаслинцев были представители и монголоидной расы, что подтверждается находкой черепа с монголоидными чертами из уфимских курганов в парке им. С. Орджоникидзе (исследования М. С. Акимовой). Это может служить

лишним доказательством, подтверждающим правильность тезиса о сильном гунно-тюркском влиянии на культуру турбаслинских племен.

Приведенные доводы позволяют нам опровергнуть мнение В. Ф. Генинга о сибирском происхождении турбаслинских племен (Генинг, 1961, стр. 39—44; 1964, стр. 127, 128). В Сибири, за исключением случайных аналогий, пока не известен ни один комплекс археологических памятников, который можно было бы рассматривать как генетически предшествующий турбаслинским. В. Ф. Генинг, говоря о сибирском происхождении культуры турбаслинских племен, ссылается в частности на сходство сосудов кушнаренокского типа из Башкирии с сосудами из Перейминского могильника в северо-западной Сибири, что нам представляется не совсем убедительным. Уже из изложенного выше видно, что древние образцы этой керамики достаточно полно представлены в материалах южноуральских племен последних столетий I тысячелетия до н. э. Хотя эти древние прототипы кушнаренокской керамики найдены в сарматских памятниках, в этническом отношении связать их только с сарматами при теперешнем уровне наших знаний, по-видимому, нельзя. Не исключено, что происхождение этих сосудов связано с приходом на Южный Урал новой группы населения из районов Южной Сибири и Алтая; тогда вышеотмеченные сибирские аналогии (Перейминский могильник) получат совсем другое объяснение. Приток нового населения на территорию Башкирии в IV в. оставил яркий след в культуре местных племен. Памятники позднего этапа бахмутинской культуры, как показали раскопки Бирского могильника, характеризуются сильно смешанным материалом и появлением многих новых черт в погребальных обрядах и вещественном инвентаре. Конечно, новые черты культуры поздних бахмутинских племен могли возникнуть самостоятельно, в ходе поступательного развития общества, но в целом посредническую роль пришлых кочевников отрицать нельзя. Так, например, можно с уверенностью говорить о том, что бахмутинцы заимствовали у турбаслинских племен новую форму керамики, представленную сосудами четвертого типа из Бирского могильника, а затем стали украшать ее характерной для них ямочной орнаментацией (третий тип). Можно также предположить, что под влиянием турбаслинских племен бахмутинцы стали сооружать могильные ямы с подбоями в узких стенках. У пришлых кочевых племен переняли они и некоторые ритуальные обычаи, например, обряд захоронения в могильниках конечностей лошади и др.

Неоднородность бахмутинского населения в V—VII вв. подтверждается и антропологическими данными. М. С. Акимова, исследовавшая останки Бирского могильника, отмечает значительную примесь монголоидности к основному европеоидному типу, что несколько отличает население, оставившее Бирский могильник, от ранних бахмутинских племен (мазунинская груп-

па), для которых характерна хорошо выраженная европеоидность и большая близость в антропологическом типе к племенам местной пьяноборской культуры (Акимова, 1962, стр. 362). Когда же могло образоваться антропологическое различие между отдельными группами племен бахмутинской культуры? По этому поводу можно высказать два предположения. Во-первых, указанные особенности в антропологическом типе бахмутинской культуры являются лишь отражением тех различий, которые существовали в физическом облике населения Южного Урала и Западного Приуралья в более ранние века. Во-вторых, на основании сравнительной однородности материала раннебахмутинских памятников на всей территории их распространения можно было бы предположить и определенную близость всего раннебахмутинского населения в антропологическом типе, который не должен был резко отличаться от физического типа местных пьяноборских племен. Возникновение антропологических различий между отдельными группами бахмутинского населения, по-видимому, следует относить к позднему периоду, когда в результате проникновения пришлых кочевых племен на территории Башкирии образовалось смешанное население. Необходимо также иметь в виду, что все памятники мазунинской группы на Средней Каме являются очень ранними (III—V вв.) и поэтому, естественно, они не несут на себе тех изменений, которые характерны для позднебахмутинского времени. Но независимо от того, как будет решен в будущем вопрос о различиях в антропологическом типе бахмутинских племен, в настоящее время неоспоримым остается факт, что формирование их культуры в V—VII вв. происходило при воздействии пришлых кочевников. Для этого времени мы находим возможным ставить вопрос о вливании в местную пьяноборско-бахмутинскую среду новой группы племен южного происхождения.

Длительное пребывание на одной территории турбаслинских и бахмутинских племен способствовало их тесному сближению, стиранию резких различий в культуре. Только таким процессом смешения и тесного взаимовлияния можно объяснить то, что в некоторых курганах Ново-Турбаслинского могильника были найдены сосуды типично турбаслинской формы, но орнаментированные рядами круглых ямок по шейке и плечикам. Глиняный сосуд с типично бахмутинским ямочным орнаментом найден в одном из погребений могильника в парке им. С. Орджоникидзе г. Уфы (Сальников, 1964, стр. 12). О культурной близости бахмутинских и турбаслинских племен в V—VII вв. свидетельствует также широкое распространение в могильниках ожерелий с примерно одинаковым составом бусин, сходных нагрудных украшений, поясных наборов и т. п.

Но процесс этнокультурного смешения кочевников с коренным населением к VII в. еще не закончился. Культура местных и пришлых племен в это время остается еще самобытной: сохра-

няются многие этнографические особенности в керамике, украшениях, возможно, в хозяйстве и языке. Между турбаслинскими и бахмутинскими племенами прослеживаются разграничения и территориальные. Турбаслинские племена расселялись главным образом в центральных районах Башкирии (среднее течение р. Белой), где они оставили памятники с сильно смешанным материалом. В то же время почти все поселения бахмутинской культуры в северных и северо-западных районах республики (бассейн р. Танып, устье р. Белой и среднее течение р. Уфы) являются однослойными, что говорит об этнической однородности бахмутинских племен этих районов.

Глава V

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Последние века существования бахмутинской культуры подводят нас непосредственно к периоду, когда появляются самые ранние письменные сообщения о народах, занимавших территорию, которая примерно соответствовала современному расселению башкир. Сведения эти представляют немаловажный интерес для изучения вопроса об этнической принадлежности носителей бахмутинской культуры.

По характеру сведений эти письменные источники подразделяются на две группы. Одна группа авторов (ибн-Фадлан, ал-Балхи, ал-Идриси, Рашид ад-Дин), начиная с X в., помещает башкир на территории Южного Приуралья, недвусмысленно называя их издревле тюрками. Но в данном случае для нас особый интерес представляет вторая группа источников, так как именно они предопределили подход различных исследователей к поставленному нами вопросу.

В этих письменных источниках, относящихся уже к XIII—XIV вв., башкирские племена примерно этих же районов именуются мадьярами, т. е. отождествляются с мадьярскими племенами. Примерно до VII—VIII вв. мадьярские племена обитали к востоку от Волги, в районах Западного Приуралья, где, по данным поздних письменных источников, расселялись тюркоязычные башкиры. Интересные сведения о передвижении древнемадьярских племен с Западного Приуралья и о переселении их в конце IX в. в Паннонию (современную Венгрию) имеются в сообщениях венгерских средневековых хроник. «В 884 году от воплощения Господа нашего семь вождей, называвшихся *Netu poger* (по мнению Е. И. Горюновой — семь мадьяр), вышли с востока, из земли Сцитской. Из них вождь *Almus*, сын *Идек'а*, из рода *Мадода*, вышел из той страны вместе со своей женой, сыном *Арпадом* и с великим множеством союзных народов. После многодневного шествия по пустынным местам они на своих кожаных турбах переплыли реку *Этыл* (Волгу) и, нигде не находя ни сельских дорог, ни селений и не питались изготовленными людьми кушаньями, как был обычай у них, но наедались мясом и

рыбами, откуда пришли в Susudal (Суздаль) в Россию. Из Суздаля они шли в Киев и потом через Карпатские горы в Паннонию, чтобы овладеть наследством Аттилы, прародителя *Almusa*» (Горюнова, 1961, стр. 149). Здесь небезынтересно отметить, что известный венгерский историк Э. Мольнар «землю Сцитии», упоминаемую в венгерских хрониках, отождествляет с территорией современной Башкирии (Мольнар, 1955, стр. 97).

В XIII в. у ушедших на запад мадьярских племен сохранились еще предания об их древней прародине и оставшихся там соплеменниках. В 1235—1237 гг. венгерский монах Юлиан совершил путешествие в районы Поволжья, в устье р. Камы, с целью разыскать своих соплеменников, оставшихся язычниками, и обратиться их в христианство. В сообщении о поездке Юлиана говорится, что после долгих мытарств, потеряв своих спутников, он достиг наконец Великой Булгарии. Там он встретил одну венгерскую женщину «из страны, которую он (Юлиан) искал». Она хорошо понимала венгерский язык и объяснила, что страна — цель поисков Юлиана — находится в двух днях от города, в котором он остановился. Юлиан двинулся в путь и действительно вскоре нашел страну, которую искал, около большой реки Этиль. Население приняло его очень радушно. «Они весьма внимательно слушали, так как язык у них совершенно венгерский; и они его понимали и он их» (Аннинский, 1940, стр. 71 и сл.). Здесь Юлиан узнал, что живущие на западе венгры действительно «ушли от них» (Мольнар, 1955, стр. 93).

С данными Юлиана и венгерских хроник несколько перекликаются путевые записки западноевропейского путешественника Рубрука, в 1253 г. посетившего Золотую Орду. Он пишет, что «в 12 дней (пути) от Етелии (Волги) пришли они к одной большой реке Ягах (Яик), которая течет с севера, с земли паскатиры. Язык паскатирский и венгерский есть едины и оные суть пастухи, не имущие ни единого города, ни пригородка, со стороны западной граничат они с Великой Булгарией и от ее земли к востоку. Из сей страны паскатиры вышли гунны, которые после названы были венграми». Другой западноевропейский путешественник Плано Карпини страну башкир называет «Великой Венгрией» (Плано Карпини, 1911, стр. 123).

Как видим, средневековые письменные источники в одинаковой степени указывают на обитание в Западном Приуралье, примерно в бассейне р. Белой, в конце I тысячелетия н. э. башкирских и мадьярских племен. Противоречивый характер этих сведений, по-видимому, объясняется тем, что население Башкирии к этому времени было уже сильно смешанным и состояло из представителей тюркоязычных башкир и угров-мадьяр.

Много интересных сведений по древней истории Башкирии могла бы дать местная топонимика, но она остается пока совершенно неизученной. Тем не менее нельзя не обратить внимания на некоторые топонимы, общие как для Башкирии, так и для

Венгрии: Унгар, Сакмар, Тазлар, Токсаба и т. п. (Гарипов, Кузеев, 1962, стр. 326). Сходство башкирской топонимики с венгерской, по-видимому, не носит случайный характер, а образовалось в результате пребывания венгерских племен на территории Башкирии. О тесных связях венгерских племен до их ухода на запад с населением Башкирии свидетельствуют и названия башкирских племен Еней и Юрматы, которые упоминаются в числе венгерских племен, переселившихся в IX в. в Паннонию.

Одним из первых советских археологов, попытавшихся связать письменные источники о башкирах и уграх-мадьярах с археологическим материалом Южного Приуралья, был А. В. Шмидт. Пребывание древнемадьярских племен в Западном Приуралье он считал историческим фактом и связывал с ними памятники бахмутинской культуры. Разумеется, А. В. Шмидт тогда ясно понимал, что в культуре бахмутинских племен и ранних венгров мало близких параллелей, и свой вывод о древнемадьярском (угорском) характере бахмутинской культуры он сделал, исходя только из исторических сопоставлений. В частности А. В. Шмидт полагал, что бахмутинские племена в Приуралье обитали только до VII—VIII вв., а затем вынуждены были покинуть эту территорию (А. В. Шмидт, 1929, стр. 26). Таким образом, уход бахмутинцев из Приуралья связывался с появлением мадьярских племен в заволжских степях. Высказанный в форме предположения взгляд А. В. Шмидта на вопрос об угорском характере бахмутинской культуры нашел затем поддержку у некоторых советских археологов (Ахмеров, 1952, стр. 48; 1959, стр. 167; Генинг, 1958, стр. 75; 1959, стр. 203; Горюнова, 1961, стр. 39; Збруева, 1958, стр. 240; Коишевский, 1948, стр. 169; Оборин, 1958, стр. 138, 139; Юсупов, 1960, стр. 134 и др.).

Однако в настоящее время имеются и противники теории об угорском характере бахмутинской культуры. Так, например, по мнению этнографа Р. Г. Кузеева и лингвиста Т. М. Гарипова, угорские племена в Северо-Западной Башкирии и на Средней Каме вообще никогда не жили, а мнение о связях бахмутинцев с уграми-мадьярами является несостоятельным (Гарипов, Кузеев, 1962, стр. 342).

Ценные наблюдения по интересующему нас вопросу сделали венгерские историки. Э. Мольнар в исследовании по истории венгерских племен второй половины I тысячелетия н. э. исходит «из исторического факта пребывания венгров на территории Башкирии», установленного на основании данных средневековых письменных документов и лингвистики. Он считает, что на территории Башкирии венгры близко соприкасались с аланскими и тюркоязычными (болгары и другие) племенами, которые оставили заметный след в словарном фонде венгерского языка. По его мнению, не все венгерские племена ушли на запад, в страну Лебедию; оставшаяся небольшая часть их, оторечившись, вошла в состав башкирского народа (Мольнар, стр. 90—101). Однако

последовательность изменяет автору, когда он переходит к определению культурной принадлежности поздних археологических памятников Башкирии. Некритически восприняв слишком позднюю датировку некоторых памятников (Уфимские погребения), он оказался в затруднении, когда старался найти в них общие черты с культурой венгров IX—X вв. Это заставило Э. Мольнара сделать предположение о том, что венгры до переселения на правый берег Волги жили южнее болгар, на левобережье Волги (стр. 100), хотя здесь не выявлен ни один характерный памятник данного времени. Мнение о угорском (мадьярском) характере бахмутинской культуры подверг сомнению и другой венгерский археолог И. Эрдейи. Он считает, что венгры в Башкирии, которых в XIII в. посетил Юлиан, являются поздними пришельцами, обитавшими ранее вместе с другими венграми на западе от Волги, в стране Лебедия-Этелькёзы (Эрдейи, 1959, стр. 13).

Такова в общих чертах постановка и изученность вопроса об этнической принадлежности бахмутинской культуры в современной исторической науке. После такого краткого знакомства с историографией возникает вопрос о том, какой же из двух выше-рассмотренных точек зрения нужно отдать предпочтение. Само решение этого вопроса в большей мере зависит от того, действительно ли Южное Приуралье когда-то являлось прародиной древнеугорских, в том числе древнемадьярских племен. На последний вопрос данные западноевропейских путешественников, а также частично местной топонимики, дают очень ясный ответ. В настоящее время в распоряжении исследователей древнего Урала (археологов, лингвистов, этнографов) нет такого убедительного материала, который позволил бы доказать ошибочность имеющихся источников. Это значит, что пребывание древнемадьярских племен в Приуралье пока для нас остается историческим фактом и, следовательно, они здесь должны были оставить памятники материальной культуры, которые мы вправе искать среди уже известного материала. Если к анализу археологических культур Южного Приуралья середины I тысячелетия н. э. подойти с этой точки зрения, то следы пребывания древних мадьяр мы должны будем искать в материалах памятников, близких к памятникам бахмутинской культуры.

В настоящий момент ни один известный памятник бахмутинской культуры на всей территории своего распространения не может быть датирован позже рубежа VII—VIII вв. Если судить по материалам Кушулевского могильника (Эрдейи, 1959), в IX—X вв. в Северо-Западной Башкирии распространяются памятники нового типа, имеющие мало общего с культурой бахмутинских племен. Все это трудно объяснить иначе, как уходом бахмутинских племен с данной территории и приходом сюда новых этнических групп. Уход бахмутинцев может быть справедливо связан с появлением мадьярских племен в приволжских и заволжских степях, как это сделал А. В. Шмидт.

Между бахмутинскими и древнемадьярскими племенами имеется некоторое сходство и в культуре. Могильники дунайских венгров X в. очень близко напоминают бахмутинские. Все они грунтовые и содержат неглубокие захоронения, ориентированные на запад. В ранневенгерских могильниках, как и в позднебахмутинских, широко были распространены жертвенные кости лошади.

Одной из характерных черт материальной культуры венгров X в. являются поясные ремни со свисающими спереди на бедра длинными подвесками, сплошь украшенными металлическими накладками. Такие пояса, например, в большом количестве встречены в могильниках Пербете (И. Диенеш, 1959, стр. 150, рис. 6), Яхомсаллаш (там же, стр. 153, рис. 8), Башхалом № 1 (там же, стр. 154, рис. 9) и на других археологических памятниках, выявленных на территории Венгрии. По способу ношения и реконструкции все венгерские пояса тождественны поясам из Бирского могильника, хотя отличаются от них только формой пластинчатых накладок. Правда, в последних столетиях I тысячелетия н. э. пояса, подобные венгерским, носило население Северного Причерноморья и Кавказа, однако следует подчеркнуть, что в Приуралье они широко были распространены еще на рубеже нашей эры и являются характерными для могильников племен пьяноборской культуры. И, наконец, необходимо учесть территориальную близость бахмутинской культуры с легендарной страной «Великая Венгрия». Все эти особенности в их совокупности не могут носить случайный характер и, вероятно, являются результатом этнической общности носителей двух культур.

При сопоставлении культуры бахмутинских племен с культурой дунайских венгров X в. необходимо учитывать два важных момента. С одной стороны, этнический состав Мадьярского союза был сложным и в нем значительную роль сыграли тюркские племена. Так, например, из семи племен этого союза пять были тюркского названия и лишь два угорского (Мольнар, 1955, стр. 134). Учитывая сказанное, при настоящем уровне наших знаний о бахмутинских племенах, речь можно вести лишь как о составной части этого союза, не отождествляя их между собой. Следовательно, памятники бахмутинских племен не показывают все особенности культуры ранних мадьяр. Тесные этнокультурные отношения между бахмутинскими и турбаслинскими племенами (смешанное их расселение на одной территории) позволяют нам предположить и участие последних в этногенезе древнемадьярских племен. Если будущие исследования подтвердят наше предположение, то, таким образом, мы получим археологическое подтверждение о месте, времени формирования и сложном этническом составе союза мадьярских племен в Приуралье.

С другой стороны, между культурами бахмутино-турбаслинских племен и дунайских венгров X в. имеется большой хроноло-

гический разрыв (около 200 лет), пока не представленный археологическим материалом. Полностью выбывает из поля зрения исследователей период обитания венгров в легендарной стране Лебедия-Этелькёзы, так как для венгров этого периода не удастся выделить характерные черты материальной культуры и погребальных обрядов. Между тем VIII—IX вв. представляют важный период в истории венгерских племен. В это время они находились в тесном окружении хазар, печенегов, болгар и славян, что не могло не отразиться на изменении их культуры. Пока недостаточно связующих материалов между культурой приуральских племен середины I тысячелетия н. э. и венгров X в., поэтому проводить уверенные сопоставления трудно.

Очень интересной в этом плане является одна из последних работ П. Д. Степанова, в которой им предприняты попытки выделить элементы культуры угорских племен, относящиеся непосредственно к послеуральскому периоду их жизни. По мнению П. Д. Степанова (1964), Лебедия-Этелькёзы находилась на Среднем Поволжье, где мадьярские племена остановились после ухода с территории Башкирии и оставили памятники типа верхних слоев городища Ош-пандо. Хотя для доказательства своих выводов автор привлекает только тот круг материалов, который имеет очень широкое территориальное распространение и потому не может служить конкретным источником при этнологических исследованиях (бусы, топоры, наконечники стрел, неорнаментированная плоскодонная керамика), данные археологических памятников в Башкирии позволяют нам отнестись к этой гипотезе с полным вниманием.

Особенно интересно то, что выделенный П. Д. Степановым в качестве угорского элемента материал поволжских памятников находит себе очень близкие параллели в культуре населения Башкирии V—VII вв. Это сходство мы видим во всех чертах культуры: на предметах украшения, керамике и т. п. Однако справедливости ради следует отметить, что эти связи наблюдаются больше всего по линии сближения поволжских племен с населением гурбаслинской культуры. С бахмутинской культурой может быть связано происхождение только единичных предметов, опубликованных П. Д. Степановым. Сюда относятся фибулы и кольцевые подвески с круглыми выпуклинами по краю, подвески в виде скульптурных фигурок лошади (Степанов, 1964, стр. 143, рис. 5, 12—14, 29).

Языковая близость древнемадьярских племен с финно-угорскими племенами Урало-Прикамья должна была отразиться и на материальной культуре. В этом плане из всех археологических культур Башкирии V—VII вв. в бахмутинской мы найдем больше черт, роднящих ее с культурой северных соседей. С прикамскими культурами (ломоватовская, азелинская, полонская) ее сближают грунтовой характер могильников, форма и устройство могил, круглодонная керамика с ямочным и нарезным

орнаментом и многие предметы украшения (фигурки медведя, лошади, птиц) и т. п. На это сходство в свое время обратил внимание еще А. В. Шмидт, который бахмутинские памятники рассматривал только как локальный вариант одной обширной камской культурной общности.

Большой интерес представляет сходство бахмутинской культуры с памятниками древнехантыйских и мансийских племен, с которыми венгры составляют угорскую ветвь финно-угорской языковой системы. Широко распространенные в бахмутинских памятниках, особенно ранних, подвески в виде фигурок медведя, птицы и лапчатые подвески имеют близкие аналогии в материалах памятников конца I тысячелетия н. э. Нижнего Приобья, которые В. Н. Чернецов связывает с древнехантыйскими племенами (Чернецов, 1957, стр. 201, рис. 12—28; стр. 203, рис. 23—34; стр. 138). Нижнеобские угры фигуркой медведя украшали бронзовые предметы (застежки, бляхи) еще с усть-полуйской эпохи (Чернецов, 1953, стр. 128, табл. III, 1, 2, 5—7). Зооморфные фигурки у всех угорских племен I тысячелетия н. э., видимо, носили чисто культовый характер и посвящались тотемным животным или птицам (Чернецов, 1957, стр. 208 и др.), что подтверждается этнографическими примерами. У кондинских вогулов, например, вплоть до начала XX в., существовал обычай отливать из меди фигурку животного или птицы, чтобы заставить душу вернуться в покинутое ею тело человека. В могилах вогул встречаются фигурки волков, которые, по мнению В. Н. Чернецова, были намеренно переломлены пополам (Чернецов, 1941, стр. 26). Эта деталь хорошо перекликается с обычаем бахмутинцев хоронить вместе с умершим фигуры медведя с одной сломанной ногой.

Однако в целом сопоставление бахмутинских памятников с материалами угорских племен встречает серьезные трудности, так как в археологической науке еще не выделены характерные угорские этнические признаки. Нет также ясного представления о месте и времени сложения древней угорской этнической общности. Л. Р. Кызласов склонен считать, что угры первоначально жили в Хакасско-Минусинской котловине и оставили там грунтовые могильники (таштыкская эпоха). Этих угров он связывает с древними диньдинами (тагарская эпоха), которые в более позднее время восприняли инородные элементы, но сохранили угорский язык (Кызласов, 1960, стр. 166—168). Из Хакасско-Минусинской котловины, по мнению Л. Р. Кызласова, угры ушли на Верхнюю Обь, где оставили памятники одинцовской культуры (Кызласов, 1960, стр. 158—174). Хотя Л. Р. Кызласов делает оговорку, что под уграми он подразумевает древних предков западносибирских хантов, из контекста последней главы его работы становится очевидным, что, по его мнению, древнемадьярские (угорские) племена еще до первых веков нашей эры жили в Западной Сибири вместе с остальной массой угорских племен.

Для подтверждения своей мысли о пребывании древних угров в Западной Сибири Л. Р. Кызласов ссылается на данные топонимики, которую он считает угорской (Кызласов, 1960, стр. 168—171). Против этого вывода выступил А. П. Дульзон, отрицающий западносибирское происхождение угорских племен. А. П. Дульзон считает, что угры двигались не с востока на запад, а, наоборот, с запада на восток (Дульзон, 1960, стр. 9). Иного же мнения о происхождении верхнеобских (одинцовских) племен придерживается М. П. Грязнов. Происхождение одинцовских племен он рассматривает в тесной связи с культурой уральских племен, оставивших памятники ананьино-пьяноборского типа (Грязнов, 1956, стр. 112—113).

Описанная Л. Р. Кызласовым схема продвижения угров с востока на запад не убедительна, хотя имеет своих сторонников. По мнению Р. Г. Кузеева и Т. М. Гарипова, угорские племена в Северо-Западной Башкирии и на Средней Каме вообще никогда не жили. Продвигаясь из Хакасско-Минусинской котловины в Восточную Европу, угорские племена в первых веках нашей эры появляются в степной части Южного Урала и на левобережье Волги (Гарипов, Кузеев, 1962, стр. 342). Нельзя не отметить, что на этой территории пока нет ни одного хорошо изученного археологического памятника, относящегося к интересующему нас времени.

Точка зрения о южносибирском происхождении угорских племен в настоящее время особенно упорно отстаивается В. Ф. Генингом. Он признает угорский характер бахмутино-мазунинской культуры, но считает, что эта культура возникла в результате переселения южносибирских угров в Западное Приуралье на рубеже II—III вв. н. э. (Генинг, 1959, стр. 200—204, 217; 1961, стр. 39—44). Согласно исследованиям В. Ф. Генинга, проникновение южносибирского населения в это время в Западное Приуралье носило массовый характер и охватывало весь бассейн р. Камы. В частности с данной миграцией он связывает еще происхождение турбаслинских племен в Башкирии, харинских, тураевских и именьковских — на р. Каме (Генинг, 1961, 1964, стр. 114—128). В. Ф. Генинг в целом поддерживает мнение о тюркской принадлежности памятников турбаслинской культуры (Генинг, 1964, стр. 123—127).

Однако анализ самого археологического материала рисует нам несколько иную историческую картину в Западном Приуралье в начале и середине I тысячелетия н. э. Из этого анализа становится очевидным, что до проникновения турбаслинских и харинско-тураевских племен здесь существовала развитая культура бахмутинских племен, которую отнюдь нельзя считать привнесенной со стороны (Мажитов, 1963, 1964). В этом заключается наше принципиальное расхождение с В. Ф. Генингом в объяснении развития археологических культур Западного Приуралья в интересующее нас время.

Таким образом, археологические памятники Башкирии показывают, что теория о сибирском происхождении угров-несостоятельна. Они позволяют нам предполагать, что Западное Приуралье угры заселили задолго до первых веков нашей эры. Учитывая тесные генетические связи культуры бахмутинских племен с предшествующей ей пьяноборской, можно полагать, что вопрос о происхождении древнеугорских племен на территории Западного Приуралья должен решаться в плане изучения памятников пьяноборской (караабызской) культуры. Аналогичного же мнения придерживался Г. В. Юсупов, проводивший раскопки пьяноборских (караабызских) поселений в Гафурийском районе Башкирской АССР (1959, стр. 88—90). Эта точка зрения близко совпадает также с исследованиями В. Н. Чернецова. Он считал, что на западных склонах Урала еще в I тысячелетии до н. э. обитали племена, родственные угрозычным племенам усть-полудийской культуры Нижнего Приобья (Чернецов, 1953, стр. 223). С этими древними уграми в частности он связывает фигурки медведя и другие предметы из Гляденевского костыща.

Предположение о длительном пребывании угорских племен к западу от Уральского хребта находит некоторое подтверждение в работах финно-угорских лингвистов. Так, например, в свое время Каннисто, а после него А. Ф. Теплоухов обратили внимание на сохранившиеся древнемансийские названия в топонимике Верхнего Прикамья и объяснили это тем, что некогда древнемансийские племена обитали в Западном Приуралье (Теплоухов, 1924). Определенный угорский пласт в топонимике Урала в настоящее время фиксирует также А. К. Матвеев (1961). Наконец, венгерский ученый Петер Хайду считает, что многие первоначальные угорские слова, связанные с названиями растений и животных, возникли в тот период, когда угорские племена жили в Прикамье и на Среднем Поволжье (Хайду, 1953, стр. 3—4).

Как известно, в археологической науке сейчас распространено мнение о том, что племена ананьинско-пьяноборской культуры являются древнейшими предками современных народов коми, удмуртов, входивших в пермскую группу финно-угорской языковой системы. Указанная теория возникла на основе представлений, по которым, начиная с ананьинского времени, на территории Прикамья якобы наблюдается непрерывное развитие археологических культур, которые в итоге связываются с ближайшими предками упомянутых народов. Но в свете вновь накопленного огромного материала эта точка зрения нуждается в пересмотре, так как она не объясняет причин многих археологических явлений. Так, например, в результате развернувшихся археологических работ последних лет на территории Башкирии выявлены десятки новых пьяноборских памятников, отличающихся от известных прикамских лучшей сохранностью и степенью богатства (Мажитов, 1963; Пшеничнюк, 1964). Эти

открытия выдвигают территорию Башкирии как один из основных центров пьяноборской культуры, намного расширяя тем самым ее южные границы. Многочисленную группу пьяноборских племен Башкирии трудно связать, кроме угорско-бахмутинской, с культурой позднейших эпох финно-угорских (древнепермских) племен Прикамья.

Учитывая это, было бы более правильным считать, что ананьино-пьяноборское общество в языковом отношении было уже смешанным и в нем наряду с основными финно-пермскими могли находиться племена, которые говорили на древнем угорском языке. Эту угорскую ветвь, на наш взгляд, составили как раз карабызо-пьяноборские племена на территории Башкирии.

Приложение

БИРСКИЙ МОГИЛЬНИК

Погребение 1. Могильная яма простой конструкции, т. е. имеет прямоугольно-удлиненную форму с закругленными углами, вертикальными стенками и горизонтальным полом¹. Размеры ее 2,20 × 0,60 м, глубина 60 см. Костяк средней сохранности, лежит вытянуто, на спине, головой на северо-запад. В изголовье — 4 маленькие рубленные бусинки из красного, зеленоватого и синего стекла (табл. 4, 1, 7, 11, 20). Правая рука покойника держала круглую пряжку с изогнутым (крючкообразным) язычком (табл. 5, 4). Под правым бедром, ближе к тазу — железный нож (табл. 3, 12).

Погребение 2. 2,20 × 0,65 м, глубина 0,65 м. Костяк лежит на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Справа от черепа находится жертвенный комплекс, куда входили ромбическая в сечении бронзовая шейная гривна (табл. 11, 6), круглая бронзовая пластинчатая бляха с отверстием в центре (табл. 10, 4), два бронзовых проволочных браслета (табл. 14, 1, 2), два бронзовых колокольчика (табл. 11, 3, 5), полая внутри подвеска с изображением фигуры медведя или лошади (табл. 11, 9), обломки от бронзовой височной подвески на железном стержне (табл. 2, 3) и ожерелье из 175 мелких бусин из красного, желтого, белого, синего, голубого стекла (табл. 4а, 5). Здесь же бронзовая проволочная серьга круглой формы (табл. 11, 8). На груди бронзовая пряжка (табл. 11, 4). Рядом с левой тазовой костью — железные удила с костяными псалиями (табл. 11, 10, 11).

Между бедренными костями — маленький неорнаментированный глиняный сосуд (табл. 9, 1). Справа от левого бедра — бронзовая пряжка (табл. 11, 1) и наконечник ремня (табл. 11, 7), четыре ребра и две предплечевые (?) кости какого-то мелкого животного, возможно, бобра. Между голенными костями — лопаточная кость овцы или козы, а рядом со стопой левой ноги — железный проушной топор (табл. 3, 14). У костей щиколоток обеих ног по одной бронзовой пряжке (табл. 11, 2).

Погребение 3. 2,15 × 0,80—85 м, глубина около 80 см. Костяк хорошей сохранности и лежит в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Слева от правой бедренной кости — железный наконечник копья (табл. 3,

¹ Все погребения могильника с порядковым номером до 76 имеют аналогичную конструкцию.

1), втульчатый топор (табл. 3, 16), нож (табл. 3, 13) и круглая бронзовая пряжка (табл. 5, 4). Справа от левого бедра — бронзовая большая В-образная пряжка (табл. 5, 23).

Погребение 4. 1,20 × 0,40 м, глубина 50 см. Костяк лежит вытянуто на спине, головой на северо-запад. В изголовье — маленький глиняный сосуд (табл. 9, 6). Найдена еще бронзовая серьга (табл. 2, 6).

Погребение 5. 2 × 0,60—68 м, глубина 76 см. Костяк лежит вытянуто на спине головой на северо-запад и с вытянутыми конечностями. У височных костей — по одной подвеске бахмутинского типа напускной стеклянной бусиной (табл. 2, 3). В области пояса — обломок плохо сохранившегося наконечника стрелы из железа. У левой кисти — бронзовое колечко, вероятно серьга (табл. 2, 2), между бедренными костями — шейная гривна (табл. 14, 4). Рядом с гривной — бусина из белого стекла. Слева от правой коленной кости — бронзовая В-образная пряжка (табл. 5, 18). У правого коленного сустава — бронзовый пластинчатый наконечник ремня (табл. 6, 12). Рядом с кистью левой руки — небольшое ожерелье (жертвенный комплекс): около 20 мелких стеклянных бусин красного, желтого и зеленого цветов (табл. 4, 1, 7, 11, 20). В погребении найдена одна пластинчатая застежка (табл. 8, 2).

Погребение 6. 2,15 × 0,60—0,70 м, глубина 50 см. Ограблено². Из предметов найдено: маленькая круглая железная пряжка (табл. 5, 1), одна круглая бляшка с выпуклой поверхностью и двумя маленькими отверстиями по краям (табл. 6, 4) и один обломок бронзовой пластинки.

Погребение 7. 2,25 × 0,73—0,85 м, глубина 65 см. Костяк лежит вытянуто, на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми конечностями. Длина костяка 171 см. Справа от черепа — жертвенный комплекс: две проволоочные серьги круглой формы (табл. 2, 2, 8) и ожерелье из 52 маленьких стеклянных бусин желтого, голубого, синего цветов (табл. 4а, 1).

Погребение 8. 2,15 × 0,65—0,70 м, глубина 74 см. Костяк лежит в вытянутом положении на спине, головой на север-северо-запад. Длина костяка около 160 см (рис. 3).

Рядом с височными костями — по две височные подвески бахмутинского типа с напущенными стеклянными бусинами светло-голубого цвета (табл. 2, 4). На шее — ожерелье из шести округлых подвесок из раковины (табл. 2, 25, 26), двадцати стеклянных маленьких бусин (табл. 4, 6). Слева от лучевых костей правой руки — круглая пластинчатая бляшка из бронзы с четырьмя отверстиями в центре. Справа от этих костей — бронзовая пряжка (табл. 5, 11). Справа от левого бедра — жертвенный комплекс: бронзовое пластинчатое колечко (табл. 2, 9); бронзовая шейная гривна (табл. 14, 4); ожерелье из мелких рубленых стеклянных бусин красного, желтого и темно-синего цветов (табл. 4, 1, 7, 11); оловянный браслет с напускной бусиной из коричневого стекла. Здесь же — остатки поясного ремня — 11 полых внутри полушариковых (табл. 6, 4) и две треугольные (табл. 6, 20, 21) накладки со следами кожи. Все накладки располагались в ряд, оканчивающимися пластинчатым наконечником ремня (табл. 6, 8). В погребении найдены также железная пряжка с обломанным язычком (табл. 5, 1) и длинный железный нож (табл. 3, 12). Найдена еще одна лапчатая подвеска (табл. 7, 19).

² Во всех ограбленных могилах кости человека разбросаны.

Погребение 9. 1,95 × 0,65 м, глубина 62 см. Костяк лежит вытянуто, на спине, головой на северо-запад с вытянутыми конечностями. Из вещей найдены: обломки железной пряжки (табл. 5, 1), два обломка железного ножа (?) и круглая бронзовая серьга (табл. 2, 2).

Погребение 10. 2 × 0,50 м, глубина 90 см. Костяк очень плохой сохранности лежал головой на северо-запад. Найдены две круглые пряжки (табл. 5, 3, 4), два обломка железного предмета (наконечника копья) и обломок височной подвески (табл. 2, 3).

Погребение 11. 1,31 × 0,74 м, глубина 79 см. Могильная яма вытянута по линии юго-восток — северо-запад. Костяк сгнил, находок нет.

Погребение 12. 2,15 × 0,70—0,78 м, глубина 80 см. Костяк очень плохой сохранности лежал вытянуто, головой на северо-запад. Слева от черепа — жертвенный комплекс: 1) две височные подвески (табл. 2, 5); 2) ожерелье из 41 маленькой стеклянной бусины белого, красного и голубого цветов (табл. 4а, б); 3) бронзовая пластинка с двумя круглыми отверстиями на углах; 4) бронзовая проволочная серьга (табл. 2, 7). Справа от таза — две бронзовые: пряжки (табл. 5, 8, 10).

Погребение 13. 2,20 × 0,70—0,80 м, глубина 72 см. Костяк лежит вытянуто, на спине, головой на северо-запад. Найдены небольшая круглая пряжка (табл. 5, 3), маленькое пластинчатое колечко, два обломка железного ножа.

Погребение 14. 2,20 × 0,70—0,50 м, глубина 70 см. Костяк положен на спину, вытянуто, головой на север-северо-запад. Рядом с левой тазовой костью — небольшой железный нож (табл. 3, 11). Справа от правой бедренной кости — бронзовая пластинка от наконечника ремня (табл. 6, 9). Между бедренными костями — небольшое бронзовое колечко (табл. 2, 2). Слева от стопы правой ноги — пять костяных наконечников стрел (табл. 3, 4, 5). Найдены еще 20 маленьких стеклянных бусин красного, желтого и синего цветов (табл. 4а, б) и обломок бронзовой спирали.

Погребение 15. 2,20 × 0,70—0,50 м, глубина 25 см. Костяк очень плохой сохранности и частично потревожен. Он лежал на спине, вытянуто, головой на север-северо-запад. На груди — два небольших бронзовых пластинчатых кольца, продетых друг в друга (табл. 2, 9; 10). Справа от левого бедра — большая железная пряжка (табл. 5, 17) и небольшой железный нож (табл. 3, 11).

Погребение 16. 2,10 × 0,60—0,84 м, глубина 1, 15 м. Ограблено. Найдено: обломки от двух височных подвесок (табл. 2, 3), одна бронзовая подвеска со стилизованным изображением медведя (табл. 7, 1) и ожерелье из 92 бусин, среди которых преобладают рубленные из белого стекла (табл. 4, 25). В составе ожерелья имеются еще одна сердоликовая (табл. 4, 47), две 14-гранные из темно-синего стекла (табл. 4, 37), несколько средних размеров бусин из красного, синего стекла (табл. 4, 40, 41), обломки спирали.

Погребение 17. На глубине 35 см найдены бронзовый браслет, две маленькие бусины и три бронзовых кольца. Костяк не сохранился.

Погребение 18. 1,92 × 0,80—0,70 м, глубина 50 см. Костяк лежит на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Слева от черепа — глиняный сосуд (табл. 9, 8). В сосуде — маленькое железное колечко, служившее, очевидно, пряжкой (табл. 5, 1). Рядом с сосудом — жертвенный комплекс: 1) бронзовые щипчики (табл. 12, 7); 2) два бронзовых проволочных бра-

слета (табл. 14, 11) и 3) ожерелье из бусин янтаря, белого, красного и синего стекла, в том числе одной 14-гранной бусины (табл. 20, 4), и одна большая круглая подвеска из раковины (табл. 2, 25). У височных костей — по одной бронзовой подвеске (табл. 2, 3).

Недалеко от жертвенного комплекса, рядом с правой плечевой костью — бронзовый наконечник ремня (табл. 12, 13). На правой плечевой кости — целый набор поясного украшения, где найдено семь овальных бронзовых накладок ремня (диаметр 4,3 см) с округлым отверстием. Здесь же — три небольшие круглые накладки с четырьмя круглыми отверстиями (табл. 12, 8). Кроме того, в поясной набор входил один большой наконечник ремня, состоящий из двух серебряных пластин, скрепленных между собой при помощи дужки (табл. 12, 14). Через правое плечо была перекинута бронзовая цепь (табл. 12, 5). На правой лопаточной кости — одна большая янтарная бусина (табл. 14, 9). Справа от лучевой кости левой руки — В-образная бронзовая пряжка ремня с изображением каких-то сильно стилизованных зооморфных фигур (табл. 12, 1). В области пояса — бронзовая бусина, маленький плохо сохранившийся нож, мелкие куски дерева и бронзовая пластинчатая накладка ремня в виде свастики (табл. 12, 2). По обе стороны от нее — еще по одной овальной пластинчатой накладке (табл. 12, 3). На правой тазовой кости — другая накладка ремня из узкой бронзовой пластинки (табл. 12, 4).

Погребение 19. 2,15 × 0,75—0,80 м, глубина 89 см. Костяк хорошей сохранности, лежал на спине, с вытянутыми конечностями головой на северо-запад. Слева от черепа, в западном углу могильной ямы — жертвенный комплекс: 1) бронзовые височные подвески (табл. 2, 3); 2) бронзовый проволочный браслет с гладкими концами (табл. 14, 12); 3) бронзовая серьга (табл. 2, 2); 4) наконечник ремня из двух бронзовых пластинок с закругленным концом (табл. 6, 7); 5) небольшой неорнаментированный глиняный сосуд (табл. 9, 3). Справа от плечевой кости руки — три костяных наконечника стрелы (табл. 3, 3). В области пояса — железная пряжка (табл. 5, 1) и бронзовый наконечник ремня (табл. 6, 11).

Погребение 20. 2,20 × 0,80—0,88 м, глубина 1,05 м. Костяк частично потревожен, лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на север-северо-запад. На груди были разбросаны 37 бусин, из которых 17 из светло-желтого и 19 из темно-синего стекла (табл. 4а, 1) и одна двенадцатигранная бусина из красного сердолика). На поясе — обломок железного ножа. У правого плеча — бронзовая изогнутая пластинка с отверстием. В выбросе земли из могилы — маленький обломок железного наконечника стрелы (табл. 3, 8).

Погребение 21. 2 × 0,75 м, глубина 40 см. Костяк лежит на спине вытянуто, головой на северо-запад. Слева от черепа — 15 маленьких стеклянных бусин желтого цвета (табл. 4, 6). Между правым плечом и стенкой могильной ямы зафиксирована круглой формы столбовая яма диаметром 10 см, где сохранились сгнившие остатки дерева. Слева от правой плечевой кости — браслет с гладкими концами (табл. 14, 12) и внутри его 12 рубленых бусин из белого стекла (табл. 4, 25). Справа от левого бедра — бронзовая пряжка (табл. 5, 19). Под костяком — костяная трубочка и отлитая из бронзы маленькая колоколообразная подвеска с отверстием в центре (табл. 2, 22).

Погребение 22. 2,10 × 0,70 м, глубина 85 см. Костяк лежит на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми конечностями. В изголовье — височные

подвески (табл. 2, 3), на груди железный нож. Между бедренными костями — наконечник ремня (табл. 6, 15), накладки ремня в виде открытого треугольника (табл. 6, 20). У щиколоток обеих ног по одной пряжке ремня от обуви (табл. 5, 3).

Погребение 23. 2,20 × 0,60 м, глубина 68 см. Костяк средней сохранности лежит на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Длина костяка 1,60 м. У височных костей — по одной височной подвеске (табл. 2, 3). Справа от шейных позвонков — ожерелье приблизительно из 300 маленьких бусин, среди которых преобладают бусины из светло-желтого (163) и темно-синего (57) стекла (табл. 4а, 1). На груди — обломок железного ножа, бронзовый проволочный браслет (табл. 14, 11) и более 20 маленьких бусин. На тазе — В-образная пряжка с квадратным щитком и изогнутым язычком (табл. 5, 19).

Погребение 24. Погребение разрушено траншеей 1958 г. Размеры сохранившейся части могильной ямы — 80 × 50 см, глубина 40 см. В северо-западном конце ее — обломки плохо сохранившегося черепа. Вместе с ними — две маленькие бусины из красного стекла и обломок круглой бляшки (табл. 6, 1).

Погребение 25. 2,35 × 0,70 м, глубина 1,10 м. Костяк лежит на спине, вытянуто, головой на север-северо-запад. Справа от черепа, в северном углу могильной ямы — жертвенный комплекс: 1) ожерелье приблизительно из более 120 мелких стеклянных бусин (табл. 4а, 4) и пяти круглых подвесок с ушком сбоку из раковины (рис. 2, 25, 26); 2) небольшая цепочка из бронзовых колец (табл. 12, 5); 3) одна целая (табл. 8, 8) и обломки от двух фибул, изготовленных из железных пластинок; 4) две височные подвески (табл. 2, 3); 5) три литые фигурки с зооморфным изображением, близко напоминающим фигурки медведя (табл. 7, 1, 4); в области пояса — бронзовая пряжка (табл. 5, 22). Слева от правой тазовой кости — железный нож (табл. 3, 11). Слева от правого колена — два костяных трехгранных (табл. 3, 6) и два железных трехлопастных (табл. 3, 1, 4) наконечника стрел. У ног — по одной бронзовой пряжке (табл. 5, 5).

Погребение 26. 2,10 × 0,60 м, глубина 120 см. Костяк средней сохранности положен на спину с вытянутыми конечностями, головой на север-северо-запад. Слева от плечевой кости правой руки — небольшой железный нож (табл. 3, 12). На тазовых костях — круглая железная пряжка (табл. 5, 1).

Погребение 27. 2,05 × 0,65 м, глубина 90 см. Костяк лежит на спине, вытянуто, ориентирован головой на северо-запад. У височных костей — по одной височной подвеске (табл. 2, 3). В области головы — одна бронзовая проволочная серьга (табл. 2, 2). Две подвески — на груди. Вокруг шеи — ожерелье из 18 маленьких стеклянных бусин (табл. 4а, 4). В области пояса — обломки железного ножа. Рядом с правой бедренной костью — жертвенный комплекс: 1) ожерелье из 140 мелких бусин (табл. 4а, 4); 2) две бронзовые проволочные серьги круглой формы (табл. 2, 2); 3) серебряная бляшка с выпуклой поверхностью и ушком на обратной стороне, трипластинчатые подвески-лунницы из бронзы (табл. 2, 18, 19, 20, 21), 4) лапчатая подвеска (табл. 7, 19); 5) накладки ремня (табл. 6, 20) и 6) несколько мелких обломков бронзового пластинчатого предмета. На правой тазовой кости — железная пряжка ремня (табл. 5, 11). Справа от правого бедра — кости какого-то маленького животного.

Погребение 28. Очертание могильной ямы полностью не прослежено, глубина ее 70 см. Слабо сохранившийся костяк подростка лежал головой на северо-запад. Вместе с обломками черепа — более 100 мелких бусин из желтого, голубого, красного, белого стекла, одной полосатой бусины (табл. 4а, 3). Здесь же — одна литая, полая внутри фигурка медведя или лошади (табл. 7, 3) и три небольшие бронзовые бляшки, две из которых украшены выпуклыми точками (табл. 6, 1, 2).

Погребение 29. 2,20 × 0,80 м, глубина 80 см. Костяк лежит на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Под черепом, тазовыми костями и справа от плечевой кости правой руки — следы сгнившего дерева, видимо, от настила или деревянного гроба. Справа от левой височной кости — мелкие обломки оловянной (?) серьги или подвески, форму которой не удалось зафиксировать. Справа от левого бедра — бронзовая пряжка (табл. 5, 19), железная пряжка — слева от правого бедра (табл. 5, 1). Слева от правой ноги — три костяных наконечника стрелы (табл. 3, 4, 7).

Погребение 30. 2 × 0,88—0,80 м, глубина 1 м. Костяк плохой сохранности, лежит на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Справа от черепа — бронзовая пряжка (табл. 5, 5). Маленькая бронзовая пластинка и стеклянная бусина зеленоватого цвета — справа от нижней челюсти. Рядом с правой бедренной костью — обломок железного ножа.

Погребение 31. 2,40 × 0,88—0,85 м, глубина 95 см. Костяк положен на спину, с вытянутыми конечностями головой на северо-запад. В изголовье — жертвенный комплекс: 1) ожерелье: около 50 мелких рубленых стеклянных бусин красного, темно-синего цветов, раковины и несколько плоских и мозаичных круглой формы бусин (табл. 4а, 3); 2) две маленькие бляшки (табл. 6, 4); 3) две височные подвески (табл. 2, 3); 4) одна пластинчатая подвеска (табл. 7, 18). Недалеко от жертвенного комплекса — большая круглая подвеска из раковины с отверстием в центре (табл. 2, 27). Выше левого плеча — раздавленный глиняный сосуд (табл. 9, 2). На груди — бронзовая цепь из маленьких проволочных колечек (табл. 12, 5). На поясе — железный нож.

Погребение 32. 2,20 × 0,65—0,70 м, глубина 80 см. Костяк лежит вытянуто, на спине, головой на северо-запад. У левого бедра — железный нож (табл. 3, 12). Четыре костяных наконечника стрел — снаружи левой голени (табл. 3, 3, 4).

Погребение 33. 1,90 × 0,70 м, глубина 90 см. Костяк лежит на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. В области пояса — обломок ножа и короткий, плоский в сечении, наконечник стрелы из железа. Справа от плечевой кости правой руки — одна бусина из прозрачного стекла. Слева от голенных костей правой ноги — небольшая бронзовая пряжка (табл. 5, 11).

Погребение 34. Мужское, частично разрушено траншеей. Кроме черепа и нескольких обломков ребер, лежащих в потревоженном состоянии, других предметов не найдено.

Погребение 35. 2,40 × 1—0,90 м, глубина 1,10 м. Ограблено. Костяк потревожен он был ориентирован головой на северо-запад. В северном углу могильной ямы, примерно справа от черепа, богатый жертвенный комплекс: 1) маленький неорнаментированный глиняный сосуд (табл. 13, 14); 2) четыре бронзовые височные подвески (табл. 13, 5); 3) три золотые подвески-лунницы

(табл. 13, 2); 4) три бронзовые подвески-лунницы (табл. 13, 1); 5) три бронзовых проволочных браслета (табл. 13, 7; 14, 2); 6) две бронзовые круглые серьги (табл. 2, 2); 7) обломок железного ножа и каменное точило (табл. 13, 13); 8) бронзовая фибула с продетыми на ее игле тремя бронзовыми цепочками (табл. 13, 3); 9) ожерелье из 276 маленьких бусин, в том числе 48 стеклянных позолоченных, стеклянных красного (12), белого, серого (31) и других цветов (табл. 20, 4). В средней части могильной ямы — обломки четырех трехгранных наконечников стрел (табл. 13, 15), обломки железной пластинки. Слева от стопы правой ноги — железный втульчатый топор, на поверхности которого сохранились следы тонкой льняной (?) ткани (табл. 13, 16). Здесь же — два обломка керамики (табл. 13, 6).

Погребение 36. Частично потревожено траншеей. Положение костяка вытнутое, головой на северо-запад. Вещей нет. Глубина могильной ямы 40 см.

Погребение 37. Сильно разрушено траншеей. Находок нет.

Погребение 38. 2,10 × 0,80 м, глубина 75 см. Костяк положен на спину, вытянуто; головой на северо-запад. На поясе — обломок железного ножа, а между бедренными костями — круглая железная пряжка (табл. 5, 1) и бронзовый наконечник ремня (табл. 6, 10). Слева от правой бедренной кости — обломок бронзовой височной подвески (табл. 2, 3), бронзовая проволочная серьга круглой формы (табл. 2, 2) и бронзовое колечко с семью продетыми стеклянными бусинами.

Погребение 39. Подростковое. 1,60 × 0,60 м, глубина 70—75 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Вместе с обломками черепа — круглая бронзовая пластинчатая серьга или перстень (табл. 2, 2). На груди — остатки ремня с 4 накладками треугольной формы (табл. 6, 21) и круглое бронзовое кольцо (табл. 2, 9). Справа от пояса — круглая бронзовая пряжка (табл. 5, 14). Здесь же — отлитый из бронзы шлемообразный бубенчик (табл. 2, 23). Второй аналогичный бубенчик — слева от правой тазовой кости. Рядом с правым бедром — жертвенный комплекс: 1) бронзовый браслет (табл. 14, 12); 2) ожерелье из 420 мелких бусин, преимущественно из светло-желтого и красного стекла и 11 округлых подвесок разной величины из белой раковины (табл. 4а, 5) и 3) бронзовая подвеска в виде фигурки, видимо, медведя со сломанной передней ногой (табл. 7, 2). На правой бедренной кости — бронзовое проволочное кольцо с пятью продетыми стеклянными бусинами.

Погребение 40. 2,18 × 0,90 м, глубина 90 см. Костяк лежит вытянуто, на спине, головой на северо-запад. У правой височной кости — бронзовая височная подвеска (табл. 2, 3). Аналогичная подвеска — за черепом. Справа от черепа, выше правого плеча — жертвенный комплекс: 1) ожерелье примерно из 400 мелких рубленых стеклянных бусин голубого, зеленоватого цветов (табл. 4а, 6); 2) узкий наконечник ремня из двух бронзовых пластинок (табл. 6, 8); 3) маленькая бронзовая застежка (табл. 8, 6); 4) бронзовое проволочное кольцо — серьга (табл. 2, 2). Вокруг шеи — семь одинарных и четыре двойных стеклянных бусин с позолоченной поверхностью. Рядом с локтевым суставом левой руки — обломок серебряного браслета. На поясе — небольшой железный нож и пластинка от бронзовой фибулы (табл. 8, 9). Ниже кисти правой руки — бронзовая круглая пряжка (табл. 5, 7, 13). Две аналогичные бронзовые пряжки ремня — у пяточных костей ног.

Погребение 41. $2,20 \times 0,65$ м, глубина около 60 см. Ограблено. Положение костяка вытянутое на спине, головой на северо-запад. Снаружи правого бедра — железная пряжка (табл. 5, 1) и небольшой железный нож (табл. 3, 12).

Погребение 42. $2,30 \times 0,80$ —75 м, глубина 45 см. Костяк лежит вытянуто на спине, головой на северо-запад. Снаружи левого бедра — бронзовая В-образная пряжка (табл. 5, 21), небольшой железный нож и круглая бронзовая пряжка (табл. 5, 13). Между голennыми костями жертвенный комплекс: ожерелье из 17 стеклянных бусин светло-желтого, голубоватого и светло-зеленого цветов (табл. 4а, б), обломок бронзовой пластинки, язычок бронзовой пряжки и обломок железного наконечника стрелы или шила.

Погребение 43. Детское. $1,20 \times 0,50$ м, глубина 45 см. Ограблено. Найдены бронзовый браслет (табл. 14, 12), бронзовая пряжка (табл. 5, 2), четыре маленькие стеклянные бусины с позолоченной поверхностью, бусина из зеленоватого стекла с желтыми поясками и 4 обломка керамики с ямочным орнаментом.

Погребение 44. $2,20 \times 0,70$ м, глубина около 50 см. Потревожено. Найдены обломок железного ножа, бронзовая пряжка (табл. 5, 4) и обломок керамики с ямочным орнаментом.

Погребение 45. $2,50 \times 0,80$ м, глубина 40 см. Костяк хорошей сохранности был окрашен красной краской (охра). Он лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. У левого бедра — железная пряжка (табл. 5, 1).

Погребение 46. Детское. 90×60 см, глубина 75 см. В слое заполнения могильной ямы — угли. Найдена бронзовая пряжка (табл. 5, 19).

Погребение 47. $2,23 \times 0,65$ —0,70 м, глубина 1 м. Костяк плохой сохранности и был положен на спину с вытянутыми конечностями, головой на север-северо-запад. У тазовых костей — бронзовая пряжка (табл. 5, 2) и железный нож. Рядом со стопой правой ноги — железный проушной топор (табл. 3, 14) и четыре костяных наконечника стрелы (табл. 3, 3, б). У ног — бронзовый браслет (табл. 14, 11), височная подвеска (табл. 2, 3).

Погребение 48. Разрушено траншеей. $1,82 \times 0,70$ м, глубина около 70 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. В изголовье височная подвеска (табл. 2, 1), бронзовая серьга с напущенной 14-гранной стеклянной бусиной синего цвета (табл. 2, 13). Слева от черепа ожерелье (жертвенный комплекс) из около 70 мелких стеклянных бусин синего, желтого и красного цветов, бусин из белой раковины (табл. 4, б) и трех крупных подвесок из раковины (табл. 2, 25). В области пояса — обломки железного ножа и железная пряжка (табл. 5, 1).

Погребение 49. Участки VIII—IX/142. $2,20 \times 0,70$ м, глубина 58 см. Потревожено. Положение костяка вытянутое, на спине, головой на север. Между голennыми шестью ребер и две предплечевые кости мелкого животного (бобр?). В области пояса — железный нож и обломок железной пластинки. Один наконечник мотыги или тесло (табл. 15, 11) и втульчатый топор (табл. 3, 16) — у ног.

Погребение 50. $1,68 \times 0,60$ —0,68 м, глубина 55 см. Костяк плохой сохранности и лежал на спине, вытянуто, головой на север-северо-запад. В области пояса — железная пряжка (табл. 5, 1).

Погребение 51. $2,17 \times 0,80-0,75$ м, глубина 63 см. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад. В области пояса — железная пряжка (табл. 5, 1), длинный железный нож (табл. 3, 11). У левого бедра — бронзовая пряжка (табл. 5, 2).

Погребение 52. $2,50 \times 0,80-0,70$ м, глубина 70 см. Костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. У локтевого сустава правой руки — жертвенный комплекс: 1) бронзовый браслет (табл. 14, 12); 2) две бронзовые височные подвески (табл. 2, 3); 3) ожерелье из 863 мелких круглых и рубленых бусин красного, синего и желтого цветов (табл. 4а, б). В области таза — бронзовая пряжка (табл. 5, б), у левого бедра — железный нож и бронзовая пряжка (табл. 5, 12). Две аналогичные пряжки — у ног. Здесь же — втульчатый топор (табл. 3, 16) и наконечник копья (табл. 3, 1).

Погребение 53. Потревожено. $2,40 \times 0,85$ м, глубина около 60 см. Положение костяка вытянутое, на спине, головой на север. У височных костей — по одной височной подвеске (табл. 2, 3), справа от черепа — жертвенный комплекс: небольшой глиняный сосуд (табл. 9, 7) и ожерелье из 152 мелких рубленых стеклянных бусин желтого, красного, зеленого цветов и белой раковины (табл. 4а, б). На груди — три круглые подвески из раковины (табл. 2, 27). Рядом с левой предплечевой костью — обломки серебряного (или оловянного) браслета и наконечники ремня (табл. 6, 15).

Погребение 54. Потревожено. $2,15 \times 0,65-0,75$ м, глубина 1,20 м. Кости человека разбросанно лежали в заполнении и на дне ямы. В погребении найдены три бронзовых проволочных браслета (табл. 14, 11, 18) и два обломка железной пластинчатой фибулы.

Погребение 55. Детское. $1,30 \times 0,75$ м, глубина 65 см. Положение костяка вытянутое, головой на север. Вместе с обломками черепа — три бронзовые накладки (табл. 6, б). В области пояса — маленькая бронзовая пряжка (табл. 5, 9).

Погребение 56. $1,85 \times 0,80-0,70$ м, глубина 43 см. Костяк лежит на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Рядом с правой височной костью — бронзовая височная подвеска (табл. 2, б). На груди — обломки железного наконечника стрелы (?). Справа от лучевых костей левой руки — пряжка (табл. 5, 3). Рядом с левым коленным суставом — обломок красной стеклянной бусины и обломок бронзового зеркала с позолоченной поверхностью (табл. 10, 1).

Погребение 57. $2,20 \times 0,70$ м, глубина около 70 см. Потревожено. Положение костяка восстанавливается как вытянутое на спине, головой на северо-запад. Найдены: 1) обломок керамики с ямочным орнаментом; 2) обломки двух височных подвесок (табл. 2, 3); 3) одна целая и обломки двух подвесок-лунниц из серебра (табл. 2, 22); 4) наконечник ремня из бронзовой пластинки (табл. 6, 11); 5) обломки от более 5 коротких трехперых наконечников стрел из железа с длинным круглым черешком (табл. 27, 5); 6) железный нож с прямой спинкой (табл. 3, 11); 7) железная В-образная пряжка (табл. 5, 27); 8) железный втульчатый топор (табл. 3, 16) и 9) 74 мелкие рубленые бусины преимущественно из желтого, голубого и красного стекла (табл. 4а, б).

Погребение 58. $2,20 \times 0,80-0,70$ м, глубина 1,03 м. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад. Слева от черепа — две височные под-

вески (табл. 2, 3) и ожерелье мелких бусин из красного, зеленоватого, желтого стекла (табл. 4а, б). Под правой тазовой костью — железный нож, рядом с ней — круглая пряжка (табл. 5, 5). Рядом с правой голенью три костяных (табл. 3, 6, 7) и 4 железных гвоздевидных (табл. 3, 9, 10) наконечника стрел. У стопы правой ноги — железный проушной топор (табл. 3, 15).

Погребение 59. $2,30 \times 0,85$ —75 м, глубина 65 см. Костяк положен на спину с вытянутыми конечностями, головой на север-северо-запад. Слева от черепа жертвенный комплекс: 1) бронзовая подвеска в виде стилизованной фигурки медведя или лошади (табл. 7, б); 2) две подвески в виде колокольчика из бронзы (табл. 2, 24) и 3) ожерелье из более 70 мелких рубленых бусин из белой раковины, золоченого синего стекла (табл. 4а, 4). Рядом с левой плечевой костью — круглая бронзовая пряжка (табл. 5, 5). У кисти правой руки — железный нож (табл. 3, 11), три костяных наконечника стрел (табл. 3, 6, 7) — рядом с правым коленным суставом.

Погребение 60. $1,90 \times 0,78$ —70 м, глубина 87 см. Найдены небольшая бронзовая височная подвеска (табл. 2, 3), две круглые бронзовые пряжки ремня (табл. 5, 2, 4) и обломок железного ножа. Вдоль восточной стенки, в средней части могильной ямы — железный наконечник копья (табл. 3, 2).

Погребение 61. $2,35 \times 0,75$ —65 м, глубина 87 см. Костяк положен на спину с вытянутыми конечностями, головой на север-северо-запад. Справа от черепа — жертвенный комплекс: 1) ожерелье из 293 бусин преимущественно мелких рубленых из желтого, красного, синего стекла, а затем круглых плоских из красного и темно-синего стекла (табл. 4а, б); 2) четыре бронзовые височные подвески (табл. 2, 3); 3) наконечник ремня из серебра (табл. 6, 10); 4) выпуклая бронзовая бляшка круглой формы с отверстием в центре (табл. 6, 3); 5) два круглых бронзовых кольца, вероятно, накладки ремня; 6) обломок круглой серебряной пластинки; 7) подвеска из белой раковины с круглым отверстием в центре (табл. 2, 27); 8) бронзовый проволочный браслет с гладкими концами (табл. 14, 12); 9) круглая проволочная серьга (табл. 2, 2) и приемная часть арбалетообразной фибулы (табл. 8, 5). Справа от лучевой кости левой руки — круглая бронзовая пряжка (табл. 5, 11). На поясе — железный нож, под правыми лучевыми костями — наконечник ремня из бронзы (табл. 6, 15).

Погребение 62. $1 \times 0,45$ —0,50 м, глубина 45 см. Потревожено. Слева от черепа, на 5 см выше от уровня дна могильной ямы — небольшой груглодонный глиняный сосуд (табл. 24, 9). Найдены еще две стеклянные бусины, обломок бронзовой пластинки.

Погребение 63. $2,10 \times 0,78$ —0,90—80 м, глубина 84 см. Костяк лежит на спине с вытянутыми конечностями головой на северо-запад. Выше правого плеча — 4 костяных наконечника стрел (табл. 3, 3, 6). Справа от черепа — бронзовая серьга (табл. 2, 2) и обломок бронзовой бусины. Справа от локтевого сустава правой руки — остатки дерева, по-видимому, от гроба или деревянного настила со дна могильной ямы. У кисти правой руки — железный нож (табл. 3, 11) и круглая пряжка (табл. 5, 2). Между бедрами — железная В-образная пряжка (табл. 5, 27). У стопы правой ноги — железный втульчатый топор (табл. 3, 16).

Погребение 64. $1,90 \times 0,70$ —0,80—60 м, глубина 90 см. Потревожено. Найдены: железный нож (табл. 27, 16), два обломка бронзовой височной под-

вески (табл. 2, 3), бронзовый браслет (табл. 14, 10) и глиняный сосуд (табл. 9, 9).

Погребение 65. $2,25 \times 0,70$ м, глубина 88 см. Потревожено. Вещей нет.

Погребение 66. $2 \times 0,70$ м, глубина 60 см. Потревожено. Кости человека, разбросаны по всей могильной яме. Найдена одна маленькая бронзовая пластинка.

Погребение 67. $2 \times 0,60$ м, глубина 88 см. Костяк сохранился очень плохо. Он лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Справа от черепа жертвенный комплекс: обломки двух бронзовых височных подвесок (табл. 2, 3), обломок бронзовой проволочной серьги, ожерелье из мелких рубленых и круглых бусин из желтого и синего стекла (табл. 4а, 1). В области пояса — две круглые бронзовые пряжки (табл. 5, 2) и пластинчатый наконечник ремня (табл. 6, 10). У левой бедренной кости — железный нож (табл. 3, 11); немного ниже, рядом с коленным суставом — железный наконечник копья (табл. 3, 2). У ступни правой ноги — железные удила с круглыми кольцами (табл. 3, 17).

Погребение 68. $1,70 \times 0,55$ м, глубина 40 см. Костяк плохой сохранности, положен на спину с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Справа от левой бедренной кости круглая пряжка ремня (табл. 5, 6) и четыре накладки ремня (табл. 6, 21). Бронзовый наконечник ремня — слева от правого коленного сустава. У ступни правой ноги — ожерелье (жертвенный комплекс) из 325 мелких рубленых и круглых бусин преимущественно из желтого, красного, синего, голубого стекла (табл. 4а, 6). Здесь же — обломки бронзовой спирали.

Погребение 69. $1,70 \times 0,70$ м, глубина 65 см. Потревожено. Вещей нет.

Погребение 70. $2,20 \times 0,80-0,70$ м, глубина 90 см. Костяк положен на спину с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Справа от черепа — жертвенный комплекс: бронзовая височная подвеска (табл. 2, 3) и ожерелье из 41 мелкой бусины красного и синего стекла (табл. 4а, 2), в том числе одной плитчатой красного стекла с каменной вставкой и одной цилиндрической бусины. Здесь же подвеска-луница (табл. 2, 18). В области пояса — бронзовая проволочная серьга (табл. 2, 11) и железный нож (табл. 3, 12). Слева от правого бедра — вторая серьга такой же формы, но меньших размеров. Рядом с левой бедренной костью — бронзовая круглая пряжка (табл. 5, 7), две аналогичные пряжки — у пяточных костей ног (табл. 5, 3).

Погребение 71. $2,10 \times 0,70$ м, глубина 1 м. Разграблено. Судя по длинным костям ног, сохранившим анатомический порядок, костяк лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад. В изголовье — жертвенный комплекс: 4 бронзовые височные подвески (табл. 2, 3), шесть круглых проволочных серег (табл. 2, 2), одна проволочная серьга 8-образной формы (табл. 2, 12), два обломка шейной гривны, ожерелье из более 100 крупных бусин из легко рассыпающейся стекловидной массы белого цвета и бусин из такого же материала, но покрытых еще сверху стеклом цвета позолоты (табл. 20, 2). В состав ожерелья входит одна крупная 14-гранная бусина темно-синего цвета (табл. 4, 37). В средней части могильной ямы — бронзовый браслет (табл. 14, 12) и ромбические накладки ремня (табл. 8, 22). Между бедренными костями — обломок глиняного сосуда с круглоямочным орнаментом (табл. 22, 1). У ступни правой ноги — два наконечника ремня (табл. 6, 13) и одна круглая пряжка (табл. 5, 14). Аналогичная пряжка — у ступни левой ноги.

Погребение 72. $2,20 \times 0,70$ м, глубина 50 см. Костяк не сохранился. В северо-западном конце могильной ямы — бронзовый проволочный браслет (табл. 14, 11). Две круглые пряжки из бронзы и железа (табл. 5, 1, 2) — в средней части ямы, примерно в области пояса костяка. В юго-восточном конце ямы — жертвенный комплекс: ожерелье из мелких круглых и средних цилиндрических бусин желтого, зеленоватого, темно-синего стекла (табл. 4а, 1). Здесь же — три костяных наконечника стрелы (табл. 3, 5, 7).

Погребение 73. $1,80 \times 0,70$ м, глубина 97 см. Костяк лежит на спине, с вытянутыми конечностями, головой на север. Слева от черепа жертвенный комплекс: 1) две височные подвески (табл. 2, 3); 2) проволочная серьга (табл. 2, 2); 3) ожерелье из 44 мелких бусин белого и красного стекла (табл. 4а, 6). 4) два пластинчатых перстня или серьги (табл. 2, 10). На пояс — небольшой железный нож (табл. 3, 11). Круглая железная пряжка (табл. 5, 1) — у правой бедренной кости.

Погребение 74. $2 \times 0,68—0,70$ м, глубина 70 см. Костяк лежит вытянуто на спине, головой на северо-запад. В изголовье — 19 мелких стеклянных бусин синего цвета (табл. 4а, 6) и кусок бронзовой пластинки. На груди — небольшой железный наконечник стрелы (табл. 3, 10). У ступни правой ноги круглая железная пряжка (табл. 5, 1).

Погребение 74а. $1,60 \times 0,60$ м, глубина 60 см. Найдены позвонок рыбы, наконечник ремня из бронзовой пластинки (табл. 6, 11) и обломок серебряного (?) кольца.

Погребение 75. $2,06 \times 0,60$ м, глубина 1 м. Ограблено. Положение костяка восстанавливается как вытянутое, на спине, головой на северо-запад. У костей плюсны — маленькие ромбические накладные (табл. 6, 22) и два наконечника ремня из бронзы (табл. 6, 7). Справа от левого коленного сустава — две серебряные пряжки (табл. 5, 19). Здесь же — плечевая кость лошади. В средней части могильной ямы найдены: 1) колесовидная бронзовая подвеска (табл. 7, 14); 2) гвоздевидный стержень из железа (табл. 27, 18); 3) ромбические накладки ремня (табл. 6, 22); 4) серебряное зеркало (табл. 10, 5). Найдены еще раковина каурн и серебряные колесовидные накладки (табл. 6, 23).

Погребение 76. В северо-западном конце, в узкой стенке ямы, на высоте 25 см от уровня ее пола был глубокий подбой (табл. 18, 3), где стоял большой разбитый глиняный сосуд (табл. 23, 2). Глубина подбоя 30 см. Погребение ограблено. Найдены предплечевая кость лошади, две накладки из бронзы (табл. 5, 22), 8 бусин из стекловидной массы белого цвета (табл. 4, 5) и янтаря (табл. 20, 4).

Погребение 77. $2,25 \times 0,60$ м, глубина 1,25 м. Костяк хорошей сохранности, лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Череп деформирован (рис. 4). Справа от черепа, в северном углу ямы жертвенный комплекс: ожерелье из 9 крупных янтарных (табл. 15, 8—10), 49 коралловых (табл. 4, 45), 12 маленьких желтого цвета стеклянных (табл. 4, 7) и одной биконической сердоликовой (табл. 15, 5) бусин, два бронзовых браслета (табл. 15, 7) и серебряная пластинчатая фибула (табл. 15, 6). Справа, вдоль левой руки — короткий однолезвийный меч (табл. 15, 19). Рядом с мечом, ближе к его рукоятки, — бронзовая пряжка ремня, обложенная сверху тонким золотым листом (табл. 15, 2). Две аналогичные пряжки,

но меньших размеров — между бедрами (табл. 15, 3). Здесь же — три костяных (табл. 15, 15, 16), восемь железных (табл. 15, 13, 14) наконечников стрел, предплечевая кость лошади, а под ней — небольшой железный нож (табл. 15, 1). Снаружи правого бедра — большая янтарная бусина (табл. 15, 8), а у правых голенных костей — железные скобель (табл. 15, 18), лошкарь (табл. 15, 12) и втульчатый топор или тесло (табл. 15, 11). Над плюснами правой ноги — проушной топор (табл. 15, 17). У ног — дополнительно по одной бронзовой золоченой пряжке (табл. 15, 3) и одному наконечнику (табл. 15, 4). и накладке (табл. 6, 19) ремня из золота.

Погребение 78. Детское. 1,40 × 0,40 м, глубина 1 м. Костяк лежит на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Над костями правой ноги, на глубине примерно 45 см от поверхности материка — мелкие древесные угольки. Справа от черепа — небольшой раздавленный глиняный сосуд (табл. 26, 4). Вокруг шеи — гривна (табл. 14, 5) и ожерелье из янтарных и стеклянных бусин. Небольшое количество бусин на груди. На месте ушей — по одной серьге двух типов: серьга из круглой проволоки с литым многогранником на одном конце (табл. 2, 14) и серьга с калачиком так называемого харинского типа (табл. 2, 17). Справа от левой плечевой кости — маленький железный нож. В области пояса лежали: 1) серебряная пластинчатая фибула (табл. 8, 12), а под ней — тлен кожи; 2) две пронизки из тонкой бронзовой пластинки (табл. 7, 12); 3) полая фигурка медведя из бронзы (табл. 7, 5); 4) две колесовидные подвески (табл. 7, 12, 21); 5) круглая пряжка из бронзы (табл. 5, 15) и 6) бронзовая лапчатая подвеска (табл. 7, 17). На лучевых костях правой руки — бронзовый браслет (табл. 14, 6, 9). Между коленными суставами и голенными костями — кость животного.

Погребение 79. 2,20 × 0,71 м, глубина 1,40 м. Ограблено. В северо-западном конце могильной ямы, на уровне 45 см выше дна ямы имелась подбой-ступенька глубиной 30 см, где лежали две предплечевые кости лошади. Несколько выше костей (глубина 60 см) — большой глиняный сосуд (табл. 24, 1). Положение костяка восстанавливается как вытянутое, на спине, головой на северо-запад. У костей ног — проушной топор (табл. 15, 17), бронзовая накладка ремня (табл. 6, 22) и небольшой втульчатый топор-тесло (табл. 15, 11). В средней части могильной ямы, примерно в области пояса костяка, — скобель (табл. 15, 18), лошкарь (табл. 15, 12), нож (табл. 15, 1). Здесь же — еще 23 бронзовые ромбические накладки, два наконечника ремня (табл. 6, 13), обломки двух маленьких бронзовых пластин, по одной бронзовой проволоочной (табл. 2, 2) и калачевидной (табл. 21, 5) серьге. Найдены еще костяной наконечник стрелы (табл. 15, 15) и несколько бусин.

Погребение 80. Детское. 1 × 0,42 м, глубина 70 см. Плохо сохранившийся костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. В средней части ямы бронзовая серьга (табл. 2, 14).

Погребение 81. 2,25 × 0,78 м, глубина 1,40 м. Ограблено. Первоначальное положение его — вытянутое, на спине, головой на северо-запад. У ног — по одному наконечнику ремня (табл. 6, 7) и пряжке (табл. 5, 15). Между голенными — предплечевая кость лошади. В области пояса — остатки поясного ремня, сплошь украшенного бронзовыми накладками (табл. 6, 22). К поясу относится также большой бронзовый наконечник ремня (табл. 6, 16). Здесь же остатки украшения, состоящего из бронзовых спиралей и пластинчатой

трубочки, которые были продеты на тонкий ремешок. На конце ремня серебряная круглая подвеска с выступающими краями в виде горошин (табл. 7, 14). В изголовье — жертвенный комплекс: 1) ожерелье около 300 крупных бусин из раковины каури, белого и золоченого (табл. 20, 2) стекла; две височные подвески (табл. 2, 3), серебряное зеркало (табл. 10, 6), лапчатая подвеска (табл. 7, 10) и три браслета (табл. 14, 1, 2, 8).

Погребение 82. $1,40 \times 1,60$ м, глубина 76 см. Ограблено. Находок нет.

Погребение 83. $2,60 \times 0,65$ м, глубина 1,30 м. Ограблено. Костяк потревожен, но первоначально лежал вытянуто, на спине головой на север-северо-запад. В средней части ямы 4 бронзовые накладки (табл. 6, 22) и два наконечника ремня из тонкой золоченой фольги (табл. 6, 18), два костяных (табл. 15, 15), два железных (табл. 27, 6, 7) наконечника стрел. У ног — втульчатый топор-гесло (табл. 15, 11), скобель (табл. 15, 18), лошкарь (табл. 15, 12), проушной топор (табл. 15, 17) и две бронзовые золоченые пряжки (табл. 5, 29).

Погребение 84. $1,80 \times 0,82$ м, глубина 1,15 м. Ограблено. Найдены круглая проволочная серьга с литым многогранником на одном ксзде (табл. 2, 14), круглая пряжка-застежка с четырьмя овальными выступами по краям (табл. 8, 10), два обломка бронзовой спирали и 64 бусины из раковины каури, белого, желтого, золоченого стекла (табл. 20, 5).

Погребение 85. $2,20 \times 0,75$ м, глубина 98 см. Ограблено. Положение костяка вытянутое, на спине, головой на северо-запад. Найдены шесть железных плоских ромбических (табл. 15, 14), один костяной (табл. 15, 15) наконечник стрелы и бронзовые бьякорьковые накладки ремня (табл. 6, 30).

Погребение 86. Детское. $1 \times 0,45$ м, глубина 65 см. Ограблено. Найдена одна янтарная (табл. 8, 8) и стеклянные бусины.

Погребение 87. $1 \times 0,50$ м, глубина около 90 см. Ограблено. Находок нет.

Погребение 88. $2,25 \times 0,70$ м, глубина 112 см. Ограблено. Найдены железные вещи: проушной топор (табл. 15, 17), удила с 8-образными кольцами и такими же псаляями (табл. 28, 4), скобель (табл. 15, 18), втульчатый топор (табл. 15, 11), долото (табл. 28, 3) и две бронзовые позолоченные пряжки (табл. 5, 29). Здесь же маленький четырехгранный наконечник стрелы с длинным круглым черешком из железа, накладка-полулунница (табл. 6, 19) и наконечник ремня (табл. 6, 18) из тонкой серебряной золоченой фольги. В средней части могильной ямы — более 40 бусин из янтаря, белого стекла, кораллов (табл. 20, 8) и шесть бронзовых проволочных браслетов (табл. 14, 2, 13).

Погребение 89. $2,50 \times 0,75$ м, глубина 1,60 м. Ограблено. Кости человека беспорядочно разбросаны по всей могильной яме. В северо-западном ее конце, на уровне дна глубокий подбой-ниша, где стоял большой глиняный сосуд (табл. 24, 2). Рядом с сосудом — кость лошади. В средней части ямы — маленький железный нож и более 30 бусин из кораллов, янтаря и стекла (табл. 4, 35, 44, 51), одна большая подвеска из раковины (табл. 2, 27). В области ног — одна бронзовая пряжка (табл. 5, 16), несколько ромбических накладок (табл. 6, 22) и два бронзовых наконечника ремня (табл. 6, 14, 16).

Погребение 90. $2,25 \times 0,75$ м, глубина 76 см. Ограблено. В северном ее углу большой глиняный сосуд без орнамента (табл. 25, 1), а рядом с ним

лопаточная кость животного (лошади?). Найдены еще следы сгнившего дерева, несколько стеклянных инкрустированных и белого цвета бусин (табл. 4, 32, 50) и один бронзовый литой перстень.

Погребение 91. 1,32 × 0,55 м, глубина 1,10 м. Ограблено. Найдены бронзовая пряжка (табл. 5, 4), обломок железного ножа, трубчатая (предплечевая) кость мелкого животного, вероятно овцы, и разбитый большой глиняный сосуд (табл. 24, 4).

Погребение 92. 2,80 × 0,75 м, глубина 1,42 м. Ограблено.

Положение костяка было вытянутое, на спине, головой на северо-запад. Справа от черепа — три бронзовых браслета (табл. 14, 13), а под ними — следы сгнившего дерева, по-видимому, от настила на дне ямы или гроба. Слева от черепа жертвенный комплекс: две височные подвески (табл. 2, 3) и ожерелье из янтарных, стеклянных бусин (табл. 20, 2). Тут же две костяные накладки лука (табл. 27, 17). В северо-западном конце ямы — большой глиняный сосуд (табл. 24, 6), на котором лежала кость животного, вероятно лошади.

Погребение 93. 2,30 × 0,65 м, глубина 1,10 м. Ограблено. Найдены две бронзовые пряжки (табл. 5, 19), три бронзовые накладки ремня (табл. 6, 22), круглая пластинчатая застежка (табл. 8, 2), проволочное кольцо (табл. 2, 2), пластинчатый наконечник ремня (табл. 6, 13), несколько бусин из раковины каури и белого стекла (табл. 20, 1), плоский, ромбической формы наконечник стрелы из железа (табл. 15, 13), обломок железного ножа и тазовая кость животного, вероятно овцы.

Погребение 94. 1,90 × 0,55 м, глубина около 45 см. Ограблено. Найдены один костяной наконечник стрелы (табл. 3, 6) и небольшой глиняный сосуд (табл. 22, 7).

Погребение 95. 2,43 × 0,60 м, глубина около 70 см. Ограблено. Положение костяка восстанавливается как вытянутое, на спине, головой на северо-запад. У ног — по одной бронзовой пряжке (табл. 5, 19) и наконечнику (табл. 6, 9) ремня. Найдены еще кость животного, вероятно бобра, бусины из янтаря (табл. 15, 8), кораллов, обломки железного предмета со следами ткани, бронзовая подвеска (табл. 7, 12). В северо-западном конце ямы — небольшой глиняный сосуд (табл. 22, 2).

Погребение 96. Детское. 1,02 × 0,48 м, глубина 0,88 м. Костяк средней сохранности, лежит в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. Справа от черепа и вокруг шеи — многочисленные бусины из стекла и раковины каури (табл. 20, 1). На грудных позвонках — серебряная фибула (табл. 8, 12) с остатками кожи. На лучевых костях правой руки — два обломка железного кольца, по-видимому, от браслета. На правом коленном суставе — обломок глиняного сосуда с круглыми ямками. Найдена еще небольшая В-образная пряжка из железа (табл. 5, 27).

Погребение 97. Детское. 1,40 × 0,70 м, глубина около 80 см. Ограблено. Найдено пять бусин из раковины каури и стекла.

Погребение 98. 1,80 × 0,70 м, глубина 1,20 м. Ограблено. Найдена круглая застежка из железа (табл. 8, 1). Вблизи могилы — яма глубиной 15 см (1,10 × 0,60 м, где лежали кости четырех ног лошади, см. рис. 5).

Погребение 99. 2,50 × 0,65 м, глубина 1,30 м. Ограблено. Череп деформирован. Найдены железный втульчатый топор (табл. 28, 6), втульчатый то-

пор-тесло (табл. 15, 11), семь трехлопастных (табл. 27, 8—10) и два ромбических (табл. 27, 12, 13) железных наконечника стрел. В северо-западной стенке ямы, на 5 см выше дна — глубокая ниша, где стоял расколотый глиняный сосуд (табл. 24, 7).

Погребение 100. $2,20 \times 0,90$ м, глубина 1,25 м. Ограблено. Найдены большое количество бронзовых ромбических накладок ремня (табл. 6, 22), остатки ожерелья бусин из янтаря, раковины каури, кораллов, стекла с позолоченной поверхностью (табл. 20, 2), две кости мелкого животного (бобра?), иголка от серебряной пластинчатой фибулы (табл. 8, 12) и несколько обломков железного предмета.

Погребение 101. $3,10 \times 0,80$ м, глубина 1,25 м. Ограблено. Найдены одна бронзовая пряжка (табл. 5, 19), одна ромбическая накладка ремня (табл. 6, 22), кость животного, вероятно бобра, и несколько мелких стеклянных бусин.

Погребение 102. Детское. Могила сильно разрушена траншеей. Глубина 90 см. От костяка сохранились только обломки черепа. Находок нет.

Погребение 103. $2,15 \times 0,71$ м, глубина 1,53 м. Ограблено. В северо-западной стенке ямы, на 18 см выше ее пола — ниша-подбой, где стоял большой глиняный сосуд (табл. 24, 7). На сосуде — кость лошади.

Погребение 104. $2,50 \times 0,60$ м, глубина 95 см. Ограблено. Кости человека разбросаны в центре ямы. Здесь же — большое количество бусин из янтаря, раковины каури, кораллов (табл. 20, 5), одна железная В-образная пряжка (табл. 5, 27), обломки бронзовых пластинок, обломок железного ножа, лопаточная кость крупного животного (лошади?) и несколько обломков керамики. В северо-западной узкой стенке могильной ямы, на 25 см выше ее пола — небольшая ниша-подбой, где стоял глиняный сосуд (табл. 26, 1).

Погребение 105. Детское. 80×40 см, глубина около 70 см. Сильно сгнивший костяк лежал вытянуто, головой на северо-запад. На лучевых костях — бронзовый браслет (табл. 14, 1). Под лучевыми костями правой руки — остатки деревянного лубка, в который, видимо, был завернут умерший.

Погребение 106. Сильно разрушено траншеей, глубина 1,55 м. Ограблено. В северо-западной стенке могильной ямы, на 14 см выше ее пола, имелась ниша-подбой, где стоял глиняный сосуд (табл. 24, 3).

Погребение 107. $1,95 \times 0,73$ м, глубина около 1 м. Ограблено. Найдены круглая бронзовая пряжка (табл. 5, 14), обломок ножа и один железный проушной топор (табл. 15, 17). В полусферической нише-подбое (табл. 18, 5), сделанном в северо-западной стенке могильной ямы, на уровне ее пола — глиняный сосуд (табл. 26, 3), на котором лежала кость животного, по-видимому, лошади.

Погребение 108. $2,17 \times 0,63$ м, глубина 1,20 м. Женское. Костяк хорошей сохранности и положен на спину с вытянутыми конечностями, головой на север-северо-запад (табл. 17, 1). У теменной кости черепа — бронзовый браслет (табл. 21, 16) и маленькие серебряные бляшки, пришивавшиеся, видимо, к головному убору. Справа от черепа жертвенный комплекс: 1) ожерелье из стеклянных бусин, с золотой инкрустацией и рубленых бусин из раковины (табл. 20, 1); 2) бронзовая застежка (табл. 8, 1) и 4) серьга с литым многогранником на одном конце (табл. 2, 15). В серьгу были продеты еще два кольца разных диаметров из железа и бронзовой пластинки. У правого ушного отверстия — браслет из железа (табл. 14, 14), бронзовая серьга

(табл. 2, 2). На шее — бронзовая шейная гривна (табл. 14, 3). На груди — несколько бусин из раковины каури. На лучевых костях обеих рук — по одному бронзовому браслету (табл. 21, 16). На поясничных позвонках — серебряная пластинчатая фибула (табл. 8, 12) и железный нож (табл. 27, 15). По поясу был перекинут ремень, конец которого шел с наружной стороны правой бедренной кости и под почти коленным суставом и оканчивался большим наконечником ремня у ступни левой ноги. Весь ремень, включая и подвеску, украшен плотно примыкающими друг к другу ромбическими накладками из бронзовой пластинки (табл. 19, 11). У ступни каждой ноги — по одной бронзовой пряжке (табл. 5, 15, 19) и одному наконечнику ремня (табл. 6, 13, 16). На тазовых костях — большая трубчатая кость животного (лошади?).

Погребение 109. 2,40 × 0,60 м, глубина 1,05 м. Ограблено. Найлены около 20 бусин из раковины каури, красного, синего, золоченого стекла (табл. 20, 2), обломок железного ножа и обломки височной подвески (табл. 2, 3).

Погребение 110. 2,25 × 0,84 м, глубина 1,29 м. Ограблено. Костяк первоначально лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад. Найлены бронзовый браслет (табл. 15, 7), железный наконечник копья (табл. 3, 2), нож (табл. 3, 11), а также кость мелкого животного, вероятно овцы.

Погребение 111. 2,20 × 0,80 м, глубина 1,35 м. Ограблено. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. В северном углу ямы — бронзовый браслет (табл. 14, 2). У кисти правой руки — два небольших железных кольца (табл. 2, 8), а под правой тазовой костью — железный нож. Между бедрами — кость животного, возможно лошади, небольшая пряжка (табл. 5, 1) и серебряная бляшка (табл. 6, 5). Снаружи левого бедра — три железные трехлопастные (табл. 27, 9) и четыре костяные (табл. 15, 16) наконечника стрел. На голенных костях правой ноги — железные удила (табл. 28, 5). У ног — по одной бронзовой золоченой пряжке (табл. 5, 29), наконечнику ремня (табл. 6, 17) и лунницеподобной накладке (табл. 6, 19). Здесь же железный проушной топор (табл. 15, 17), топор-тесло (табл. 15, 11). Найлены также одна янтарная бусина (табл. 15, 8), костяная трубочка, костяная пряжка (табл. 5, 37) и остатки сгнившего дерева, вероятно, от гроба или настила пола ямы.

Погребение 112. 2,05 × 0,85 м, глубина 1,10 м. Ограблено. Найлены бусы из янтаря, стекла (табл. 20, 5), подвеска в виде фигурки лошади (табл. 7, 20), наконечника ремня (табл. 6, 12), несколько ромбических накладок (табл. 6, 22) и остатки сгнившего дерева. В северо-западной стенке ямы, на уровне ее пола — неглубокая ниша-подбой, где стоял разбитый глиняный сосуд (табл. 25, 5).

Погребение 113. 2,35 × 0,76 м, глубина 0,95 м. Ограблено. Найлены четыре костяные (табл. 15, 16), обломки двух железных (табл. 15, 13) наконечников стрел, обломок железного ножа, две бронзовые пряжки (табл. 5, 14), большое количество ромбических накладок (табл. 6, 22) и бусины из янтаря и красного, синего стекла (табл. 20, 5).

Погребение 114. 2 × 0,60 м, глубина 0,78 м. Ограблено. Кости человека разбросаны в слое заполнения ямы. Найлены одна бронзовая фибула (табл. 8, 3), железный нож, две бронзовые пряжки (табл. 5, 19) и несколько бусин.

Погребение 115. $2,37 \times 0,60$ м, глубина 1,33 м. Ограблено. В северо-западной стенке ямы, на 10 см выше ее пола, глубокая ниша-подбой, где стоял большой глиняный сосуд (табл. 24, 6). На сосуде — кость лошади.

Погребение 116. $2,30 \times 0,81$ м, глубина 1,20 м. Ограблено. Костяк потревожен, но первоначально он лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад. В области пояса — одна железная пряжка (табл. 5, 19), два костяных наконечника стрел (табл. 15, 15), одно шило из железа, янтарная бусина (табл. 15, 8). У ног — по одной бронзовой пряжке (табл. 5, 14).

Погребение 117. $2,65 \times 0,85$ м, глубина 1,35 м. Ограблено. Первоначальное положение костяка вытянутое, на спине, головой на северо-запад. У ног — по одному наконечнику ремня (табл. 6, 13), бронзовой пряжке (табл. 5, 14) и кости животного, вероятно лошади. Найдены еще бусины из янтаря и белого позолоченного стекла (табл. 20, 5), 4 полушарные бляшки (табл. 6, 4), ромбические накладки (табл. 6, 22), лапчатая подвеска (табл. 7, 19) и обломок цепочки из маленьких бронзовых колец (табл. 12, 5).

Погребение 118. $2,60 \times 0,79$ м, глубина 1,45 м. Ограблено. В северо-западной стенке — глубокий подбой, где стоял глиняный сосуд (табл. 22, 1). На сосуде — кость лошади.

Погребение 119. $2,45 \times 0,60$ м, глубина 1,20 м. Ограблено. Найдены три позвонка и одна трубчатая кость небольшого животного, вероятно овцы, железный нож (табл. 15, 1), две накладки ремня из бронзы (табл. 6, 22) и несколько маленьких стеклянных бусин. В северо-западной стенке — глубокий подбой (табл. 18, 7), где стоял большой глиняный сосуд (табл. 24, 8). На сосуде — кость лошади.

Погребение 120. $2,31 \times 0,76$ м, глубина 90 см. Ограблено. Найдены две височные подвески (табл. 2, 3), три обломка глиняного сосуда (табл. 22, 1), ромбические накладки ремня из бронзы (табл. 6, 22) и большое количество рубленых бусин из стекла с позолоченной поверхностью (табл. 20, 5).

Погребение 121. $2,30 \times 0,70$ м, глубина около 1,10 м. Ограблено. Найдены: 1) большое количество бусин из белого стекла с позолоченной поверхностью, янтаря, раковин каури, кораллов (табл. 20, 3); 2) четыре мелких обломка глиняного сосуда (табл. 22, 1), 3) три наконечника ремня из бронзы (табл. 6, 14, 16); 4) бронзовая пряжка (табл. 5, 14); 5) большое количество ромбических накладок (табл. 6, 22); 6) железная пряжка (табл. 5, 1); 7) шесть бронзовых полушарных бляшек (табл. 6, 4); 8) сильно стилизованная фигурка медведя или лошади (табл. 7, 1).

Погребение 122. $2,10 \times 0,65$ м, глубина 1 м. Костяк хорошо сохранился, был положен на спину с вытянутыми конечностями, головой на север-северо-запад. На шейных грудных позвонках разбросаны бусины из белого стекла, стекла с позолоченной поверхностью (табл. 20, 2). В области пояса — железный нож (табл. 15, 1) и пряжка (табл. 5, 27), а на лучевых костях обеих рук — по одному бронзовому браслету (табл. 14, 1, 2). Между голенищами — кости мелкого животного, вероятно овцы.

Погребение 123. $2,60 \times 0,98$ м, глубина 1,20 м. Кости человека разбросаны. Найдены: 1) обломки глиняного сосуда (табл. 22, 1); 2) три костяных (табл. 15, 16) и четыре железных (табл. 15, 14) наконечника стрел; 3) несколько ромбических накладок ремня (табл. 6, 22); 4) бронзовые лунциподобные подвески (табл. 2, 20); 5) бронзовая позолоченная пряжка

(табл. 5, 29), один наконечник (табл. 6, 18) и три лунницеподобных накладки (табл. 6, 19) ремня, несколько бусин (табл. 4, 33, 40).

Погребение 124. 2,05 × 1,01 м, глубина 1,35 м. Ограблено. Костяк частично потревожен и лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад. На бедрах — большая головешка, а между голеними железный проушной топор (табл. 15, 17). Снаружи левой голени — железный топор-тесло (табл. 15, 11), скобель (табл. 15, 18), лошкарь (табл. 15, 12). На пяточных костях обеих ног — по одной бронзовой золоченой пряжке (табл. 5, 28); лунницеподобная накладка ремня из такого же материала (табл. 6, 19) — у ступни левой ноги. Найдены еще бронзовый браслет (табл. 15, 7), один железный трехлопастный наконечник стрелы (табл. 27, 9), одна раковина каури и кость животного, по-видимому, лошади.

Погребение 125. 1,90 × 0,62 м, глубина 1 м. Костяк молодой женщины лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад (табл. 17, 6). Напротив ушных отверстий — по одной серьге двух типов: с калачиком (табл. 21, 2) и серьги, состоящей из бронзового проволочного кольца, продетого во второе кольцо из такого же материала с литой многогранной бусиной на одном конце (табл. 21, 3). На шее две шейные гривны из бронзы (табл. 14, 4), а в области шеи и на груди рассыпаны многочисленные бусины из стекла с позолоченной поверхностью, темного, голубого, белого стекла и раковины каури (табл. 20, 4). Справа от левой плечевой кости — две бронзовые височные подвески (табл. 21, 1) и одно тонкое колечко из бронзы (табл. 2, 7). На лучевых костях обеих рук, ближе к локтевым суставам — по два браслета (табл. 21, 16), с обеих сторон поясничных позвонков — по одной пластинчатой застежке (табл. 21, 17). Между застежками, на поясничных позвонках — две круглые бронзовые бляхи, состоящие из двух пластинок, скрепленных между собой пятью шплинтами (табл. 21, 8). Под одной бляхой — круглая бронзовая подвеска (табл. 21, 4). Аналогичная подвеска — справа от поясничных позвонков. С левой стороны поясничных позвонков — три пластинчатые подвески (табл. 21, 6, 7, 10), бронзовое калачевидное кольцо-серьга (табл. 21, 5), две маленькие (табл. 21, 14) и одна большая (табл. 21, 11) круглые подвески из бронзы с выступающими выпуклыми краями. К большой подвеске привязан ремешок, на который одета длинная бронзовая спираль. Две остальные маленькие подвески привязаны тонким ремешком к четвертой подвеске, являющейся, очевидно, сильно стилизованным зооморфным изображением (табл. 21, 9). Тут же лежали обломки тонких бронзовых спиралей с остатками ремешка внутри и железный нож (табл. 15, 1). У лучевых костей левой руки лежало круглое бронзовое зеркало (табл. 21, 18). Вдоль левых конечностей был положен поясной ремень, украшенный ромбическими накладками и большим наконечником из бронзы (табл. 6, 16). От большой круглой пряжки ремня (табл. 21, 12), находящейся слева от левого локтевого сустава, свисала длинная ременная подвеска. Она была положена между бедер и оканчивалась на коленном суставе левой ноги. Как и весь ремень, подвеска украшена ромбическими накладками и длинным наконечником (табл. 19, 11). У кисти левой руки и правого коленного сустава — по одному маленькому наконечнику ремня (табл. 6, 13). Одна небольшая пряжка (табл. 21, 15) и наконечник ремня (табл. 6, 12) лежали слева от ступни левой ноги; у ступни правой ноги находилась кость животного.

Погребение 126. 2,03 × 0,70 м. Костяк принадлежал женщине и лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад (табл. 17, 5). У обеих височных костей лежали по одному бронзовому браслету (табл. 14, 17). У правой височной кости — круглая серьга (табл. 2, 2). Слева от черепа жертвенный комплекс: бусины из белого стекла, янтаря, темно-синего стекла и стекла с позолоченной поверхностью (табл. 20, 2); несколько бусин — вокруг шеи. Под правой плечевой костью — третий бронзовый браслет (табл. 14, 13), а слева от нее — большая круглая бляха (табл. 10, 4). На левой ключице и плечевой кости — шейная гривна (табл. 14, 5), а на поясничных позвонках — небольшой железный нож (табл. 15, 1) и бронзовая застежка (табл. 21, 17). Ниже таза, через бедренные кости горизонтально был переброшен поясной ремень, концы которого по наружным краям бедер почти до колен спускались вниз, а затем, образовав петлю, поднимались вверх. Весь ремень, включая и подвеску, украшен плотно примыкающими друг к другу ромбическими накладками, а концы их — наконечниками (табл. 19, 11). Между бедренными костями — лопаточная и трубчатая кости какого-то животного, вероятно овцы. У ступней ног — по одной бронзовой пряжке (табл. 5, 11) и наконечнику ремня (табл. 6, 13).

Погребение 127. 2,25 × 0,70 м, глубина 1,20. Ограблено. Найдены две бусины из белого стекла, одна пряжка из серебра (табл. 5, 35).

— Погребение 128. 2,10 × 0,60 м, глубина 1 м. В яме лежал костяк женщины, на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. В северном углу ямы, в берестяной коробке, от которой сохранилась часть округлого дна, находился жертвенный комплекс: 1) ожерелье из бус белого стекла, стекла с позолоченной поверхностью и голубого цвета, раковины каури (табл. 20, 5); 2) длинная цепочка сложного плетения; 3) три бронзовых (табл. 19, 15) и один железный (табл. 19, 14) браслет; 4) два проволочных кольца, вероятно серьги (табл. 19, 13). За теменной костью черепа — маленькие серебряные бляшки в виде тонкой проволоки, пришивавшиеся, вероятно, к головному убору. У височных костей — две височных подвески (табл. 19, 10) и по одной круглой проволочной серьге с литым многогранником на конце (табл. 19, 1). Слева за черепом — обломок железного предмета. На шее — большая бронзовая шейная гривна (табл. 14, 5), а в области шеи и на груди бусы из белого стекла и раковины каури (табл. 20, 1). В области пояса — серебряная пластинчатая фибула (табл. 19, 6), круглая подвеска с выступами (табл. 19, 4); три разных размеров круглые бронзовые подвески (табл. 19, 2, 3), железная иглолка или шило, две лапчатые подвески (табл. 19, 8) и подвеска в виде фигуры птицы, по-видимому, утки (табл. 19, 7). По тазу — переброшен поясной ремень, конец которого шел снаружи левого бедра и оканчивался у коленного сустава. Ремень вместе с подвеской украшен ромбическими накладками, а концы его — наконечниками из бронзы (табл. 19, 11). На правой бедренной кости — кость животного, видимо овцы, а снаружи голенных костей левой ноги — железный проушной топор (табл. 19, 12). У ступней ног — по одной пряжке (табл. 5, 11) и наконечнику ремня (табл. 6, 13).

Погребение 129. 2,20 × 0,45 м, глубина 67 см.

Костяк был положен на спину, головой на северо-запад. У левой височной

кости черепа — несколько плохо сохранившихся стеклянных бусин, а на шее маленькая круглая в сечении шейная гривна из бронзы (табл. 14, 5).

Погребение 130. $2,40 \times 0,72$ м, глубина 1,15 м. В яме лежал костяк взрослого мужчины, на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад (табл. 17, 3). У левой височной кости — маленькая серьга из бронзы (табл. 2, 8), выше левого плеча — бронзовый браслет (табл. 14, 8). Справа и слева от левой плечевой кости — обломки бронзовой спирали. Несколько ниже, на левой руке — короткий двухлезвийный железный меч с прямым перекрестием и округлым навершием (табл. 28, 2). Под мечом — маленькое несомкнутое бронзовое калачевидное колечко (табл. 21, 5), по-видимому, от ременной подвески, одна большая бронзовая позолоченная пряжка (табл. 5, 29) и две бронзовые фигурки лошади (табл. 7, 11, 15). Ниже кисти левой руки, рядом с мечом — 9 железных (табл. 27, 12—14), два костяных (табл. 15, 16) наконечника стрел и железный нож (табл. 27, 15). Снаружи левого бедра — вторая бронзовая позолоченная пряжка (табл. 5, 28). Третья аналогичная пряжка — у ног. Здесь же — бронзовые позолоченные четыре лунницеподобные накладки (табл. 6, 19), наконечник (табл. 6, 18) ремня, топор-гесло (табл. 15, 11) и лошкарь (табл. 15, 12). Слева от правого бедра — железный проушной топор (табл. 15, 17), а на коленных костях — кость животного, по-видимому, овцы.

Погребение 131. $2,22 \times 0,90$ м, глубина 1,15 м. Ограблено. Найдена только одна трубчатая (плечевая) кость животного, по-видимому, лошади.

Погребение 132. Размеры ямы $1,93 \times 0,55$ м, глубина 90 см. Костяк молодого мужчины лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Снаружи левого бедра — железная пряжка (табл. 5, 27).

Погребение 133. $2,30 \times 0,98$ м, глубина 1,35 м. Ограблено. В разных местах ямы найдено четыре обломка глиняного сосуда (табл. 22, 1), один железный нож (табл. 27, 15), один большой (табл. 6, 16) и один маленький (табл. 6, 7) наконечник ремня из бронзы, 24 бронзовые накладки ремня ромбической формы (табл. 6, 22), обломок бронзовой спирали, бронзовая пластинка, по-видимому, накладка ремня, четыре стеклянных бусины белого цвета (табл. 4, 50) и одна пряжка из бронзы (табл. 5, 15).

Погребение 134. $2,20 \times 0,91$ м, глубина 1,33 м. Ограблено. Потревоженный костяк лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад. Найдены большое количество ромбических накладок (табл. 6, 22), две бронзовые бикорьковые накладки ремня (табл. 6, 30), три бронзовых проволочных кольца (табл. 2, 7), круглая бронзовая пряжка (табл. 5, 19), два обломка железного предмета и железные удила (табл. 28, 5).

Погребение 135. $2,15 \times 0,97$ м, глубина 98 см. Ограблено. Найдены одна стеклянная бусина и одна ромбическая накладка ремня (табл. 6, 22).

Погребение 136. Детское. $1,18 \times 0,55$ м, глубина 50 см. Костяк плохой сохранности и лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. У левой височной кости — круглая серьга из бронзовой проволоки (табл. 2, 2), а вокруг шеи — шейная гривна (табл. 14, 5) и несколько бусин из раковины каури; белого стекла, янтаря, кораллов и стекла с позолоченной поверхностью (табл. 20, 8). На поясничных позвонках — серебряная фибула (табл. 8, 12). Между бедренными костями две кости животных, возможно овцы. Круглая пряжка — снаружи левой бедренной кости (табл. 5, 6).

Погребение 137. 2,02 × 0,67 м, глубина 1,20 м. Костяк плохой сохранности и лежит на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Справа от черепа жертвенный комплекс: 1) два бронзовых браслета (табл. 14, 7, 13); 2) ожерелье из рубленых коралловых, стеклянных позолоченных, янтаря, 14-гранных из темно-синего стекла и раковины каури (табл. 20, 5) бус; 3) кольцевая подвеска с выпуклинами по краю (табл. 7, 16); 4) две круглые подвески (табл. 4). Вокруг шеи — гривна из бронзы (табл. 14, 5), а на груди — несколько бусин из раковины каури, кораллов и стекла с позолоченной поверхностью. Справа от левой плечевой кости — круглая серьга (табл. 2, 15). На правой плечевой кости — бронзовый браслет (табл. 14, 13). В области пояса — железный нож (табл. 19, 15) и длинный наконечник ремня (табл. 6, 16), а у таза — круглая подвеска (табл. 19, 3). Ниже таза, через бедра перекинут ремень, концы которого с наружной стороны этих костей идут вниз и оканчиваются выше коленных суставов. Ремень украшен ромбическими накладками, а его правый конец — маленьким наконечником (табл. 19, 11). На коленных суставах ног — трубчатая кость крупного животного, очевидно лошади. Под левым бедром большая бронзовая пряжка (табл. 5, 19), а несколько ниже ее — наконечник ремня (табл. 6, 13). У основания берцовых костей левой ноги — другой наконечник и две круглые пряжки (табл. 5, 1).

Погребение 138. 1,72 × 0,65 м, глубина 97 см. Костяк, принадлежащий женщине, лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Снаружи от левой плечевой кости, на лубке или бересте — три обломка бронзовой спирали и две скульптурные фигурки лошади (табл. 7, 11). У локтевого сустава левой руки — бронзовый браслет (табл. 14, 7), а в области пояса — железный нож (табл. 19, 15) и большая В-образная пряжка (табл. 5, 27). Аналогичная пряжка — у кисти правой руки. Между голенными костями — трубчатая (бедренная) кость животного, вероятно лошади. Снаружи левых голенных костей — один железный (табл. 15, 14) и два костяных (табл. 15, 16) наконечника стрел. У ступней ног — по одной пряжке (табл. 5, 32, 33).

Погребение 139. 1,96 × 0,60 м, глубина 1,05 м. Костяк средней сохранности и лежит на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад (табл. 17, 4). Справа от черепа астрагал овцы с круглым отверстием в центре, а несколько ниже его — железный топор-тесло (табл. 15, 17). Под локтевым суставом и ниже кисти левой руки — остаток лубка, в который, очевидно, был завернут умерший. Слева от лучевых костей левой руки — бронзовый браслет (табл. 19, 15) и железная В-образная пряжка (табл. 5, 27). Небольшая бронзовая пряжка — у кисти левой руки (табл. 5, 15). На правых лучевых костях — железный проушной топор (табл. 15, 17), а на правой тазовой кости два железных (табл. 27, 12) и один костяной (табл. 15, 16) наконечник стрелы. Между бедер — небольшой нож (табл. 15, 1) на основании голенных костей правой ноги — костяной наконечник стрелы (табл. 15, 16). Между ступнями ног — железные удила (табл. 28, 5). Снаружи ступней обеих ног — по одной металлической петельке, которые, видимо, пришивались к ремню (табл. 6, 25). Две бронзовые пряжки — справа у ступней ног (табл. 5, 14).

Погребение 140. 90 × 40 см, глубина около 70 см. В яме лежал плохо

сохранившийся детский костяк, на спине, головой на северо-запад. Найдены только одна трапецевидная подвеска из раковины и стеклянная бузина.

Погребение 141. 2,11 × 0,68 м, глубина около 1,30 м. Ограблено. В северо-западной, узкой стене, на высоте 10 см от пола ямы глубокая ниша-подбой (табл. 18, 3), где стоял большой сосуд (табл. 22, 6). Найдены еще ромбические накладки ремня (табл. 6, 22).

Погребение 142. Участки XVI/163. Детское. 1,49 × 0,69 м, глубина 95 см. Ограблено. Найдены только обломки разбитого глиняного сосуда.

Погребение 143. 2,35 × 0,60 м, глубина 1 м. Ограблено. В северо-западной стене, на высоте 20 см от пола ямы — глубокий подбой, где стоял глиняный сосуд (табл. 25, 7).

Погребение 144. 2,70 × 0,80 м, глубина 1 м. Ограблено. В северо-западной стенке ямы, на 10 см выше ее пола, — глубокий подбой, где стоял большой глиняный сосуд (табл. 24, 6).

Погребение 145. 2,65 × 0,82 м, глубина 1,35 м. Ограблено. В северо-западной стенке ямы, на 25 см выше ее пола — глубокий подбой (табл. 18, 1), где находились бедренная кость лошади, стеклянный кубок (табл. 10, 7) и большой глиняный сосуд (табл. 24, 5).

Погребение 146. 2,60 × 0,91 м, глубина 1,35 м. В северо-западной стенке ямы, на 25 см выше ее пола — глубокий подбой, где стоял большой глиняный сосуд (табл. 25, 6). Рядом — кость лошади.

Погребение 147. 2,45 × 0,78 м, глубина 1,30 м. Ограблено. Найдены обломки глиняного сосуда с ямочным орнаментом (табл. 22, 3), железные удила (табл. 28, 7) и бронзовая пряжка (табл. 5, 36).

Погребение 148. 2,30 × 0,60 м, глубина 1,15 м. Женское. Костяк лежит на спине, с вытянутыми конечностями, головой на север-северо-запад (табл. 18, 1). Погребение частично потревожено, так как левая бедренная кость отсутствовала, а нижняя челюсть найдена в заполнении ямы. Здесь же найдены еще две колесовидные подвески, украшенные выпуклыми полушариями по краям (табл. 6, 7), и один наконечник ремня (табл. 6, 12). У височных костей — по одной бронзовой серьге (табл. 16, 5). Вокруг шеи и на груди рассыпано лежали бусины из янтаря, рубленные из белого стекла (табл. 20, 8). На груди — еще бронзовая витая шейная гривна (табл. 16, 10). Снаружи правой плечевой кости — массивная колоколообразная, полая внутри, подвеска (табл. 16, 1). Две аналогичные подвески — слева от поясничных позвонков. Здесь же — серебряная застежка (табл. 16, 7). Вторая аналогичная застежка — справа от поясничных позвонков. На левой руке — бронзовый браслет (табл. 14, 7), а рядом и под ней — три длинные трубочки из бронзовой пластинки. Эти трубочки, в которых сохранились тонкие ремешки, служили, по-видимому, наконечниками (табл. 16, 8). Слева от лучевых костей левой руки — железный нож (табл. 27, 15). Ниже пояса между бедренными костями лежал ремень, украшенный ромбическими накладками и оканчивающийся между коленными суставами большим наконечником (табл. 6, 16). Между лучевыми костями и бедренной костью правых конечностей — большое количество тонких железных колец, нанизанных в железный стержень (табл. 16, 6). В нижнем конце этого стержня, на правой руке — бронзовая подвеска (колт), состоящая из двух круглых баночек высотой в 1,8 см и с выпук-

льми основаниями (табл. 16, 9). В области ног — одна бронзовая пряжка (табл. 5, 3) и две круглые бляшки из серебра.

В северо-западной стенке ямы, на 10 см выше ее пола — глубокий подбой, где на боку лежал большой глиняный сосуд (табл. 16, 10). Рядом с ним — кость лошади.

Погребение 149. 2,32 × 0,60 м, глубина около 1 м. Кости человека лежали разбросанно. Найдены обломки от небольшого глиняного сосуда без орнамента.

Погребение 150. 2,57 × 0,55 м, глубина около 70 см. Парное захоронение. Костяк взрослой женщины лежал на спине, головой на северо-запад. Между длинными костями ног был положен костяк ребенка, от которого сохранились обломки черепа, плечевой и бедренной кости. На костях женщины местами сохранились следы красной краски, свидетельствующие о том, что костяк был окрашен в красную краску. В северном углу могильной ямы — небольшой глиняный сосуд (табл. 22, 8). Найдены лопаточная и бедренная кости животного (овцы?) также со следами красной краски и несколько бусин из раковины.

Погребение 151. 1,85 × 0,66 м, глубина около 1 м. Ограблено. Сильно потревоженный костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Между бедрами — костяной наконечник стрелы (табл. 15, 16); У ступни левой ноги — небольшой проушной топор (табл. 15, 17). В северо-западной стенке ямы, на уровне ее пола подбой высотой 30 см, где стоял глиняный сосуд (табл. 22, 3). Найдена кость лошади.

Погребение 152. 2,60 × 0,78 м, глубина 1 м. Ограблено. В северо-западной стенке, на высоте 25 см от ее пола — глубокий подбой, где стоял большой глиняный сосуд (табл. 22, 3). Рядом — лопаточная и бедренная кости животного, вероятно овцы, со следами красной краски.

Погребение 153. 2,50 × 0,80 м, глубина 1,20. Ограблено. Находок нет.

Погребение 154. 2,30 × 0,76 м, глубина 1,15 м. Ограблено. Костяк потревожен, первоначально лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. В северном углу ямы — жертвенный комплекс: ожерелье из стеклянных 14-гранных, стеклянных позолоченных бусин и раковины каури (табл. 20, 5), бронзовый браслет (табл. 19, 15), проволочная серьга (табл. 2, 2) и железный наконечник стрелы (табл. 27, 9). Снаружи левого бедра — остатки поясного ремня, украшенного круглыми накладками (табл. 6, 24) и наконечником (табл. 6, 16). У ног — по одной бронзовой пряжке (табл. 5, 15), наконечнику ремня (табл. 6, 6). Найдены еще ромбические накладки (табл. 6, 22) и кость лошади.

Погребение 156. 1,98 × 0,60 м, глубина 1,47 м. В северном конце могильная яма до глубины 1,20 м разрушена траншеей 1958 г. Костяк лежит головой на северо-запад, на спине с вытянутыми конечностями. Череп отсутствует, по видимому, захоронение совершалось без головы, так как погребение не потревожено, и траншея проходит значительно выше пола ямы. Выше левого плеча — бронзовая проволочная серьга (табл. 2, 2, 8) и браслет (табл. 14, 2). На кисти левой руки — железные удила (табл. 29, 20). Ниже кисти, снаружи левого бедра — шесть железных (табл. 29, 10—14), два костяных (табл. 29, 8, 9) наконечника стрелы и одна серебряная В-образная пряжка (табл. 29, 6). Рядом со стрелами — вторая серебряная пряжка (табл. 29, 4), скобель (табл.

29, 17). Ниже крестцовой кости — бронзовая позолоченная пряжка (табл. 29, 2). Между бедер — железный нож (табл. 29, 16), а между голеней — трубчатая кость лошади. Снаружи длинных костей правой ноги — короткий однолезвийный меч (табл. 29, 21), на котором лежали железный проушной топор (табл. 29, 18), железное тесло (табл. 29, 19) и бронзовая пряжка (табл. 29, 3). Около рукоятки меча — большая V-образная бронзовая позолоченная пряжка (табл. 29, 1). Справа от острого конца меча — лошкарь (табл. 29, 15) и скобель (табл. 29, 17) из железа. Между пяточными костями ног — две позолоченные бронзовые пряжки (табл. 29, 2). Найдены также бронзовая круглая бляшка с ушком на обратной стороне (табл. 29, 7) и круглая железная пряжка (табл. 5, 1).

Погребение 157. 1,98 × 0,60 м, глубина 50 см. Ограблено. Найдены бронзовая пряжка (табл. 5, 17), железный нож (табл. 29, 16), две раковины каури, одна стеклянная позолоченная бусина, серебряные накладки и наконечники ремня.

Погребение 158. 2,35 × 0,70 м, глубина 50 см. Найдены железная пряжка (табл. 5, 27), железный нож (табл. 29, 16), круглая бронзовая пряжка (табл. 5, 15) и два наконечника ремня (табл. 6, 13).

Погребение 159. 1,70 × 0,50 м, глубина около 40 см. Женское. Костяк плохой сохранности, лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на север-северо-запад. На груди — железная круглая застёжка (табл. 21, 17).

Погребение 160. 1,60 × 0,70 м, глубина 55 см. Детское. Ограблено. Найдена кость животного, возможно бобра.

Погребение 161. 2,10 × 0,70 м, глубина 60 см. Ограблено. Найдены две серьги с калачиком (табл. 2, 17), две проволочные серьги (табл. 2, 2), бронзовая пряжка (табл. 5, 17), наконечник ремня из серебра (табл. 6, 12) и несколько бусин из раковины каури, стекла коричневатого цвета и с инкрустацией (табл. 20, 2).

Погребение 162. 2 × 0,70 м, глубина 50 см. Находок нет.

Погребение 163. 1,90 × 0,73 м, глубина 1,10 м. Ограблено. Найдено два обломка глиняного сосуда.

Погребение 164. 2,35 × 0,90 м, глубина 1,40 м. Кости человека лежали разбросанно. В северо-западной стенке ямы, на высоте 15 см от ее пола — глубокий подбой, где стоял большой глиняный сосуд (табл. 25, 3). Рядом кость лошади.

Погребение 165. 2,30 × 0,70 м, глубина 1,55 м. Ограблено. Найдены: 1) три серебряные V-образные пряжки разных размеров (табл. 5, 24, 25, 34); 2) бронзовая V-образная пряжка с квадратным позолоченным щитком (табл. 5, 30); 3) квадратный щиток пряжки из бронзы с круглой стеклянной вставкой в центре и ложной зернью по всей поверхности (табл. 5, 30); 4) серебряная трехлепестковая бляшка (табл. 6, 27) и две фигурные накладки ремня (табл. 6, 26, 31); 5) небольшой бронзовый позолоченный наконечник ремня (табл. 6, 18); 6) железные — два плоских ромбических (табл. 27, 1), один трехлопастный (табл. 27, 9) — наконечники стрел; 7) три бусины из янтаря (табл. 15, 6) и позолоченного стекла и 8) несколько тонких железных колец (табл. 16, 8). В северо-западной стенке ямы, на высоте 10 см выше ее пола — глубокий подбой, где стоял большой глиняный сосуд (табл. 26, 6).

Погребение 166. 2,35 × 0,56 м, глубина 1,35 м. Найдены круглая серьга с литым многогранником на одном конце (табл. 2, 16), две бронзовые пряжки (табл. 5, 31), бронзовые ромбические (табл. 6, 22), серебрянные колесовидные (табл. 6, 23) накладки, два бронзовых наконечника ремня (табл. 6, 13, 16). В северном углу ямы — большой глиняный сосуд (табл. 24, 4).

Погребение 167. 2,20 × 0,70 м, глубина 1,25 м. В северо-западной стенке ямы подбой, где стоял большой глиняный сосуд (табл. 23, 3). Ограблено. Найдены железная пряжка (табл. 5, 27), шило (табл. 16, 4), нож (табл. 29, 16).

Погребение 168. 2,35 × 0,57 м, глубина 1,25 м. Ограблено. В подбое, сделанном в северо-западной стенке, на высоте 10 см от пола ямы стоял большой глиняный сосуд (табл. 25, 9).

Погребение 169. 2,50 × 0,70 м, глубина около 1,10 м. Ограблено. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Найдены один железный трехлопастный (табл. 27, 10), два костяных (табл. 15, 16) наконечника стрел, железный проушной топор (табл. 15, 17), две круглые бронзовые пряжки (табл. 5, 14), бронзовый браслет (табл. 14, 13) и следы сгнившего дерева.

Погребение 170. 2,55 × 0,60 м, глубина около 1,20 м. Ограблено. В северо-западной стенке ямы, на высоте 30 см от ее пола — подбой-ступенька (табл. 18, 5), где стоял большой глиняный сосуд (табл. 23, 4). Найдены серебряная В-образная пряжка (табл. 5, 26), обломок бронзового зеркала (табл. 10, 3) и костяной наконечник стрелы (табл. 15).

Погребение 171. 2,40 × 0,60 м, глубина около 80 см. В яме лежал костяк подростка, вероятно юноши, на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Находок нет.

Погребение 172. 2,40 × 0,55 м, глубина 1,20 м. Ограблено. На дне ямы в анатомическом порядке лежали длинные кости ног и правой руки, судя по которым костяк был положен на спину, вытянуто, головой на северо-запад. Между коленными суставами найдено два железных трехлопастных (табл. 27, 9), один костяной (табл. 15, 15) наконечники стрел и одна бронзовая пряжка (табл. 5, 19). Рядом с левой ступней железный скобель (табл. 15, 18) и лошкарь (табл. 15, 12). В северо-западном конце ямы, на уровне дна, по центральной линии — небольшая ниша-подбой (30 × 30 см, высота 25 см), где стоял глиняный сосуд с ямочным орнаментом (табл. 22, 5). На сосуде — плечевая кость лошади (?). В заполнении ямы — два трехлопастных (табл. 27, 9), два плоских ромбических (табл. 27, 3, 4), четыре костяных (табл. 15, 15) наконечника стрел, большая железная (табл. 5, 1) и маленькая бронзовая пряжка (табл. 5, 19), бронзовый проволочный браслет (табл. 14, 2), железный втульчатый топор (табл. 28, 6), железная пластинчатая фибула (табл. 8, 7) и несколько бусин (табл. 4, 32, 35, 50).

Погребение 173. 2,25 × 0,55—0,6 м, глубина 1,10 м. Ограблено. Найдено несколько бусин из раковины каури и стекла, бронзовая пряжка (табл. 5, 19), круглая серьга (табл. 2, 7) и обломок железной проволочной гривны. В северо-западном конце ямы, на высоте 20 см от уровня дна — глубокая ниша (табл. 18, 1), где стоял неорнаментированный глиняный сосуд (табл. 23, 7). На сосуде — кость лошади.

Погребение 174. 1,20 × 0,45 м, глубина 70 см. Детское. Костяк лежит вытянуто, на спине, головой на север. На шее — три янтарных бусины (табл.

4, 44), бронзовая гривна (табл. 14, 4). На левой предплечевой кости — бронзовый браслет (табл. 14, 13). Между бедрами и голеними — по одному галечнику.

Погребение 175. $1,70 \times 0,60$ м, глубина 1,20 м. Ограблено. Найдены железные лошкарь (табл. 15, 12), скобель (табл. 15, 18), два плоских ромбических наконечника стрелы (табл. 15, 13), тесло (табл. 15, 11), две железные (табл. 5, 27) и одна бронзовая (табл. 5, 15) пряжки. В северном конце ямы, на уровне дна — глубокая ниша-подбой (табл. 18, 5) где стоял большой глиняный сосуд с ямочным орнаментом (табл. 23, 4).

Погребение 176. $2 \times 0,50-0,60$ м, глубина 1,10 м. Ограблено. По длинным стенкам ямы прослежены заплечики, а в северном конце, на уровне дна — небольшая ниша, где стоял глиняный сосуд (табл. 26, 5). На сосуде — кость лошади (?). В погребении найдено еще 4 костяных наконечника стрелы (табл. 15, 15) и три бронзовых наконечника ремня (табл. 6, 7).

Погребение 177. $2,40 \times 0,60$ м, глубина 1,05 м. Ограблено. В северном конце ямы, по центральной оси глубокая ниша (табл. 18, 7), где стоял большой глиняный сосуд (табл. 23, 8). Найдена еще одна небольшая бронзовая пряжка (табл. 5, 19) и раковина уховки.

Погребение 178. $2,40 \times 0,55$ м, глубина 1,40 м. Потревожено. Костяк был положен на спину, вытянуто головой на север-северо-запад. На левой стопе втульчатый топор-тесло (табл. 28, б), а снаружи левого коленного сустава — тесло (табл. 15, 11) и нож (табл. 15, 1). Между бедрами — железная пряжка (табл. 5, 27), а в области пояса — шесть костяных (табл. 15, 15) и три железных трехлопастных (табл. 27, 9, 10) наконечника стрел. В погребении найдено еще 12 крупных бусин из белого стекла (табл. 4, 50).

Погребение 179. $1,85 \times 0,60$ м, глубина 1,20 м. Разграблено. В северном конце ямы в глубокой нише стоял большой глиняный сосуд с ямочным орнаментом (табл. 23, 2). На сосуде — кость лошади. Найдены еще железный втульчатый топор (табл. 28, б), тесло (табл. 15, 11), семь бусин, в том числе две большие янтарные (табл. 15, 8).

Погребение 180. $2,40 \times 0,80$ м, глубина 1,10 м. Разграблено. В северном конце ямы, в нише (табл. 18, б) — большой неорнаментированный глиняный сосуд (табл. 23, 9). На сосуде — кость лошади.

Погребение 181. $1,90 \times 0,60$ м, глубина около 70 см. Ограблено. Костяк первоначально лежал вытянуто на спине, головой на север-северо-запад. Найдены одна бронзовая пряжка с литым щитком (табл. 5, 34), бронзовый колокольчик-подвеска (табл. 7, 8), две большие подвески из раковины (табл. 2, 27), одна бусина из белой известняковой массы и серебряная колесовидная накладка (табл. 6, 23).

Погребение 182. $2,50 \times 0,85$ м, глубина около 1,20 м. Ограблено. В северном конце, на уровне дна глубокая ниша, где стоял большой глиняный сосуд с ямочным орнаментом (табл. 23, б). Рядом с сосудом — предплечевая кость лошади. Найдены железный втульчатый топор (табл. 28, б), два костяных наконечника стрелы (табл. 15, 16) и одна большая янтарная бусина (табл. 15, 8).

Погребение 183. $2,30 \times 0,80$ м, глубина 1,20 м. Ограблено. В северном конце ямы, на высоте 25 см от уровня дна, в глубокой нише-подбое (табл. 18, б) стоял большой глиняный сосуд с ямочным орнаментом, (табл. 24, 1).

Найдены еще ромбические пластинчатые ременные накладки (табл. 6, 22), бронзовая серьга с литым многогранником на конце (табл. 2, 16), серебряная литая фибула с овальными выступами по краю (табл. 8, 11), пять подвесок из раковины и восемь бусин из белой известняковой массы (табл. 20, 7).

Погребение 184. $2 \times 0,70$ м, глубина 1,10 м. Ограблено. Вещей нет.

Погребение 185. $2 \times 0,80$ м, глубина 1,30 м. Ограблено. Костяк был положен на спину, вытянуто, головой на северо-запад. В северном конце ямы имелась ниша, которая сделана на высоте 25 см от уровня дна. В подбое — большой глиняный сосуд без орнамента (табл. 25, 2), а рядом с сосудом — кость лошади. Найдены еще подвеска в виде фигурки лошади (табл. 7, 11), колесовидная подвеска с круглыми выступами по краю (табл. 7, 14) и остатки ожерелья из раковины каури и белых стеклянных бусин (табл. 4, 50).

Погребение 186. $2 \times 0,75$ м, глубина 1,25 м. Потревожено. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад. В средней части могилы найдены две железные пряжки (табл. 5, 27), два железных плоских, ромбических (табл. 15, 13), четыре костяных (табл. 15, 15) наконечника стрел, одна подвеска с круглыми выступами по краю (табл. 7, 12) и круглая подвеска из раковины (табл. 2, 27). В северном конце ямы, в подбое, сделанном на высоте 10 см от уровня дна, — большой сосуд (табл. 22, 4) и кость лошади.

Погребение 187. 30×30 см, глубина 60 см. Детское. Костяк лежит вытянуто, головой на север, на спине. Вокруг шеи — ожерелье из мелких стеклянных бусин (табл. 20, 5).

Погребение 188. $2,40 \times 0,75$ м, глубина 1,10 м. Ограблено. В северном конце ямы, в подбое большой глиняный сосуд (табл. 23, 5) и кость лошади. Найдено еще несколько ромбических накладок ремня.

Погребение 189. $2,40 \times 0,75$ м, глубина 1,30 м. Ограблено. В северном конце ямы, на высоте 30 см от уровня дна — подбой, где стоял большой глиняный сосуд с ямочным орнаментом (табл. 23, 3). Найдены еще две бронзовые пряжки (табл. 29, 3), три колоколовидные подвески (табл. 7, 13), две подвески из раковины (табл. 2, 28; 3), наконечник ремня, остатки ожерелья из крупных янтарных, стеклянных бусин (табл. 20, 5) и пластинчатые ромбические накладки ремня.

Погребение 190. $2 \times 0,70$ м, глубина 1,10 м. Ограблено. В северном углу ямы — большой глиняный сосуд (табл. 22, 6), в нем — кость лошади.

Погребение 191. $2,20 \times 0,70$ м, глубина 1,10 м. Длинные стенки ямы вертикальные, а в узких стенках имелась небольшая ниша глубиной 15, высотой 35 см. Ограблено. В северном конце ямы (подбое) — кость лошади. Найдено два костяных наконечника стрел (табл. 15, 15) и один железный (табл. 15, 14), а также одна железная пряжка (табл. 5, 27).

Погребение 192. $2,20 \times 0,70$ м, глубина 1,20 м. Ограблено. В северном конце ямы, в подбое — глиняный сосуд с ямочным орнаментом (табл. 24, 1). Найдены железная пряжка (табл. 5, 2), одна колоколовидная подвеска из бронзы (табл. 7, 13), большая янтарная бусина (табл. 15, 8) и две полусферные бляшки (табл. 6, 4).

Погребение 193. Обнаружено в траншее, проложенной с юго-западного угла раскопа 1960 г. по линии XXX (175—187), размером $2 \times 0,65$ м, глубиной около 80 см. Потревожено. Костяк лежит вытянуто, на спине, головой на

северо-запад. На правом локтевом суставе и между бедрами — по одной бронзовой пряжке (табл. 5, 15). В северном конце ямы, в подбое — большой глиняный сосуд с ямочным орнаментом по тулову (табл. 23, 1).

Погребение 194. 2,10×0,70 м, глубина около 1 м. Ограблено. В северной части ямы лежал череп и небольшой глиняный сосуд (табл. 26, 2). В этой стенке примерно на высоте 20 см от уровня дна имелась ниша-подбой, где стоял большой глиняный сосуд (табл. 23, 5). Рядом с сосудом — кость лошади.

Найдены еще бронзовая накладка (табл. 6, 32) и несколько раковин уховки.

Погребение 195. 2,80×0,70 м, глубина 1,15 м. Ограблено. Костяк первоначально лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. В разных местах ямы найдены две бронзовые пряжки (табл. 5, 14, 15), наконечник (табл. 6, 16) и накладки (табл. 6, 22) ремня, бронзовая шлемообразная подвеска (табл. 7, 7), две бронзовые серьги с литым многогранником на конце (табл. 2, 15) и остатки богатого ожерелья, состоящего из янтарных (табл. 4, 44), темно-синих стеклянных круглых (табл. 4, 40), 14-гранных (табл. 4, 37) и мелких круглых стеклянных бусин (табл. 20, 5). В северо-западном углу ямы — большой глиняный сосуд, где лежала кость лошади (табл. 26, 7).

Погребение 196. 2×0,80 м, глубина 1,30 м. Ограблено. Костяк первоначально лежал на спине, вытянуто головой на северо-запад. Между голеними — железный втульчатый топор (табл. 28, 6), а у ног — по одной железной пряжке В-образной формы (табл. 5, 27). В северо-западном конце ямы большой глиняный сосуд (табл. 25, 4).

Погребение 197. 2,50×0,70 м, глубина 1,20 м. Ограблено. В разных местах ямы найдены два костяных (табл. 15, 15) и 4 железных (табл. 15, 14) наконечника стрел, бронзовый браслет (табл. 14, 13), круглая серьга из бронзовой проволоки (табл. 2, 2), две бронзовые накладки ремня (табл. 6, 28, 29) и остатки ожерелья из янтарных (табл. 4, 44), круглых стеклянных темно-синих (табл. 4, 36), мелких стеклянных красного, темно-синего, белого цветов (табл. 4, 1, 11, 25). В северо-западном углу ямы — большой глиняный сосуд (табл. 22, 2).

В южной части раскопа, в почвенном слое между погребениями, на глубине от 20 до 50 см встречались остатки многочисленных ритуальных захоронений конечностей (четыре ног, хвоста) и черепов лошади (рис. 5).

Погребение 198. 2×0,70 м, глубина около 70 см. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на север-северо-запад. Вещей нет.

Погребение 199. 2,54×0,85 м, глубина около 1 м. Ограблено. В северной стенке ямы, в подбое глубиной 20 см, высотой около 30 см стоял большой разбитый глиняный сосуд (табл. 25, 9).

Погребение 200. 2,60×1 м, глубина около 1,20 м. На высоте, примерно 30 см от уровня дна ямы прослежены заплечики шириной около 10 см (табл. 18, 7). Разграблено. В подбое, сделанном в северной стенке, стоял разбитый большой глиняный сосуд (табл. 24, 6).

Погребение 201. 2,90×0,70 м, глубина 1 м. Ограблено. Кости человека разбросанно лежали в заполнении ямы. Вещей нет.

Погребение 202. 1,20×0,50 м, глубина около 80 см. Детское. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север. Вещей нет.

Погребение 203. Разрушено водопродной траншеей. Размеры сохранившейся южной части 40×60 см, глубина около 50 см. Здесь найдены кости ног скелета подростка. Вещей нет.

Погребение 204. $2,50 \times 0,70$ м, глубина 1 м. Костяк лежит вытянуто, на спине, головой на северо-запад-запад. Справа от черепа — жертвенный комплекс: ожерелье из мелких стеклянных бусин, височные подвески (табл. 2, 3) и круглая проволочная серьга (табл. 2, 2). На тазу — круглая пряжка с длинным язычком (табл. 5, 3) и нож (табл. 5, 11).

Погребение 205. Раскопки 1958 г. Разрушено траншеей. Найдены кости человека, серебряная фибула (табл. 3, 13) и несколько стеклянных бусин.

Погребение 206. Раскопки 1958 г. Разрушено траншеей. Вместе с человеческими костями найдены железный однолезвийный меч (табл. 28, 1) и два трехлопастных наконечника стрелы (табл. 27, 9).

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Ф. Энгельс. 1960. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.
- М. С. Акимова. 1961. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья. Вопросы антропологии, вып. 7. М.
- М. С. Акимова. 1962. Антропологические материалы бахмутинской культуры. Материалы по археологии и этнографии Башкирии, т. I. Уфа.
- М. С. Акимова. 1964. Древнее население Башкирии по антропологическим данным. АЭБ, т. II. Уфа.
- А. К. Амброз. 1959. Фибулы зарубинецкой культуры. МИА, 70.
- С. А. Аннинский. 1940. Повести венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. Исторический архив, III. М.—Л.
- Р. Б. Ахмеров. 1949. Древние погребения в Уфе. ҚСИИМҚ, вып. XXV. М.
- Р. Б. Ахмеров. 1951. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э. ҚСИИМҚ, вып. 40. М.
- Р. Б. Ахмеров. 1952. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. СЭ, № 3.
- Р. Б. Ахмеров. 1955. Могильник близ гор. Стерлитамака. СА, XXII.
- О. Н. Бадер, В. А. Оборин. 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.
- Н. И. Булычев. 1902. Древности из восточной России, вып. 1—2. М.
- В. Ф. Гайдукевич. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69. М.
- Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. 1962. Башкиро-мадьярская проблема. Материалы по археологии и этнографии Башкирии, т. I. Уфа.
- Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. 1962а. О научной командировке в Венгерскую Народную Республику. Материалы по археологии и этнографии Башкирии, т. I. Уфа.
- В. Ф. Генинг. 1955. Памятники харинского времени в Прикамье.— ҚСИИМҚ, вып. 57. М.
- В. Ф. Генинг. 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.
- В. Ф. Генинг. 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа.— Труды Казанского филиала АН СССР. Казань.
- В. Ф. Генинг. 1959а. Пьяноборская культура на Средней Каме. Автореф. дисс. М.
- В. Ф. Генинг. 1959б. Осинское городище. ОКАЭ, вып. 1.
- В. Ф. Генинг. 1959в. Могильник Качка. ОКАЭ, вып. 1.
- В. Ф. Генинг. 1961. Проблемы железного века Урала. Вопросы археологии Урала, вып. 1. Свердловск.
- В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов. 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии.— ВАУ, вып. 1. Свердловск.

- В. Ф. Геннинг, В. Е. Стоянов. 1962. Мазунинская культура на Средней Каме. III Уральское археологическое совещание в г. Уфе. Тезисы докладов. Уфа.
- В. Ф. Геннинг. 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры.— ВАУ, вып. 4. Свердловск.
- В. Ф. Геннинг. 1963. Азелинская культура.— ВАУ, вып. 5. Свердловск.
- В. Ф. Геннинг. 1964. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры.— АЭБ, т. II. Уфа.
- В. В. Гольмстен. 1914. Могильник близ гор. Уфы. М.
- В. А. Городцов. 1937. Подчермский клад.— СА, II. М.— Л.
- Е. И. Горюнова. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 94. М.
- Б. Н. Граков. 1947. Пережитки матриархата у сарматов.— ВДИ, № 3. М.
- М. П. Грязнов. 1956. История древних племен Верхней Оби.— МИА, 48. М.— Л.
- Иштван Диенеш. 1959. Пербетская находка. Каким был пояс венгров-завоевателей. *Archeologiai Értesítő*, vol. 86 Budapest.
- А. П. Дульзон. 1960. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.
- П. П. Ефименко. 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этнографии. Издание государственного музея. Л.
- П. П. Ефименко. 1937. К истории заселения Западного Поволжья в первом тысячелетии нашей эры по археологическим источникам.— СА, II. М.— Л.
- А. В. Збруева. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 30. М.
- А. В. Збруева. 1958. Итоги и задачи археологического изучения территории Башкирии. 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа.
- Р. И. Игнатьев. 1869. Материалы для археологического словаря. Труды Московского археологического общества, т. II, вып. 1. М.
- П. Ф. Ищериков, Н. А. Мажитов. 1962. Городище Уфа II. Материалы по археологии и этнографии Башкирии, т. I. Уфа.
- С. И. Капошина. 1950. Золотые серьги из окрестностей Ольвии. ҚСИИМК, вып. 33. М.— Л.
- М. И. Касьянов. 1921. Дневник раскопок. Рукопись. Хранится в рукописном фонде библиотеки Ленинградского отделения ИА. Архив 4.
- С. И. Қиселев. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- М. М. Қобылина. 1941. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, 4. М.
- М. М. Қобылина. 1951. Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1918 г. МИА, 19. М.
- А. П. Ковалевский. 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков.
- Б. А. Коишевский. 1948. Итоги археологического изучения Башкирской АССР.— Историко-археологический сборник. М.
- И. Кожомбердыев. 1960. Новые данные о Кенкольском могильнике. ҚСИИМК, вып. 80. М.
- Л. Я. Крижевская. 1962. Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии. Материалы по археологии и этнографии Башкирии, т. I. Уфа.
- Е. И. Крупнов. 1951. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23. М.

- Р. Г. Кузеев. 1960. Башкирские шежере. Уфа.
- Ю. В. Кухаренко. 1953. Клад из села Турин. КСИИМК, вып. 49. М.
- Л. Р. Қызласов. 1960. Таштыкская эпоха. М.
- В. В. Латышев. 1948. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, вып. 1. М.
- В. П. Левашова. 1929. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западносибирского музея за 1926—1927 гг. Известия Западносибирского музея, № 1.
- Н. А. Мажитов. 1959. Поселения бахмутинской культуры. Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Н. А. Мажитов. 1959а. Ново-Турбаслинский курганный могильник.— Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Н. А. Мажитов. 1959б. Чиатавский могильник. Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Н. А. Мажитов. 1962. Поселение Ново-Турбаслинское II. Материалы по археологии и этнографии Башкирии, т. I. Уфа.
- Н. А. Мажитов. 1963. Бахмутинская культура. Автореф. дисс. Уфа.
- Н. А. Мажитов. 1964. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры. АЭБ, т. II. Уфа.
- Л. А. Мацулевич. 1934. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.—Л.
- Т. Н. Минаева. 1927. Погребения с сожжением близ гор. Покровска. Уч. зап. Саратовского ун-та, т. VI. Саратов.
- Э. Мольнар. 1955. Проблемы этногенеза в древней истории венгерского народа. Будапешт.
- М. Г. Мошкова. 1960. Раннесарматские бронзовые пряжки. МИА, 78. М.
- М. Г. Мошкова. 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ.
- Ф. Д. Нефедов. 1899. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье. МАВГР, т. III. М.
- В. А. Оборин. 1956. Некоторые проблемы изучения родановской культуры.— УЗ ПГУ, т. XI, вып. 3. Пермь.
- В. А. Оборин. 1961. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья. Вопросы истории Урала, вып. I. Свердловск.
- В. А. Оборин. 1962. Камская археологическая экспедиция в 1961 г. III Уральское археологическое совещание в г. Уфе. Тезисы докладов. Уфа.
- В. А. Оборин. 1964. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа.— АЭБ, т. II. Уфа.
- Очерки по истории Башкирской АССР, 1956, т. 2. Уфа.
- И. Пляно-Карпини. 1911. История монголов. Перевод А. И. Малейна. СПб.
- Ю. А. Поляков. 1967. Итоги изучения костниц в Верхнем Прикамье. Материалы IV Уральского археологического совещания. Пермь (в печати).
- В. К. Пудовин. 1961. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. СА, I. М.
- А. Х. Пшеничнюк. 1964. Биктимировский могильник. АЭБ, т. II. Уфа.
- А. Х. Пшеничнюк. 1966. Об этнокультурных контактах карабызских племен. Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 г. Тезисы докладов. Уфа.
- А. Х. Пшеничнюк. 1967. Итоги изучения Биктимировского могильника.— Труды Воткинской археологической экспедиции. Пермь.
- И. И. Репников. 1906. Некоторые могильники области крымских готов.— ИАК, вып. 19.

- Б. А. Рыбаков. 1953. Древние русы. СА, XVII. М.
- П. И. Рычков. 1762. Оренбургская топография, т. I. СПб.
- М. Х. Садыкова. 1962. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки.— АЭБ, т. I. Уфа.
- К. В. Сальников. 1956. Исетские древние поселения.— СА, XXIV. М.
- К. В. Сальников. 1962. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. III Уральское археологическое совещание в г. Уфе. Тезисы докладов. Уфа.
- Е. В. Саханев. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56. Пг.
- И. В. Сеницын. 1936. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья.— Известия Саратовск. Нижневолжск. ин-та краевед. им. Горького, т. VII. Саратов.
- И. В. Сеницын. 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов.
- И. В. Сеницын. 1953. Археологические работы в районе строительства Сталинградской ГЭС.— КСИИМК, вып. 50. М.
- И. В. Сеницын. 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78. М.
- А. П. Смирнов. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28. М.
- А. П. Смирнов. 1956. Итоги археологических работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС в 1955 г. Казань.
- А. П. Смирнов. 1957. Железный век Башкирии. МИА, 58. М.
- А. П. Смирнов. 1957а. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань.
- А. П. Смирнов. 1957б. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии.— СА, № 3. М.
- А. П. Смирнов. 1959. Башкирский археологический сборник. Введение. Уфа.
- А. П. Смирнов. 1961. О работе секторов и групп Института археологии АН СССР в 1958 г. КСИА, вып. 85. М.
- К. Ф. Смирнов. 1964. Савроматы. М.
- С. С. Сорокин. 1965. О датировке и толковании Кенкольского могильника.— КСИИМК, вып. 64. М.
- А. А. Спицын. 1901. Древности бассейнов р. Оки и Камы, вып. I. СПб.
- А. А. Спицын. 1905. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб. 1901, ИАК, вып. 17. СПб.
- А. А. Спицын. 1916. Поездка в Бирский уезд. ИАК, вып. 60. Пг.
- А. А. Спицын. 1933. Отчет о раскопках Зуевского могильника. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г.— Материалы ГАИМК. Л.
- П. Д. Степанов. 1964. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. АЭБ, т. II. Уфа.
- Н. Толстой и Н. Кондаков. 1890. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб.
- Т. И. Троицкая. 1959. Раскопки Михайловского городища в Башкирии. Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Л. Н. Третьяков. 1931. Костромские курганы. ИГАИМК, т. 10, вып. 6.
- Д. А. Хвольсон. 1869. Известия о хозарах, бультасах, булгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-али Ахмеда-бен-Омар-ибн-Дагста. СПб.
- Петер Хайду. 1953. К этногенезу венгерского народа. Acta Linguistica, t. 2, f. 3—4. Budapest.
- В. Н. Чернецов. 1941. Очерк этногенеза обских угров. КСИИМК, IX. М.—Л.

- В. Н. Чернецов. 1953. Бронза усть-полуйской культуры. МИА, 35. М.
- В. Н. Чернецов. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 58. М.
- В. В. Шкорпил. 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях. 1903, ИАК, вып. 17.
- А. В. Шмидт. 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. Ж. «Хозяйство Башкирии», № 8—9. Уфа.
- Г. А. Шокшув. 1962. Новый могильник харинского времени в бассейне р. Сылвы.— ВАН, вып. 4. Свердловск.
- Иштван Эрдейи. 1959. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX—X вв.— Автореф. дисс. Л.
- Иштван Эрдейи. 1961. Большая Венгрия. Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, 13.
- Г. В. Юсупов. 1958. Археологические памятники Гафурийского района. Рукопись хранится в рукописном фонде Уфимского института ИЯЛ АН СССР.
- Г. В. Юсупов. 1959. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Г. В. Юсупов. 1960. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЭБ — Археология и этнография Башкирии.
ВАУ — Вопросы археологии Урала.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИА — Институт археологии.
ИИЯЛ БФАН — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
МАНВР — Материалы по археологии восточных губерний России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОКАЭ — Отчет Камской археологической экспедиции.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СЭ — Советская этнография.
УЗ ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета.
Уфимский ИИЯЛ АН СССР — Уфимский институт истории, языка и литературы АН СССР.

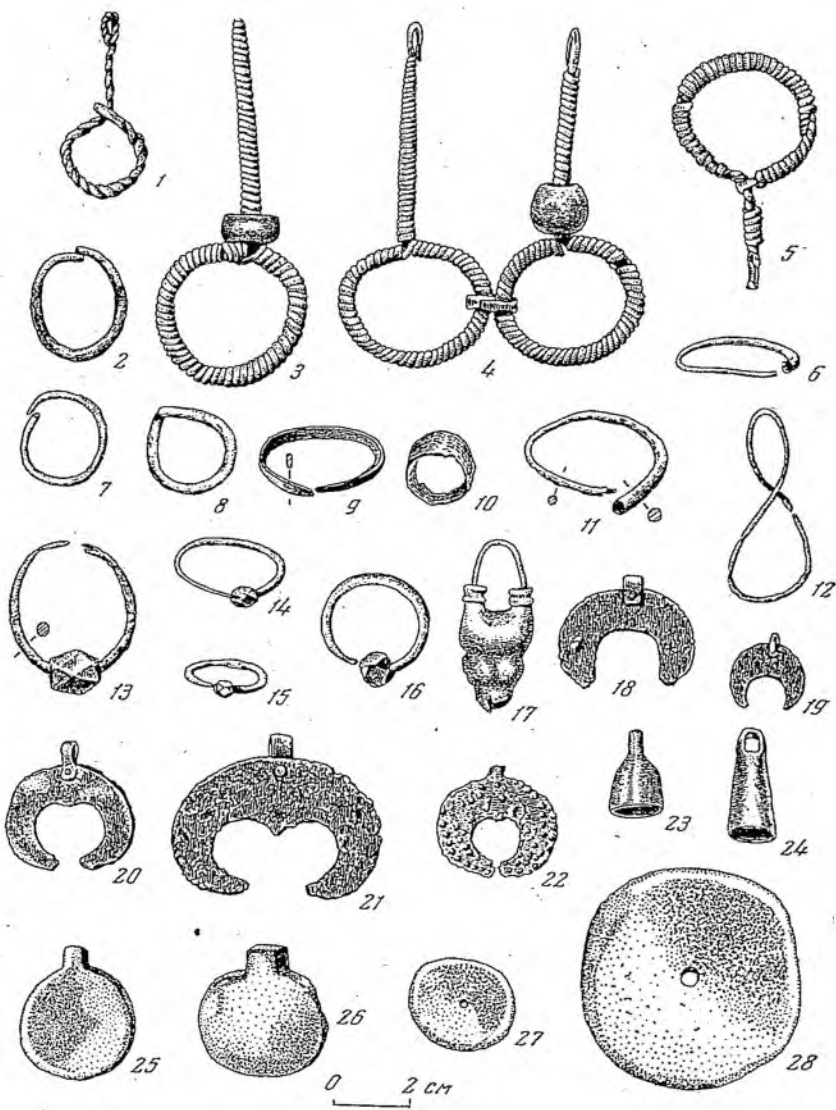
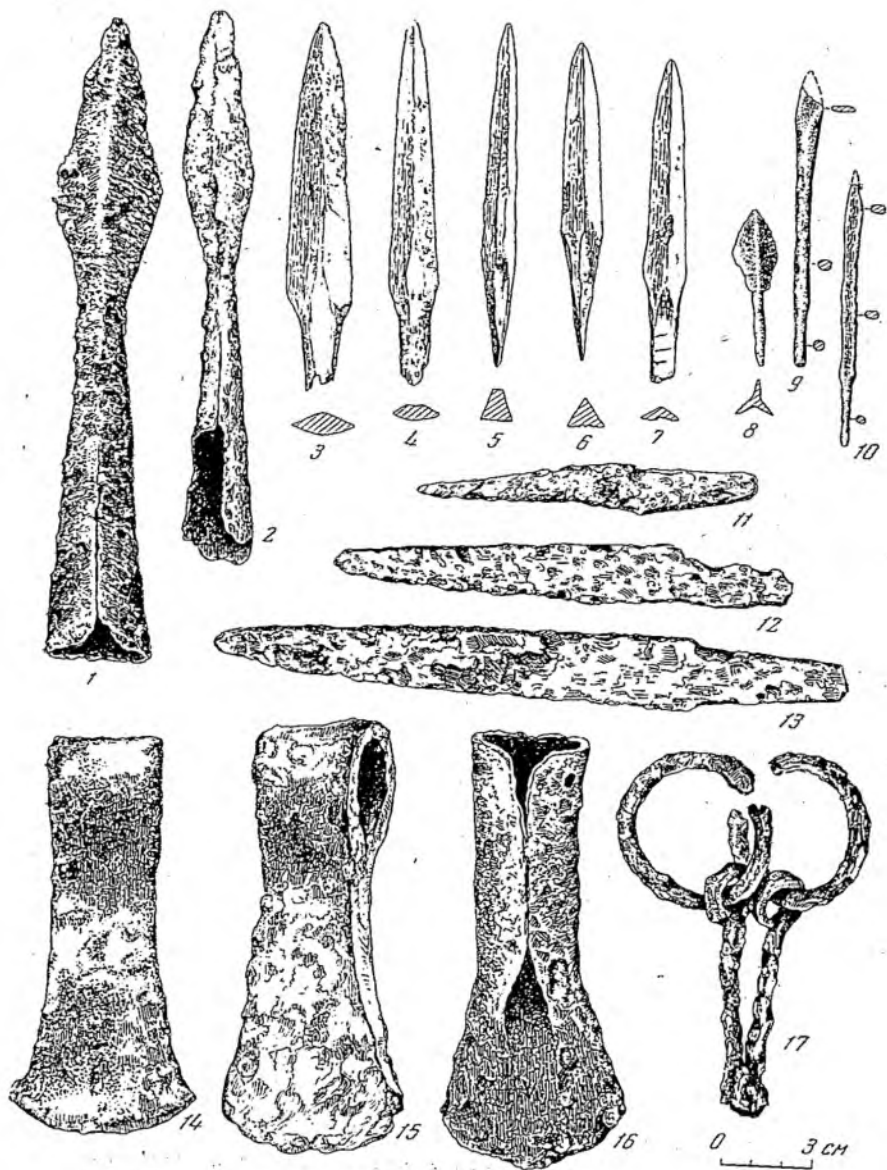

Таблица 2. Предметы украшения из Бирского могильника
 1, 3-5 — височные подвески; 2, 6-8, 11-17 — серьги; 9, 10 — перстни; 18-22 — подвески-лунницы; 23, 24 — колоколовидные подвески; 25-28 — подвески из раковины
 (— погребение № 48; 2 — № 7; 3 — № 5; 4 — № 8; 5 — № 56; 6 — № 4; 7 — № 31; 8, 12 — № 18; 9 — № 18; 10 — № 15; 11 — № 70; 13 — № 48; 14 — № 78; 15 — № 108; 16 — № 166; 17 — № 78; 18, 19, 20, 21 — № 35; 22 — № 57; 23 — № 39; 24 — № 59; 25 — № 25; 26 — № 25; 27 — № 28; 28 — № 31

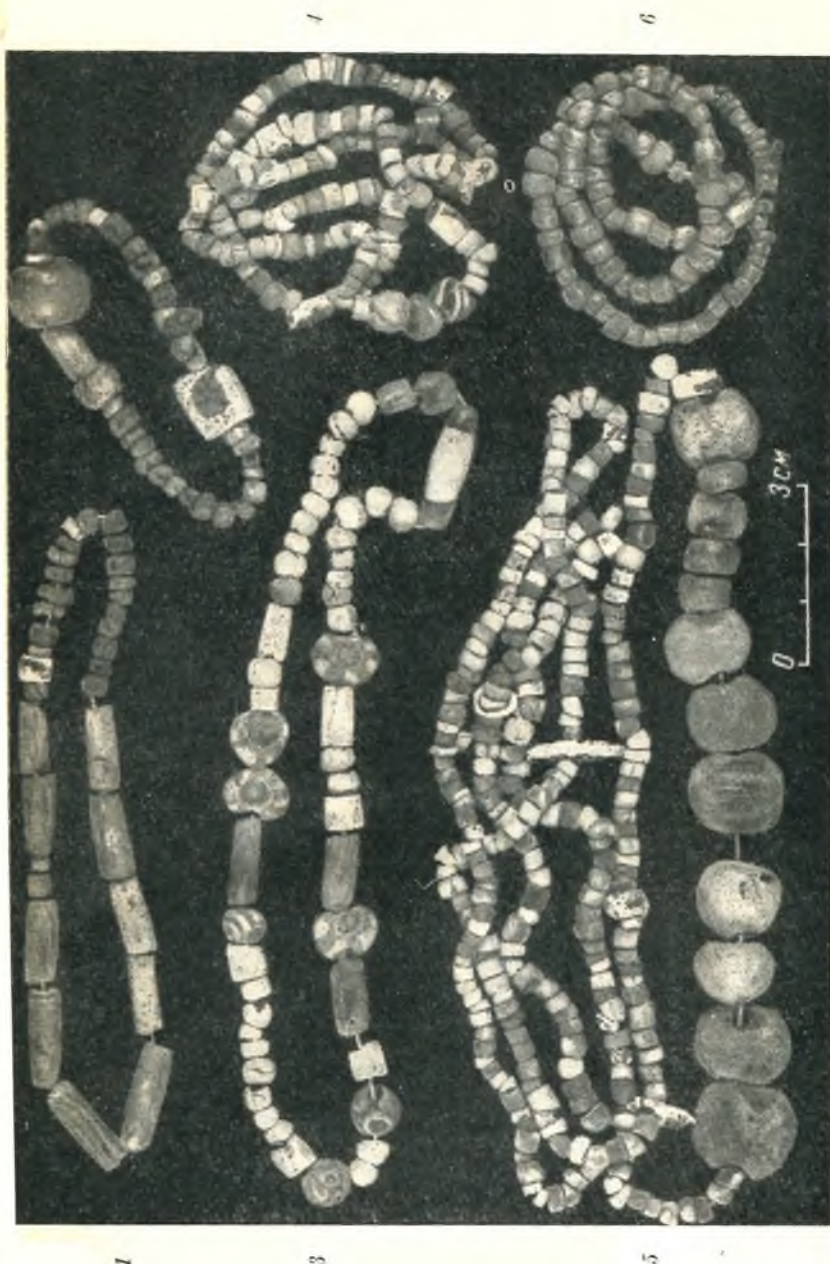
Т а б л и ц а 3. М а т е р и а л ы и з Б и р с к о г о м о г и л ь н и к а

1, 2 — наконечники копий; 3—10 — наконечники стрел; 11—13 — ножи; 14—15 — топоры; 17 — удила

1, 13, 16 — погребение № 3; 2 — № 60; 3 — № 19; 4, 5 — № 14; 6, 9, 10, 15 — № 58; 7 — № 72; 8 — № 25; 11 — № 15; 12 — № 8; 14 — № 47; 17 — № 67

Таблица 4. Типы бус из Бирского могильника

Т а б л и ц а 4а. Ожерелья из бус Бирского могильника

1 — погребение № 72; 2 — № 70; 3 — № 31; 4 — № 27; 5 — № 61; 6 — № 58

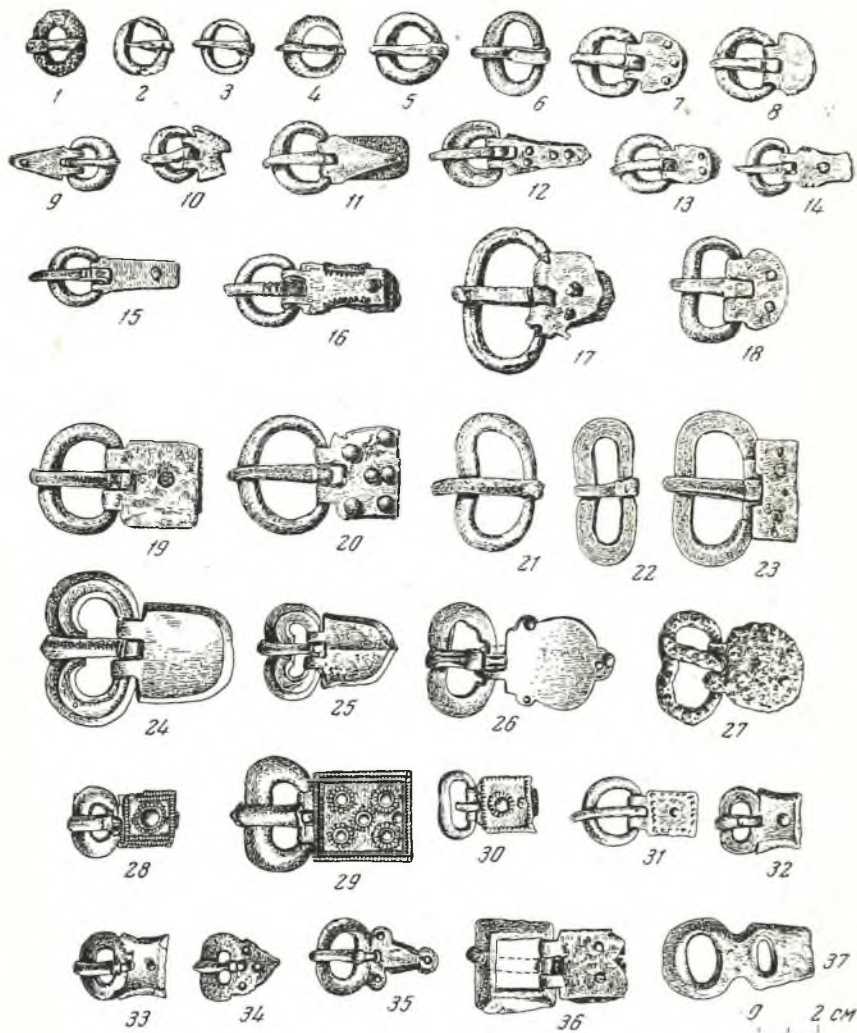

Таблица 5. Пряжки из Бирского могильника

1, 2 — погребение № 72; 3, 7 — № 70; 4 — № 1; 5 — № 58; 6 — № 68; 8 — № 12; 9 — № 55; 10 — № 12; 11 — № 61; 12 — № 52; 13 — № 40; 14 — № 113; 15 — № 78; 16 — № 89; 17 — № 157; 18 — № 5; 19 — № 108; 20 — № 128; 21 — № 42; 22 — № 25; 23 — № 3; 24, 25, 30, 34 — № 165; 27 — № 175; 28, 29, 35 — № 156; 31 — № 166; 32, 33 — № 138; 36 — № 147; 37 — № 111

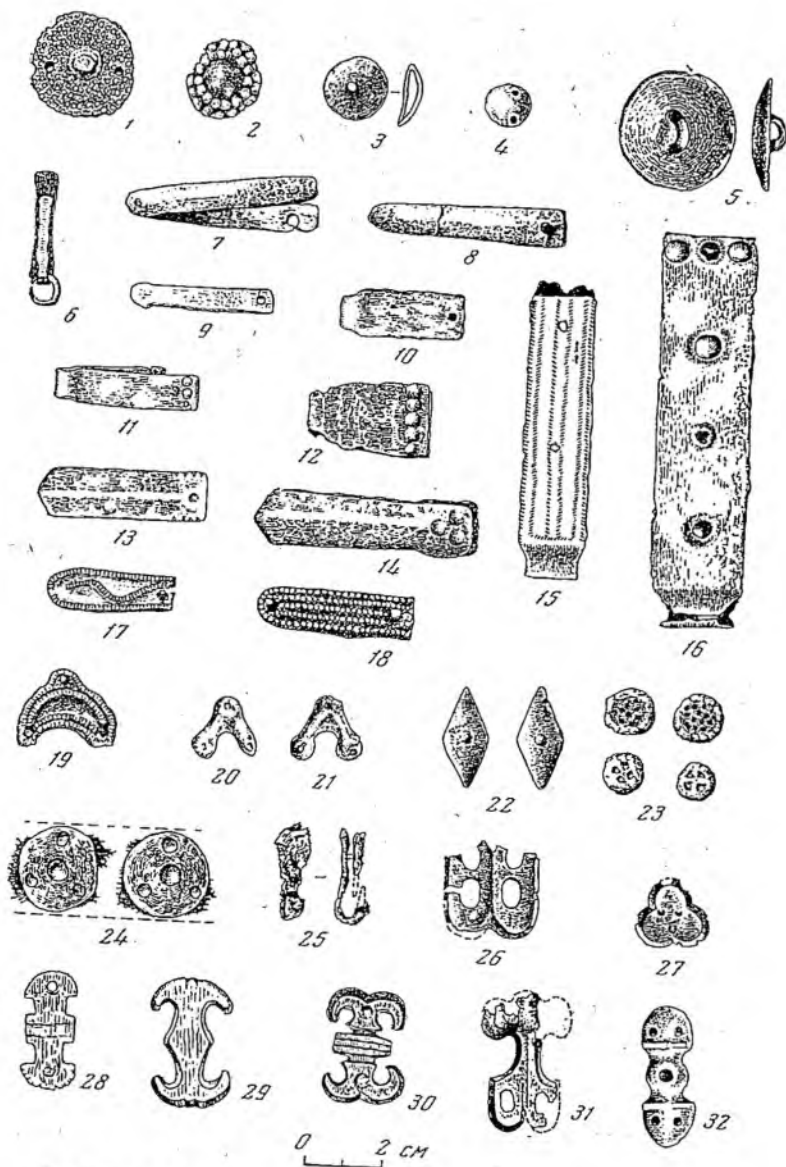

Таблица 6. Накладки ремня из Бирского могильника

1, 2 — погребение № 28; 3, 9 — № 14; 4 — № 6; 5 — № 156; 6 — № 55; 7 — № 19; 8 — № 40;
 10 — № 38; 11 — № 57; 12 — № 5; 13 — № 137; 14 — № 89; 15 — № 61; 16 — № 108; 17 — № 111;
 18, 19 — № 130; 20, 21 — № 18; 22 — № 108; 23 — № 166; 24 — № 154; 25 — № 139;
 26, 27, 31 — № 165; 28, 29 — № 197; 30 — № 85; 32 — № 194

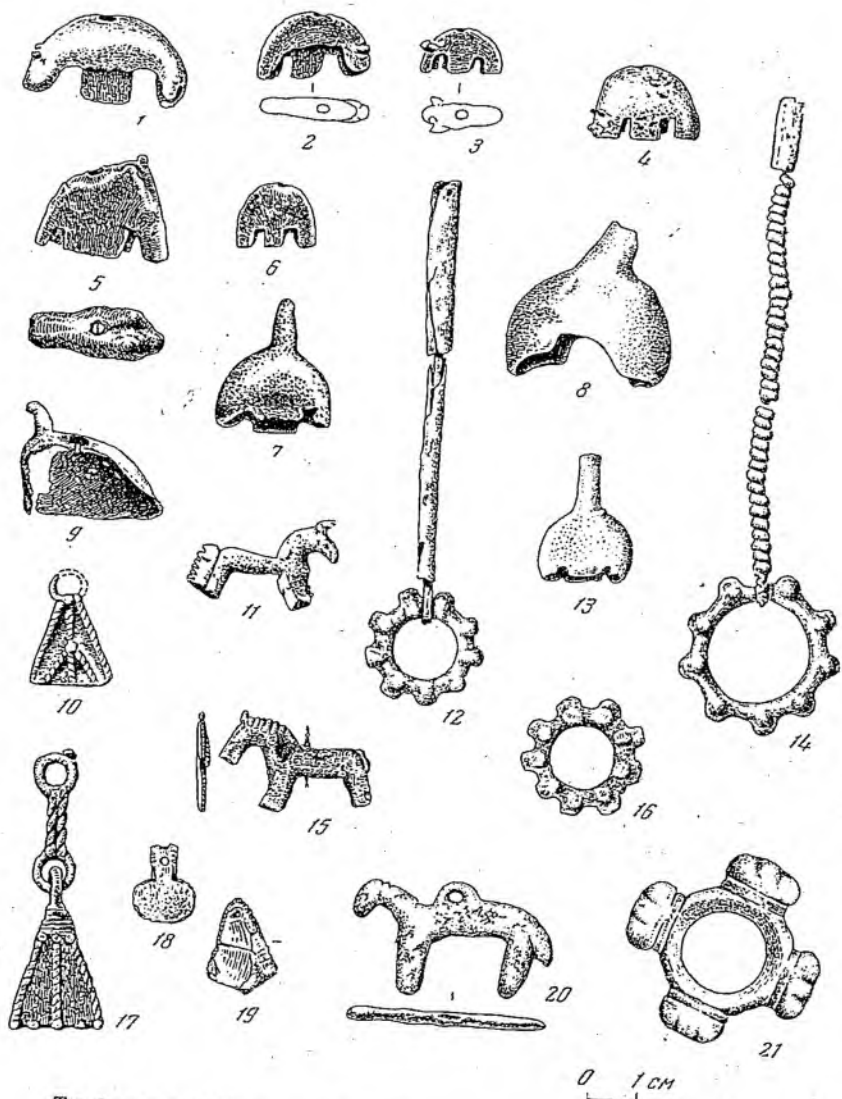

Таблица 7. Предметы украшения из Бирского могильника
 1-8, 13 — фигурки медведя; 9 — фигурка утки; 10, 17-19 — лапчатые подвески; 11, 15, 20 — фигурки лошади; 12, 14 — круглые подвески с выпукликами по краю, остатками ремня и пронизьями; 16, 21 — круглые подвески с выпукликами по краю
 1 — погребение № 25; 2 — № 39; 3 — № 28; 4 — № 25; 5, 12, 17, 21 — № 78; 6 — № 59; 7 — № 195; 8 — № 181; 9 — № 128; 10 — № 81; 11, 15 — № 130; 13 — № 192; 16 — № 137; 18 — № 31; 19 — № 8; 20 — № 112

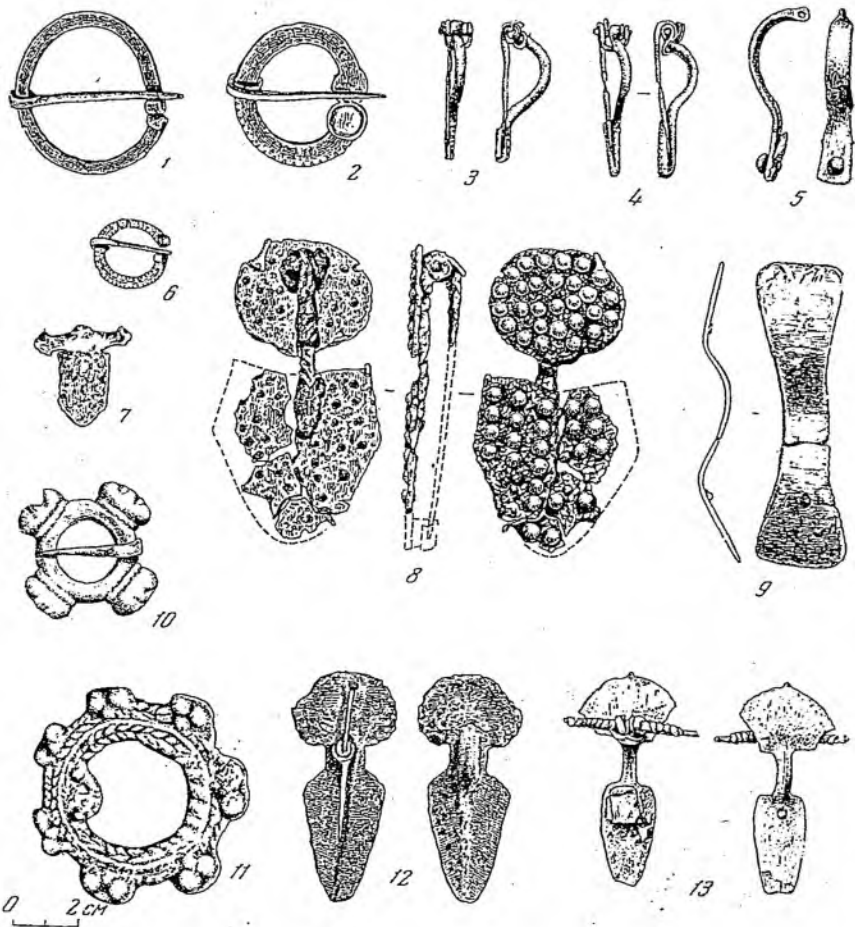

Таблица 8. Фибулы-застежки из Бирского могильника

1 — погребение № 108; 2 — № 5; 3 — № 114; 4 — подъемный материал; 5 — № 61; 6 — № 40;
7 — № 172; 8 — № 25; 9 — № 40; 10 — № 84; 11 — № 183; 12 — № 78; 13 — № 205

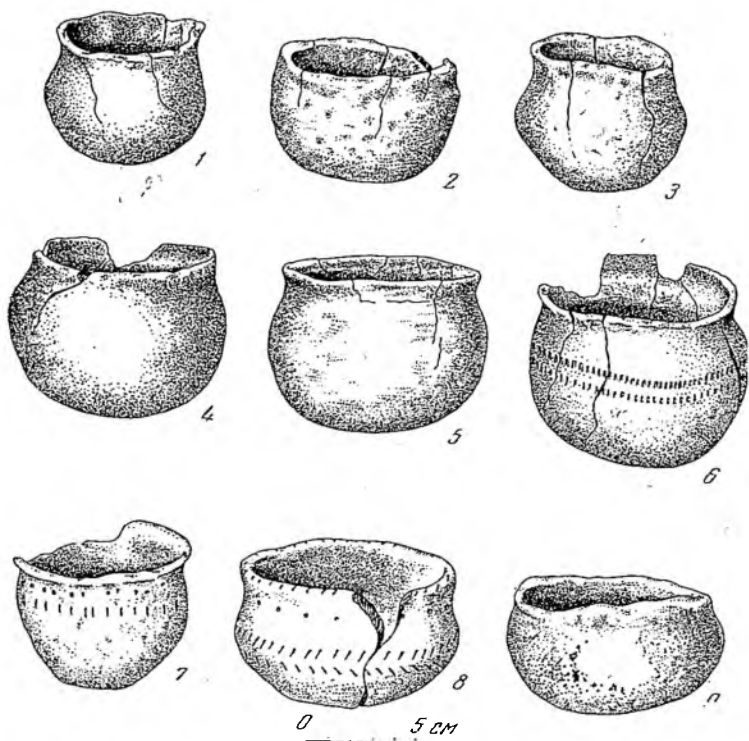
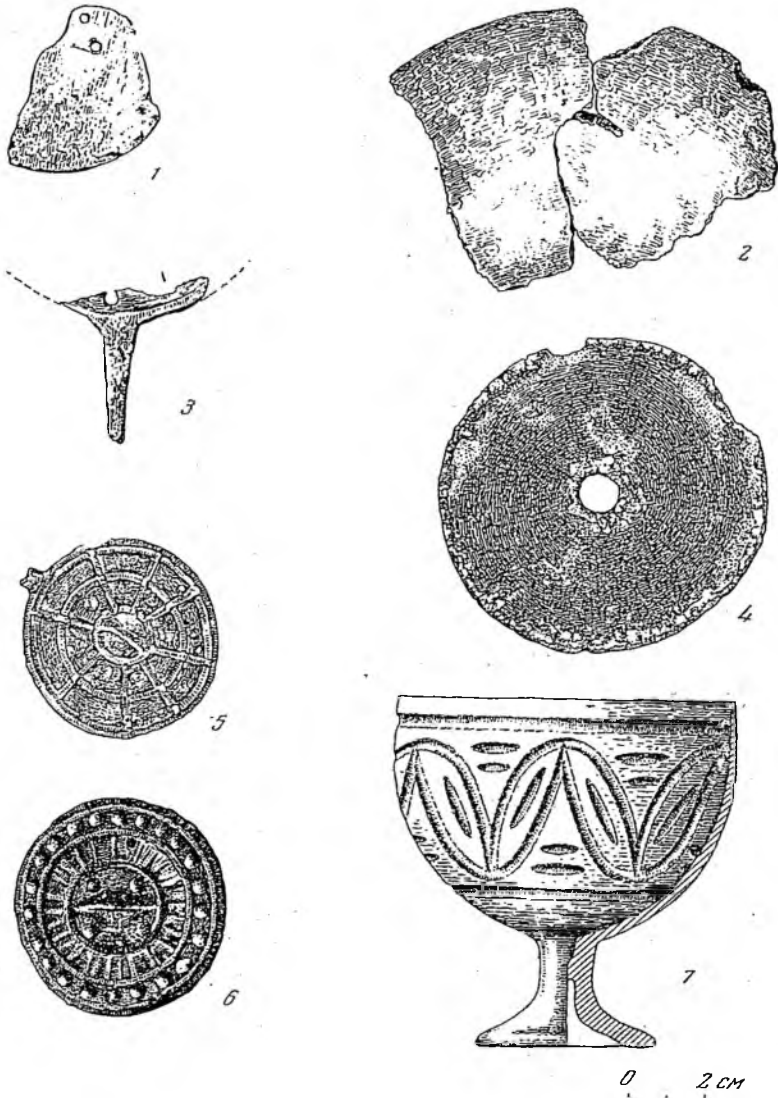

Таблица 9. Сосуды первого типа из Бирского могильника

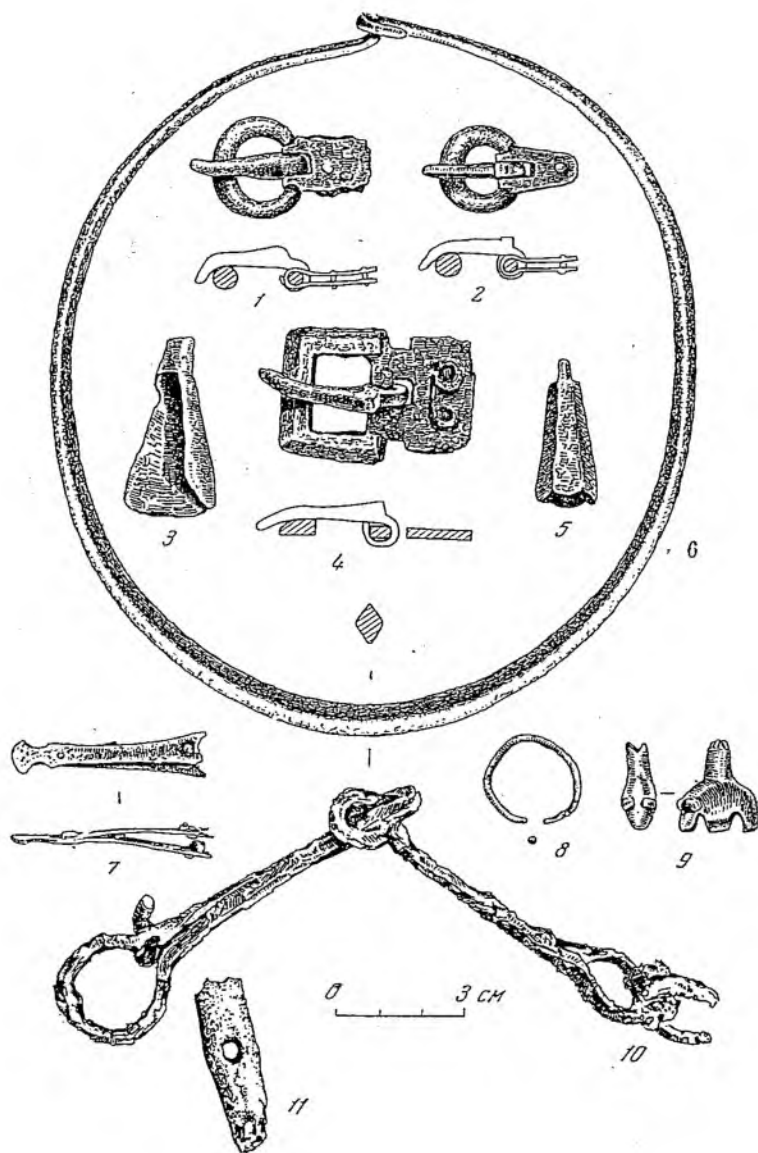
1 — погребение № 2; 2 — № 31; 3 — № 19; 4 — № 49; 5 — подъемный материал; 6 — № 4;
7 — № 53; 8 — № 18; 9 — № 64

Т а б л и ц а 10. М а т е р и а л и з п о г р е б е н и й Б и р с к о г о м о г и л ь н и к а

1—6 — м е т а л л и ч е с к и е з е р к а л а ; 7 — с т е к л я н н ы й к у б о к

1 — п о г р е б е н и е № 56; 2 — № 205; 3 — № 170; 4 — № 23; 5 — № 75; 6 — № 81; 7 — № 145

Т а б л и ц а 11. Материал из погребения № 2 Бирского могильника
 1, 2 — пряжки; 3, 5 — колоколовидные подвески; 6 — гривна; 7 — наконечники ремня;
 8 — серьга; 9 — фигурка медведя; 10 — удила; 11 — обломок костяного псалля

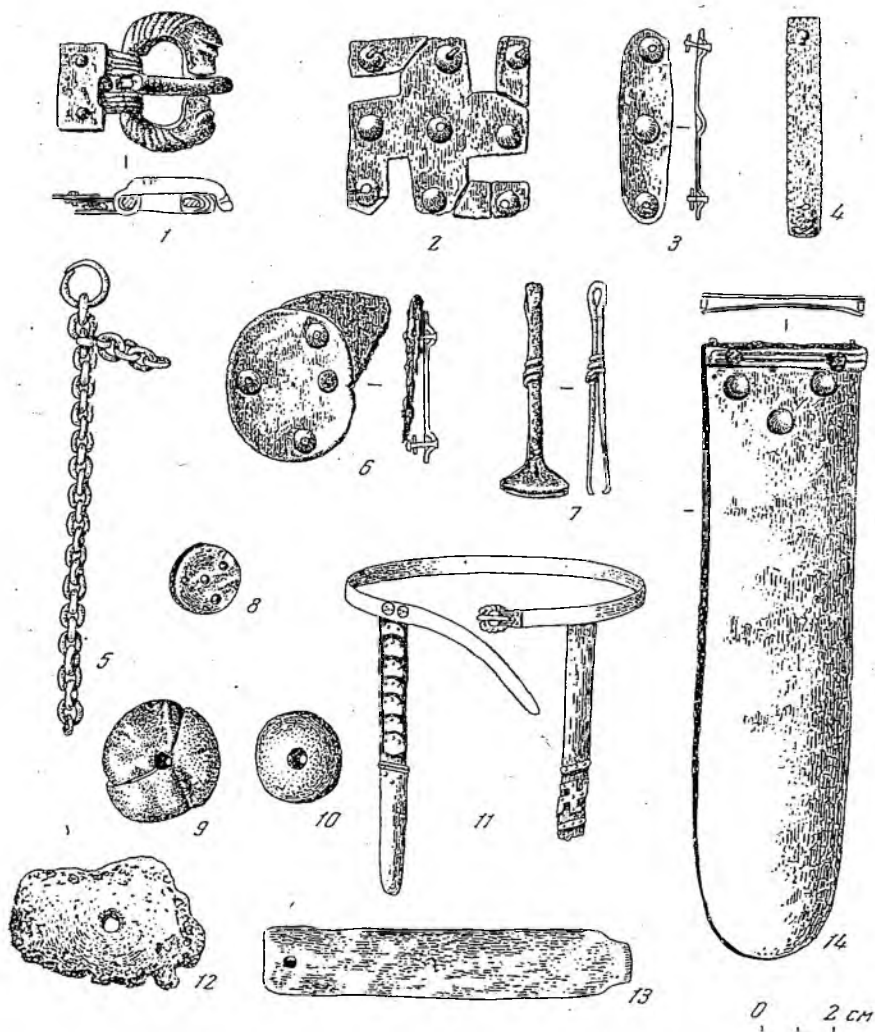

Таблица 12. Материал из погребения № 18 Бирского могильника
 1 — пряжка; 2—4, 6, 8, 13, 14 — накладки ремня; 5 — бронзовая цепочка; 7 — щипчики;
 9, 10 — янтарные бусы; 11 — реконструкция поясного ремня; 12 — подвеска из раковины

Т а б л и ц а 13. Материал из погребения № 35 Бирского могильника
 1, 2 — подвески-лунницы; 3 — фибула с бронзовыми цепочками; 4 — серьга (перстень);
 5 — височная подвеска; 6 — обломок керамики; 7 — браслет; 8—10, 12 — стеклянные бусы;
 11 — шпелек из бронзы; 13 — каменное точило; 14 — сосуд; 15 — наконечник стрелы;
 16 — втульчатый топор

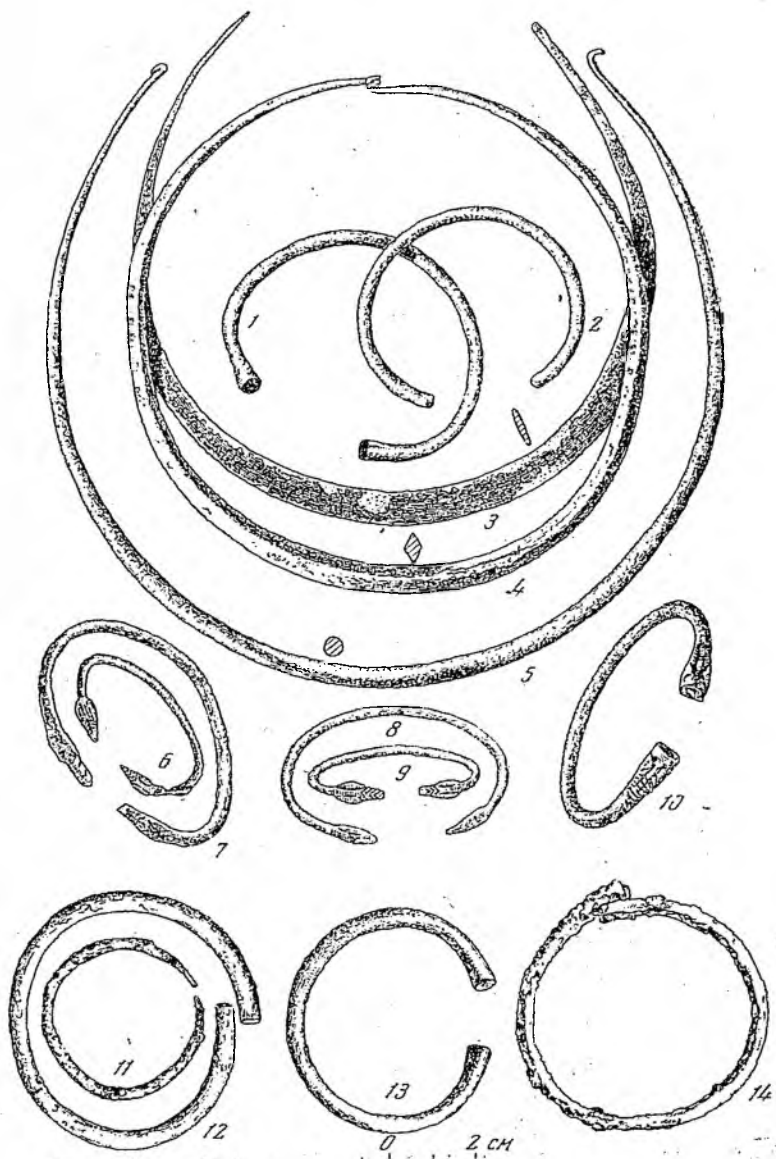

Таблица 14. Браслеты и гривны из Бирского могильника

1, 2 — погребение № 81; 3 — № 108; 4 — № 125; 5 — № 128; 6, 9 — № 78; 7 — № 126; 8 — № 130;
 10 — № 64; 11 — № 18; 12 — № 39; 13 — № 88; 14 — № 108

Таблица 15. Материал из погребения № 77 Бирского могильника
 1 — нож; 2, 3 — пряжки; 4 — накладка ремня; 5 — сердоликовая буса; 6 — фибула; 7 —
 браслет; 8—10 — янтарные бусы; 11 — кельт; 12 — ложкарь; 13—16 — наконечники стрел;
 17 — топор; 18 — скобель; 19 — сабля

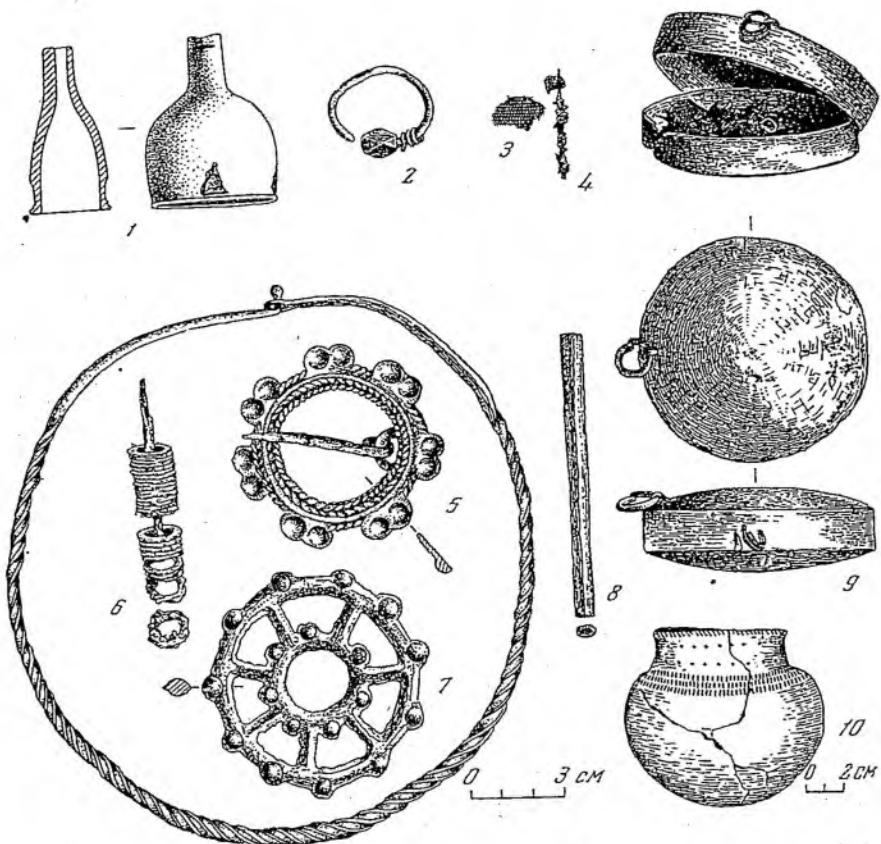
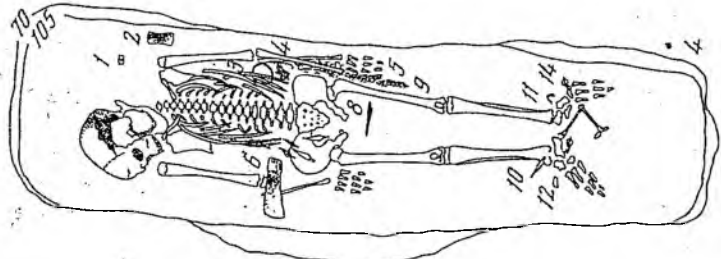
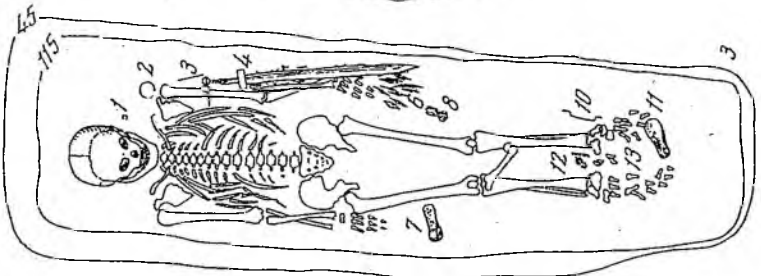
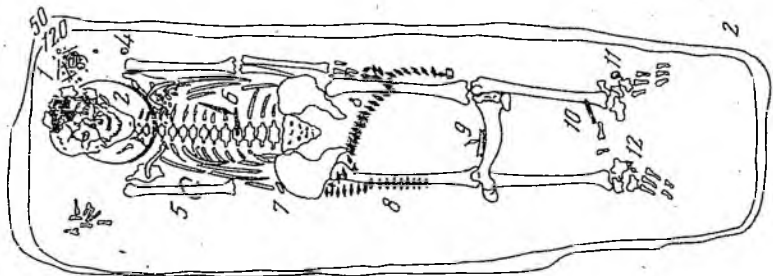
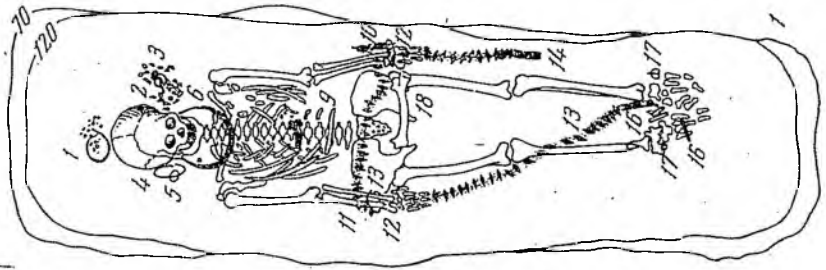
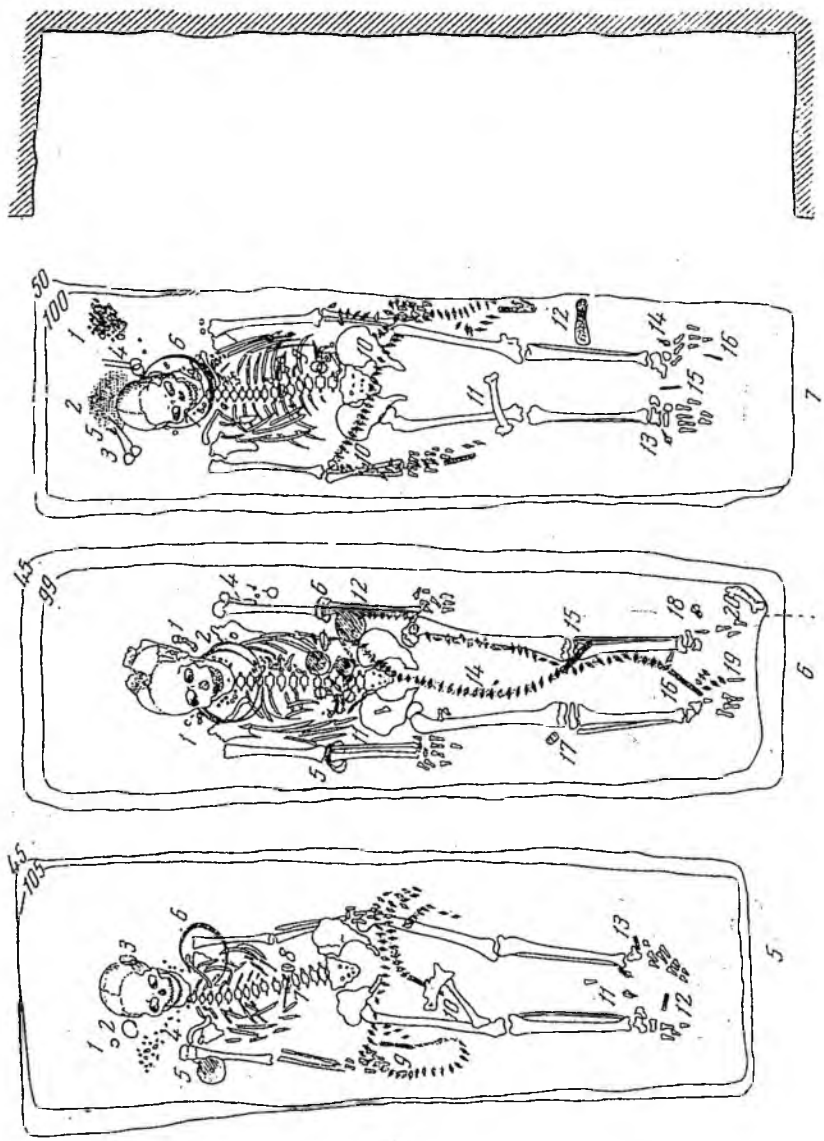
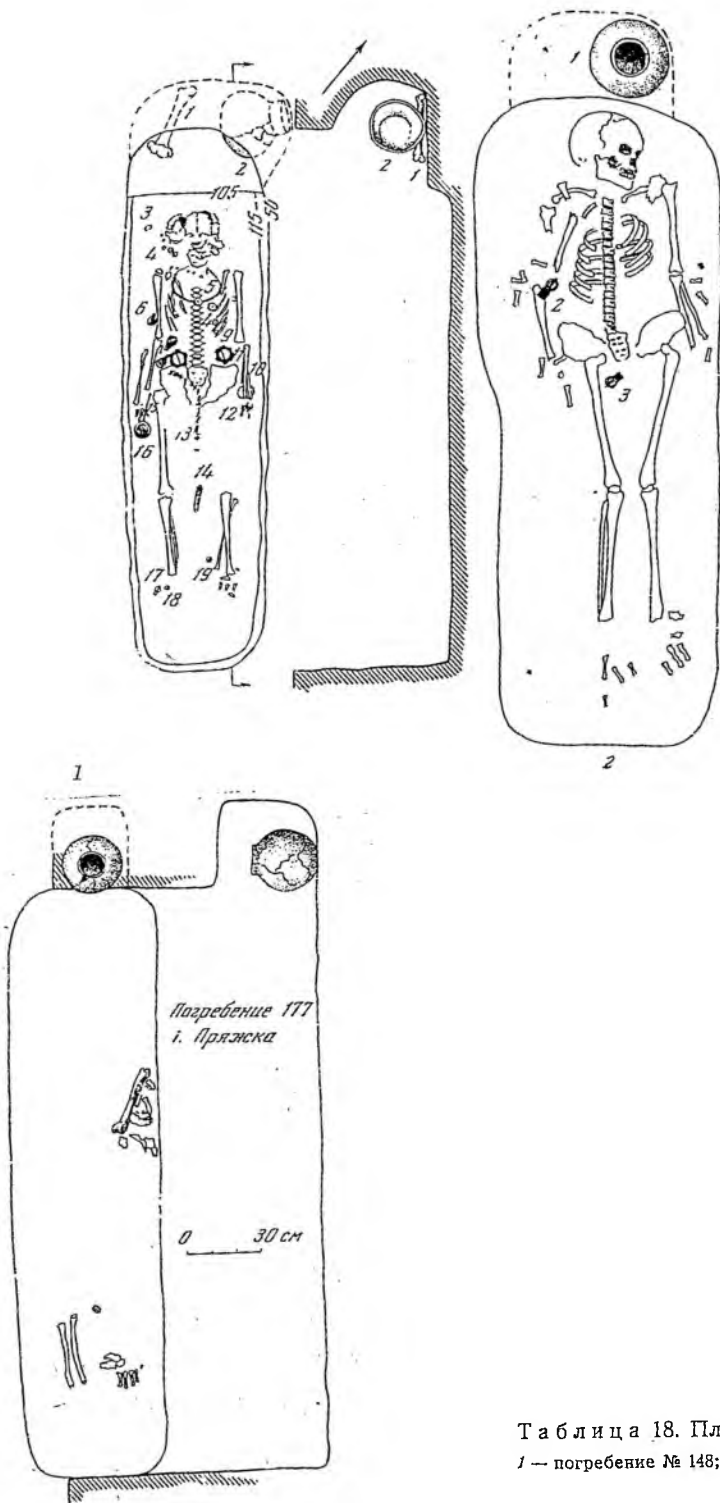

Таблица 16. Материал из погребения № 148 Бирского могильника
 1 — колоколовидная подвеска; 2 — серьга; 3 — кусок ткани; 4 — железная игла с остатками ткани; 5 — застежка-фибула; 6 — железный стержень с железными кольцами; 7 — рамчатая подвеска; 8 — бронзовая трубочка; 9 — кельт; 10 — сосуд

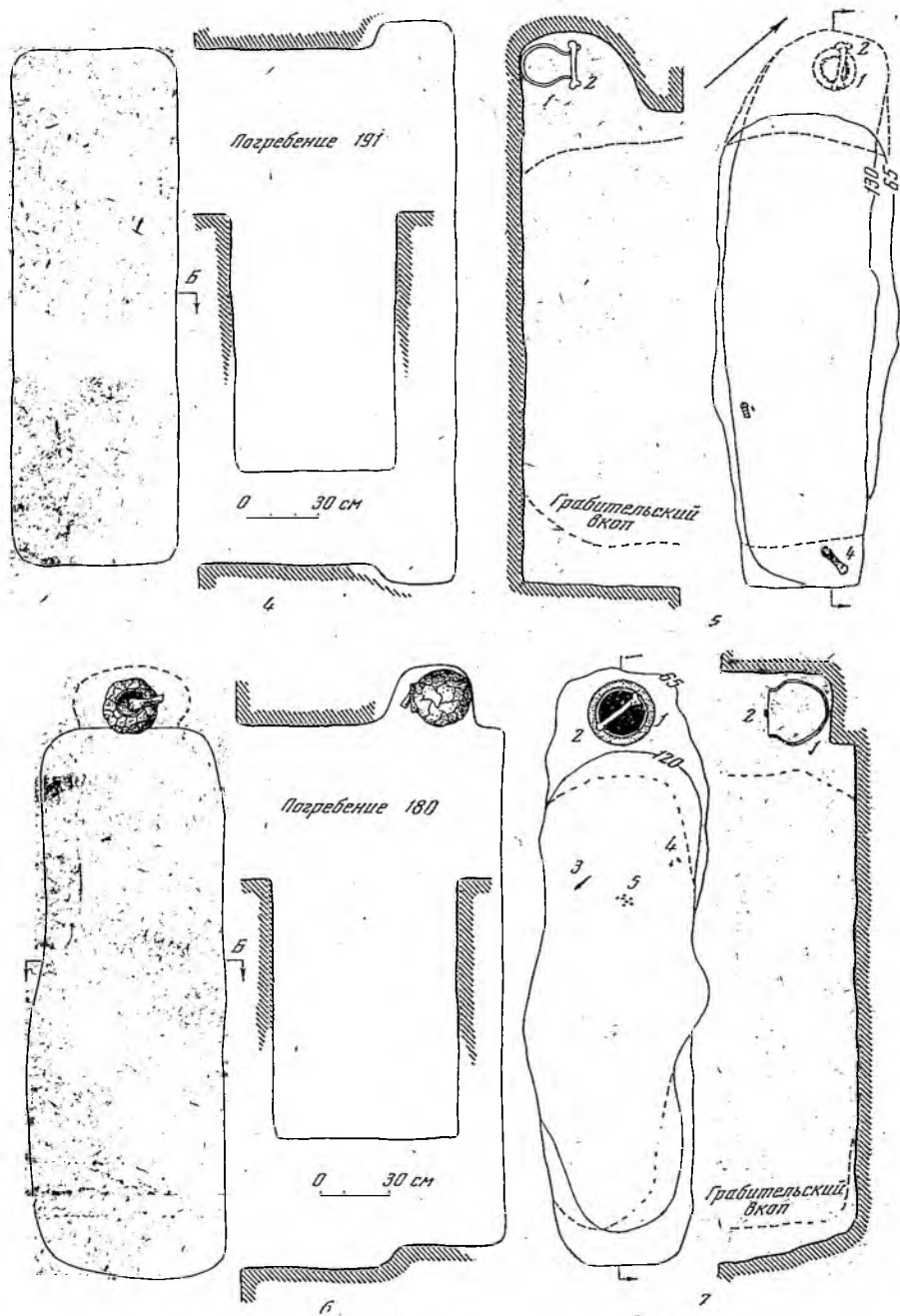

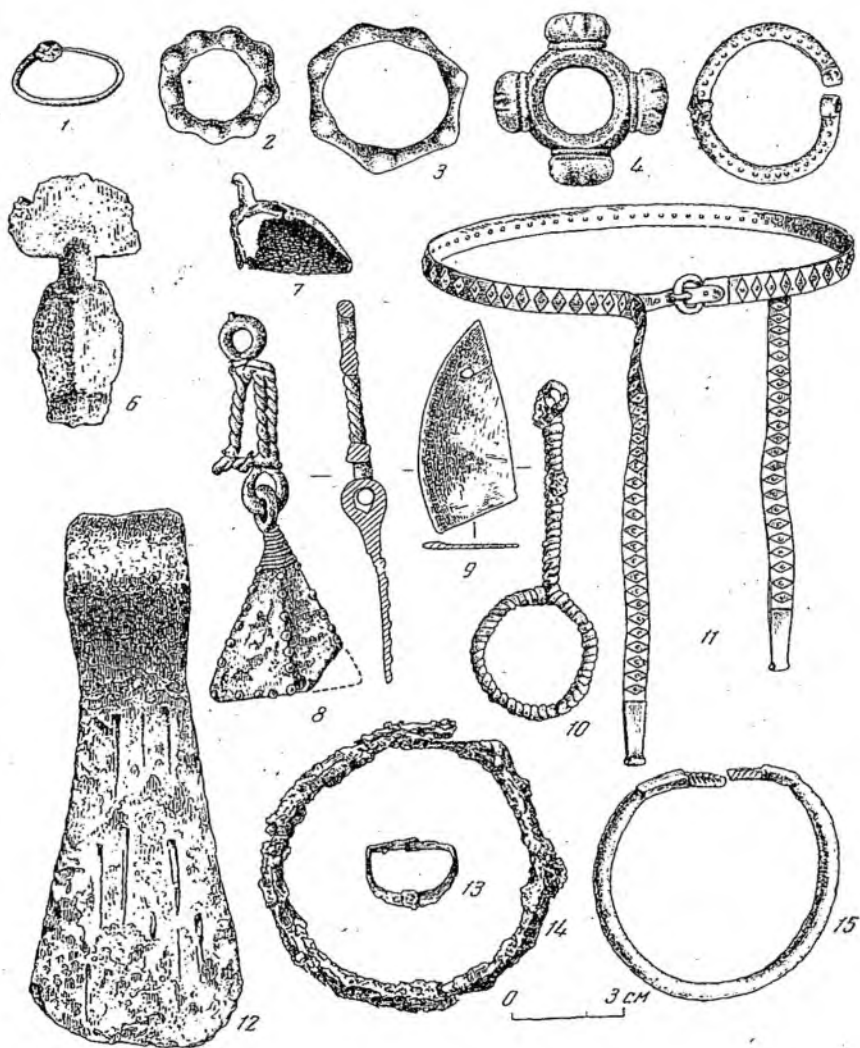
Т а б л и ц а 17. Планы поздних погребений Бирского могильника
 1 — погребение № 108; 2 — № 137; 3 — № 130; 4 — № 139; 5 — № 126; 6 — № 126; 7 — № 128

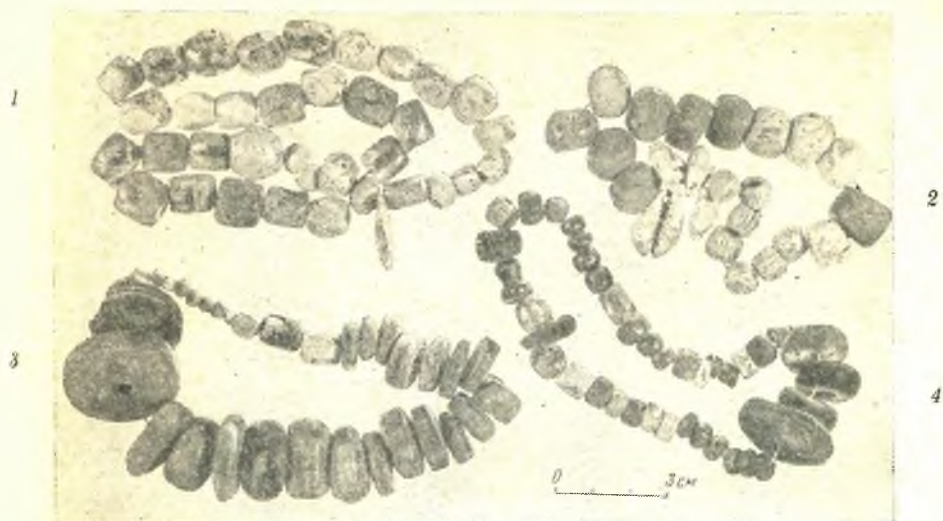
Таблиця 18. Плани поздніх
 1 — погребення № 148; 2 — № 193; 3 —

погребений Бирского могильника
 № 177; 4 — № 191; 5 — № 107; 6 — № 180; 7 — № 119

Т а б л и ц а 19. М а т е р и а л ы из по г р е б е н и я № 128 Б и р с к о г о м о г и л ь н и к а
 1 — с е р ь г а ; 2—4 — п о д в е с к и ; 5, 6 — з а с т ь ж и - ф и б у л ы ; 7 — ф и г у р к а у т о ч к и ; 8 — л а п ч а т а я
 п о д в е с к а ; 9 — п о д в е с к а — о б л о м о к з е р к а л а ; 10 — в и с о ч н а я п о д в е с к а ; 11 — р е к о н с т р у к ц и я
 п о я с н о г о р е м ь я ; 12 — т о п о р ; 13 — п е р е т е н ь ; 14, 15 — б р а с л е т ы

Т а б л и ц а 20. Ожерелья из бус из поздних погребений Бирского могильника
 1 — погребение № 108; 2 -- № 147; 3 — № 112; 4 — № 35; 5 — № 128; 6 — № 120; 7 — № 174;
 8 — № 136

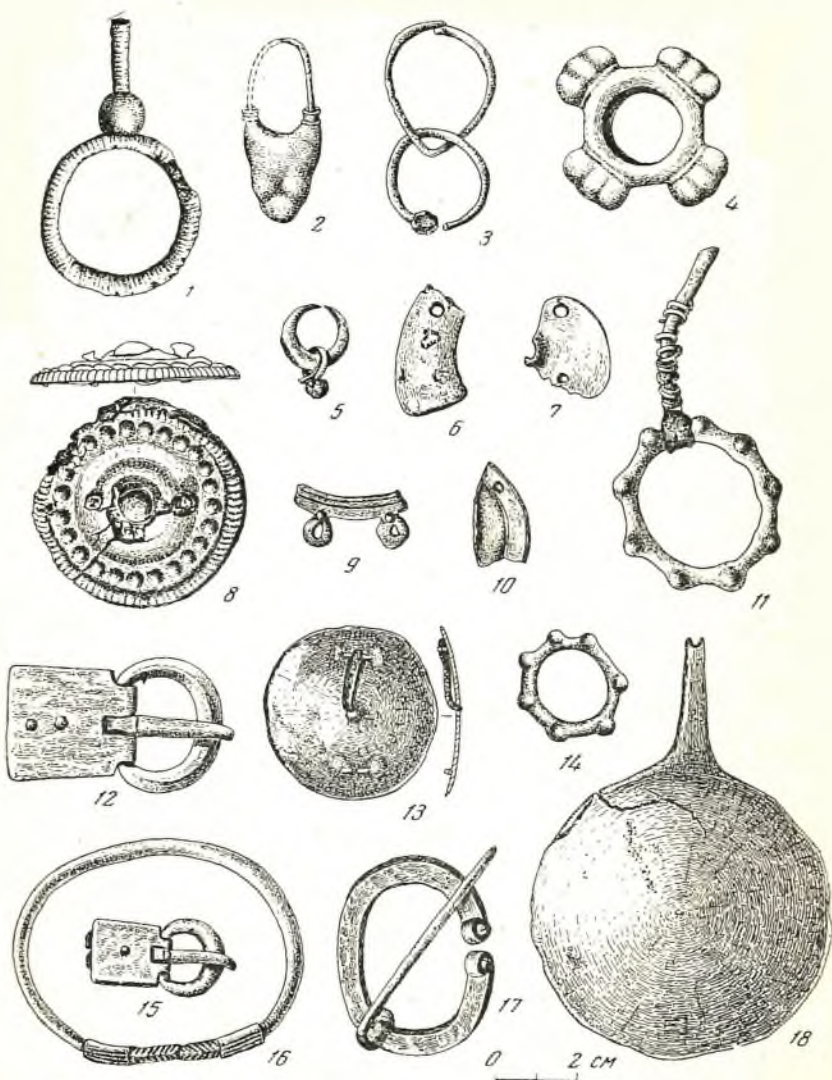
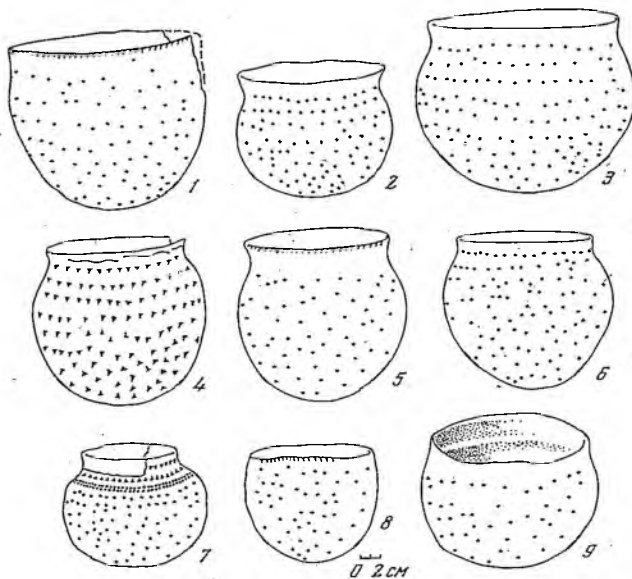
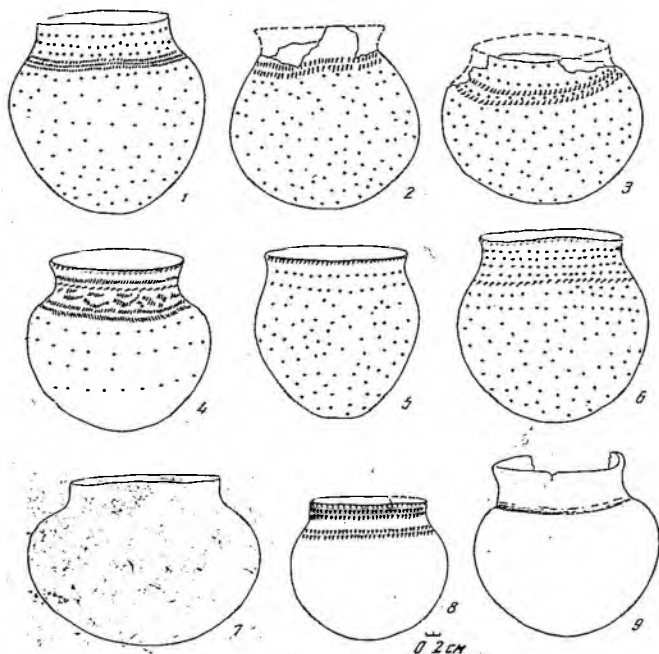

Таблица 21. Материал из погребения № 125 Бирского могильника
 1 — височная подвеска; 2, 3 — серьги; 4—11, 13, 14 — ременные подвески; 12, 15 — пряжки;
 16 — браслет; 17 — застежка; 18 — зеркало

Т а б л и ц а 22. Сосуды второго (бахмутинского) типа из поздних погребений Бирского могильника

1 — погребение № 118; 2 — № 197; 3 — № 151; 4 — № 186; 5 — № 172; 6 — № 190; 7 — № 94; 8 — № 150; 9 — № 62

Т а б л и ц а 23. Сосуды второго (бахмутинского) типа из поздних погребений Бирского могильника

1 — погребение № 193; 2 — № 179; 3 — № 189; 4 — № 145; 5 — № 188; 6 — № 182; 7 — № 173; 8 — № 177; 9 — № 180

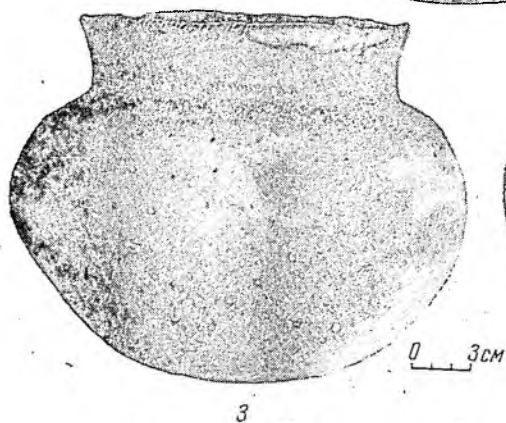
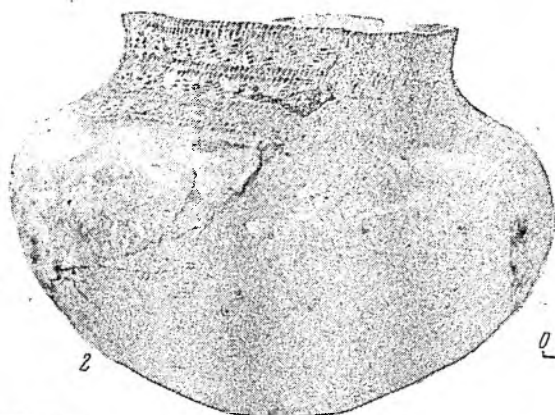
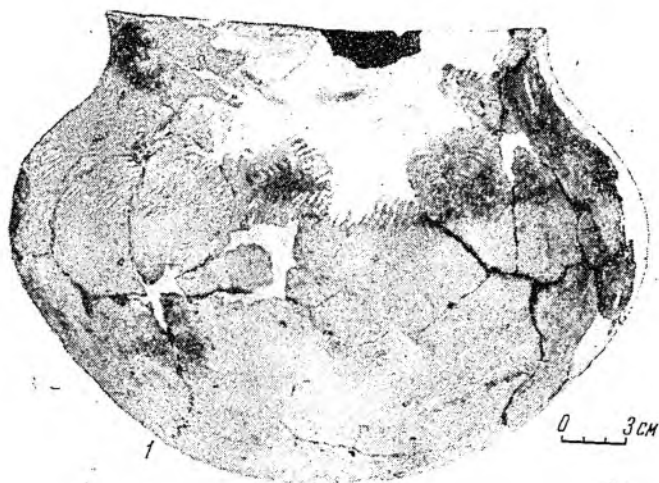
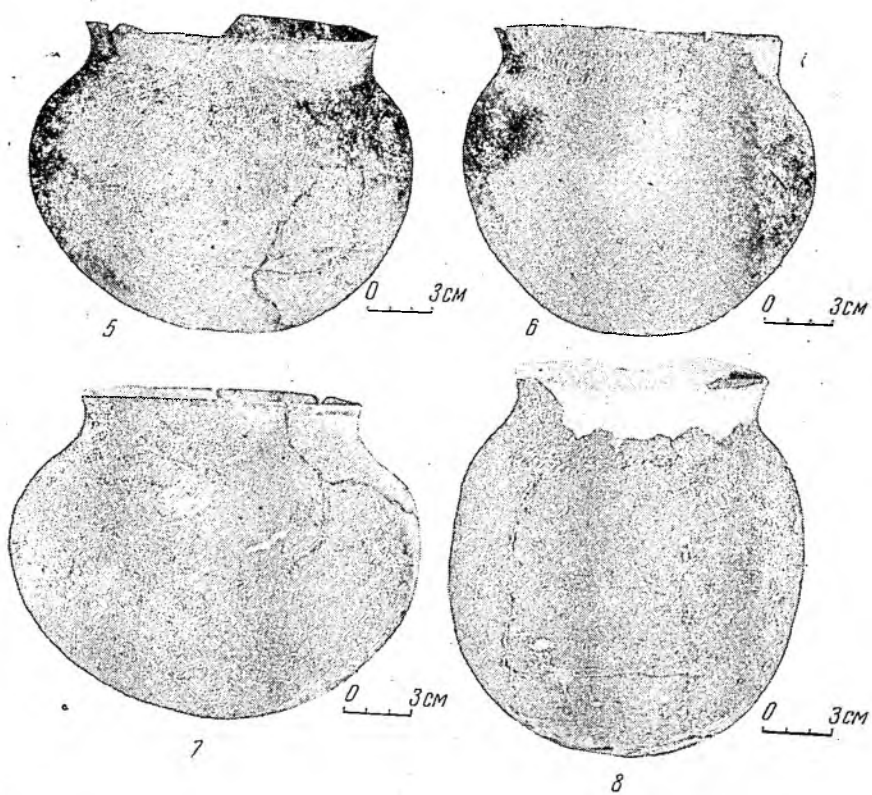

Таблица 24. Сосуды третьего типа из поздних погребений
1 — погребение № 79; 2 — № 89; 3 — № 106; 4 — № 166;

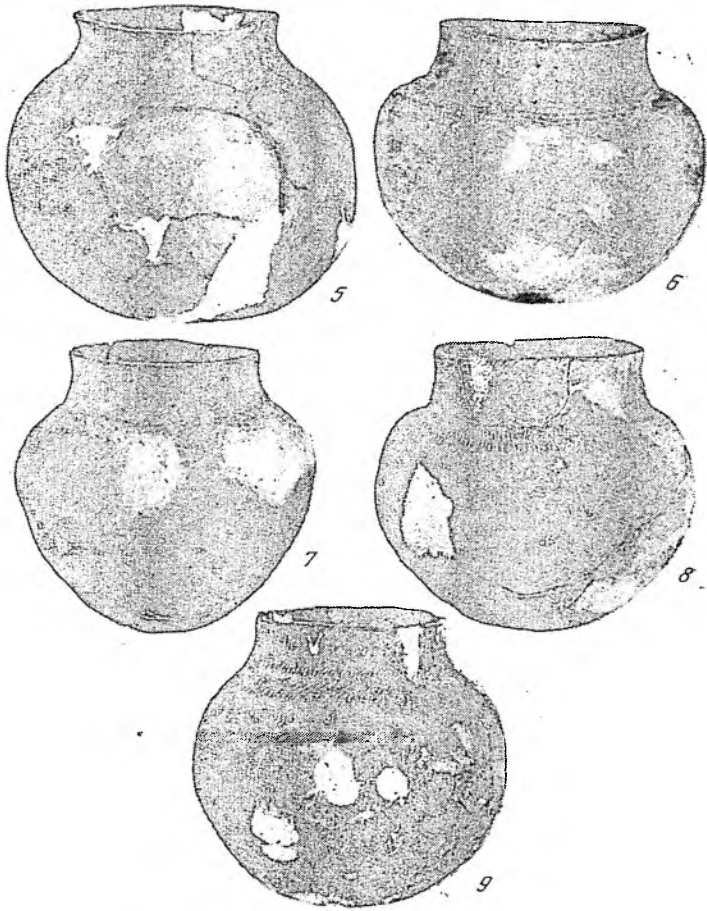

Бирского могильника

5 — № 145; 6 — № 144; 7 — № 103; 8 — № 119

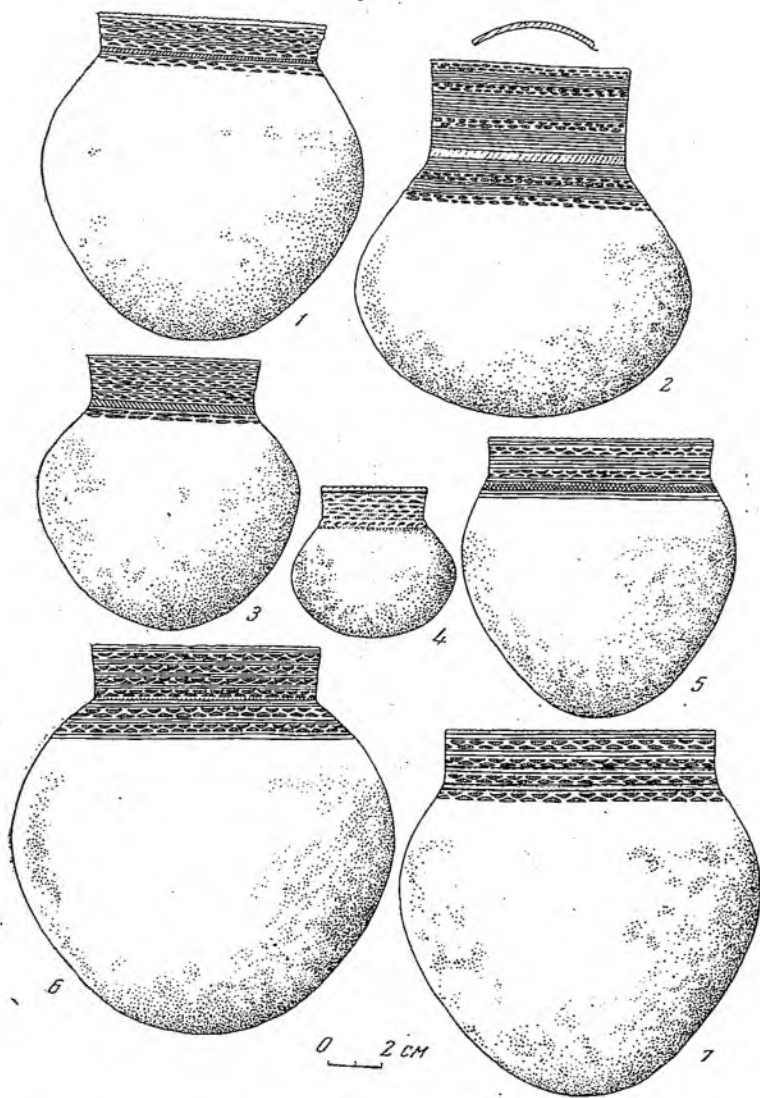

Т а б л и ц а 25. Сосуды четвертого (турбаслинского) типа из поздних погребений — погребение № 90; 2 — подъемный материал; 3 — № 164; 4 — № 196;

бений Бирского могильника

5 — № 112; 6 — № 146; 7 — № 143; 8 — № 148; 9 — № 168

Т а б л и ц а 26. Сосуды пятого (кушнаренковского) типа из поздних погребений Бирского могильника
 1 — погребение № 104; 2 — № 194; 3 — № 107; 4 — № 78; 5 — № 176; 6 — № 165; 7 — № 195

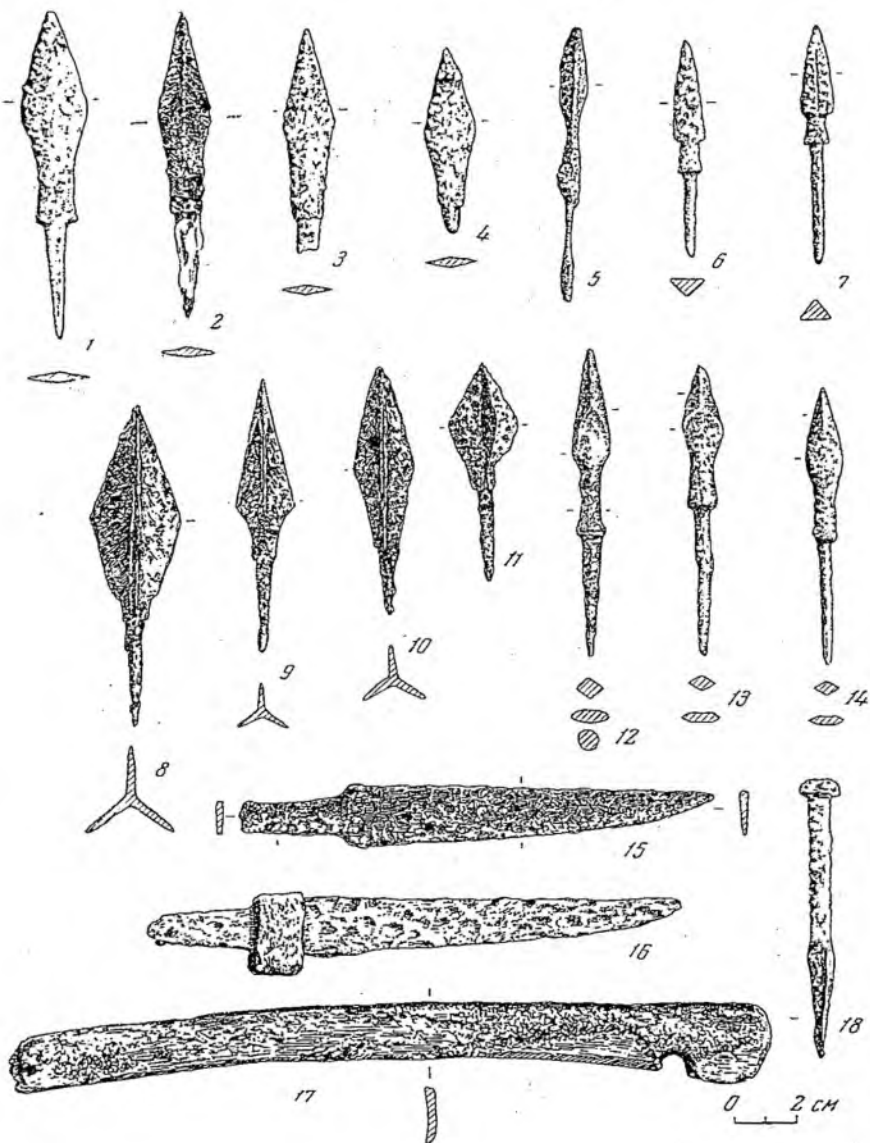
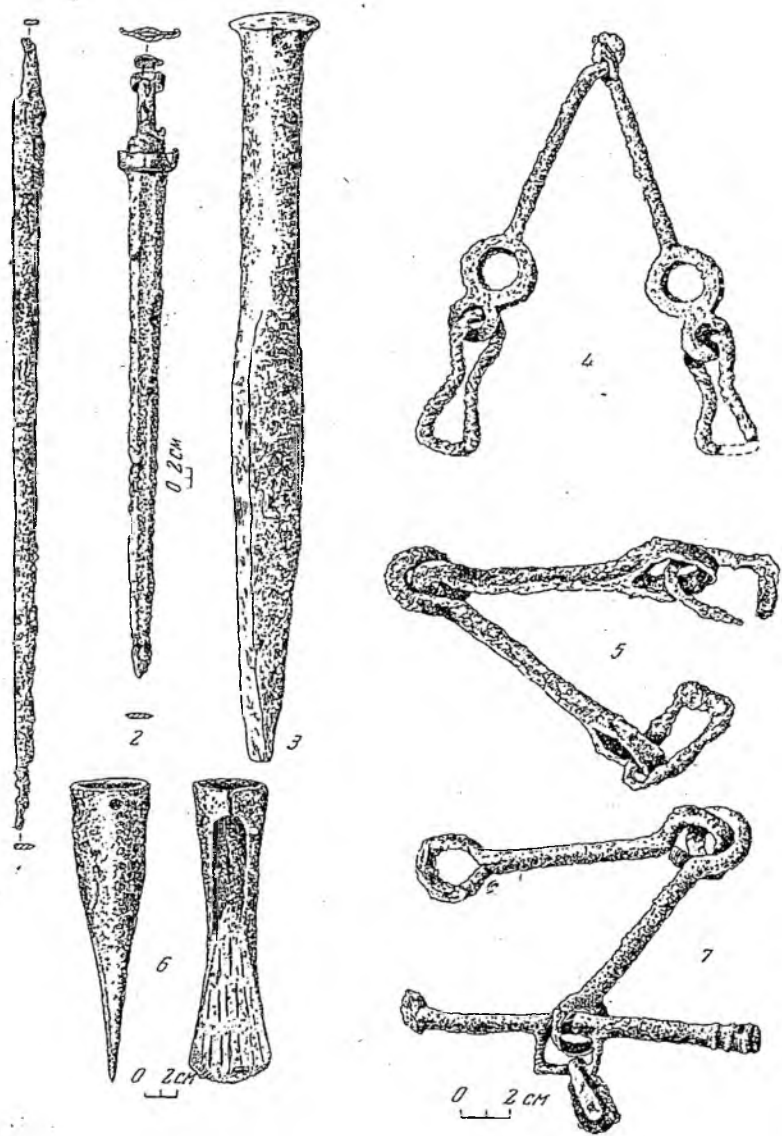

Таблица 27. Материал из поздних погребений Бирского могильника
 1-14 — наконечники стрел; 15, 16 — ножи; 17 — накладка лука; 18 — железный предмет
 (сержень)

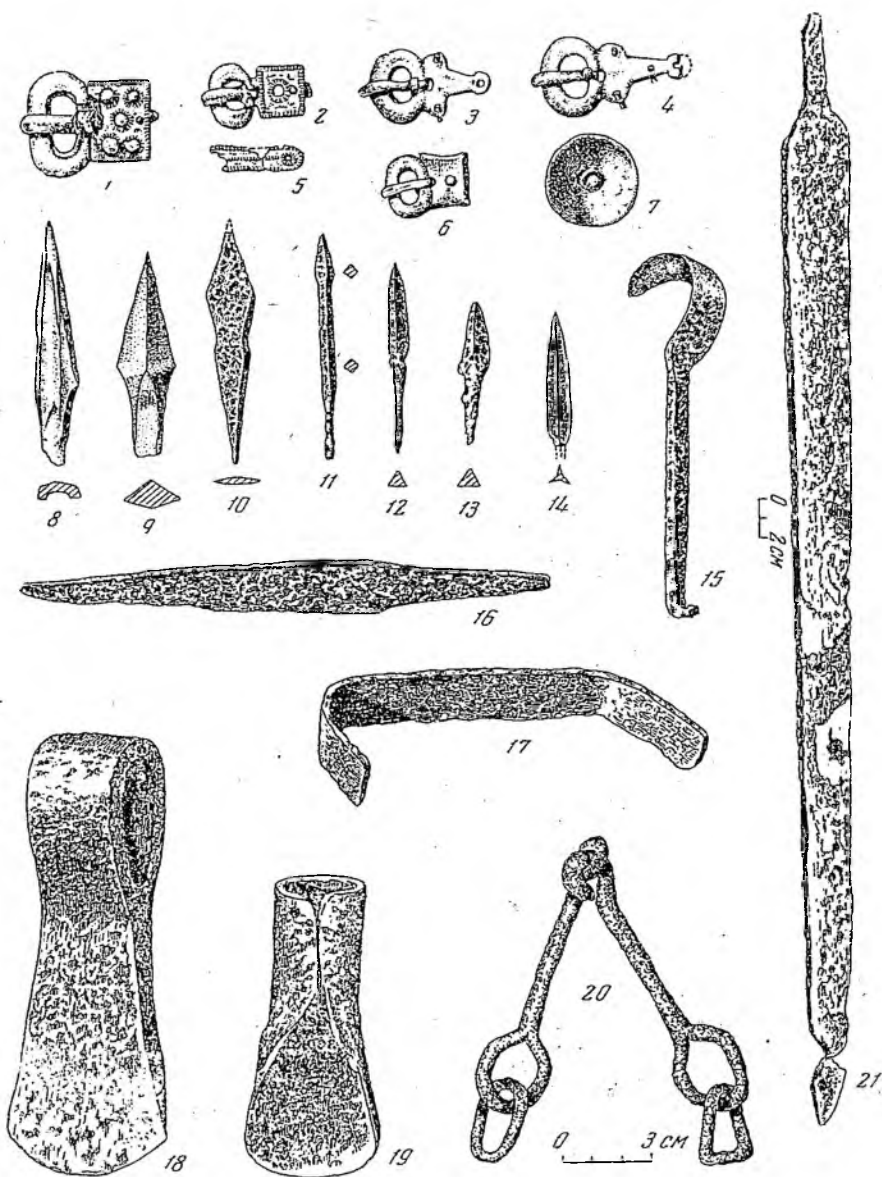
1, 2 — погребение № 139; 3, 4 — № 172; 5 — № 57; 6, 7 — № 83; 8-10, 12, 13 — № 99;
 11 — № 25; 14 — № 130; 15 — № 108; 16 — № 64; 17 — № 92; 18 — № 75

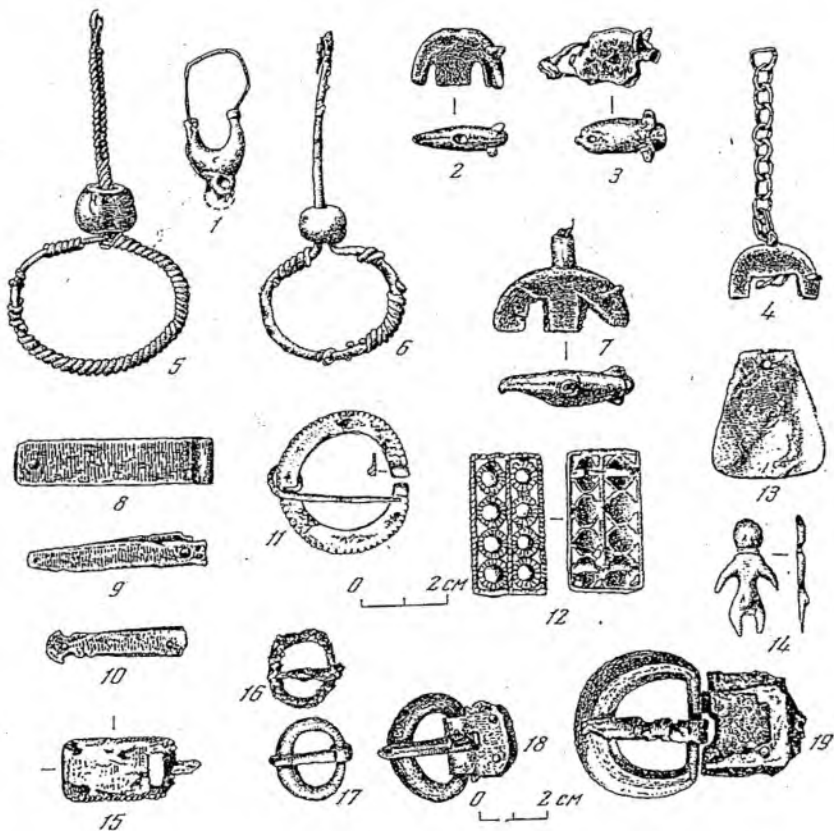
Т а б л и ц а 28. М а т е р и а л и з п о з д н и х п о г р е б е н и й Б и р с к о г о м о г и л ь н и к а

1, 2 — м е ч и ; 3 — д о л о т о ; 4, 5, 7 — у д и л а ; 6 — в т у л ь ч а т ы й т о п о р

1 — п о г р е б е н и е № 204 ; 2 — № 130 ; 3, 4 — № 88 ; 5 — № 111 ; 6 — № 99 ; 7 — № 147

Т а б л и ц а 29. М а т е р и а л ы из по г р е б е н и я № 156 Б и р с к о г о м о г и л ь н и к а
 1—4, 6 — п р я ж к и ; 5, 7 — н а к л а д к и р е м н я ; 8—14 — н а к о н е ч н и к и р е м н я с т р е л ; 15 — л о ш к а р ь ;
 16 — н о ж ; 17 — с к о б е л ь ; 18 — т о п о р ; 19 — к е л ь т ; 20 — у д и л а ; 21 — м е ч

Т а б л и ц а 30. М а т е р и а л ы из Бахмутинского и Каратамакского могильника
 1 — серьга; 2—4, 7 — подвески-фигурки медведя; 5, 6 — височные подвески; 8—10, 12 —
 накладки ремня; 11 — застежка; 13 — подвеска-обломок зеркала; 14 — фигура человека;
 15—19 — пряжки
 1, 4, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 19 — Бахмутинский могильник; 2, 3, 5, 8—10, 16—18 — Каратамакский
 могильник

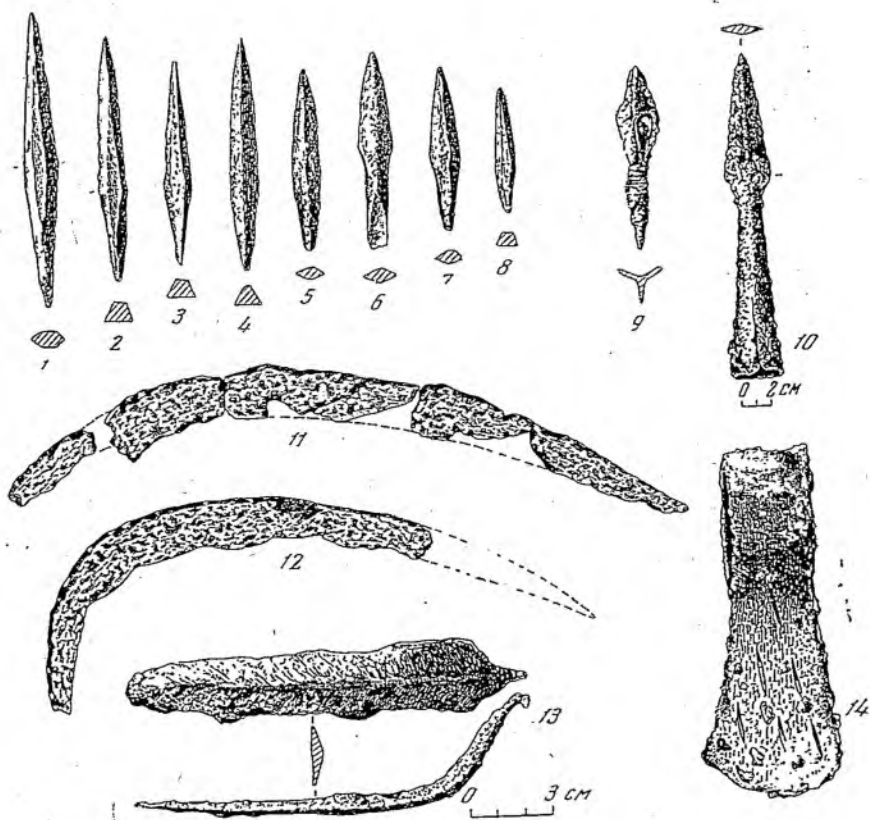

Таблица 31. Материал из Бахмутинского и Каратамакского могильников
 1-9, — наконечники стрел; 10 — наконечник копья; 11, 12 — серпы; 13 — железный предмет (кочедык?); 14 — топор
 1-8, 11-13 — Каратамакский могильник; 9, 10, 14 — Бахмутинский могильник

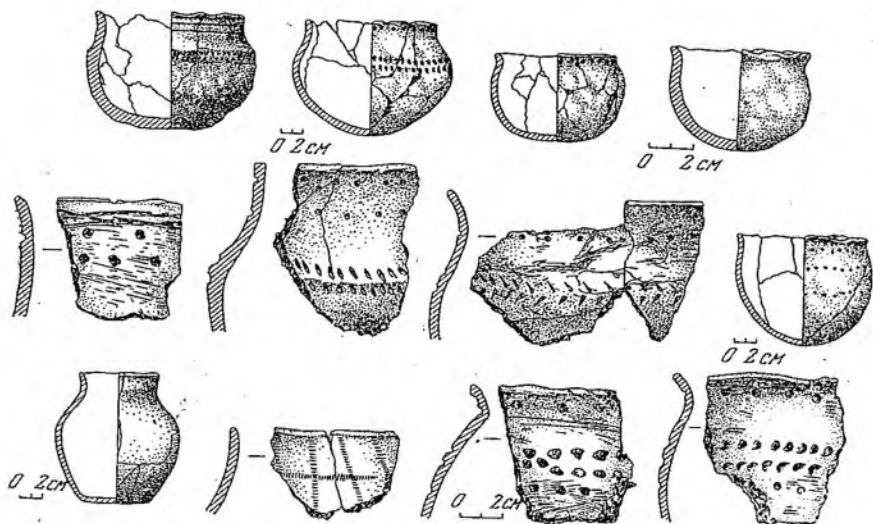

Таблица 32. Керамика из Бахмутинского могильника

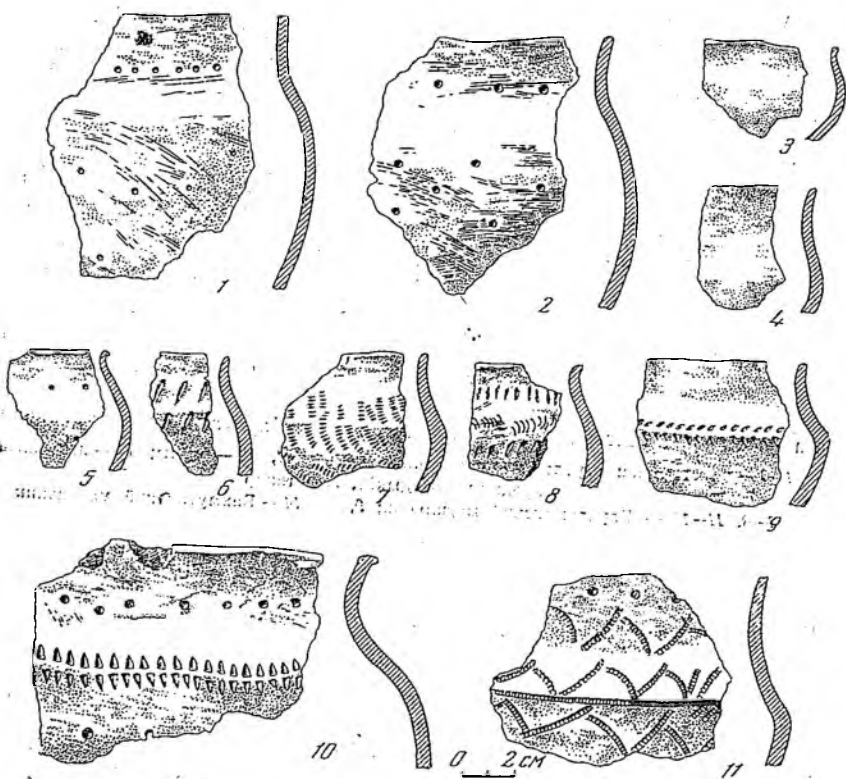

Таблица 33. Керамика из Кансиарского городища

Бахмутинская культура

Пьяноборская культура

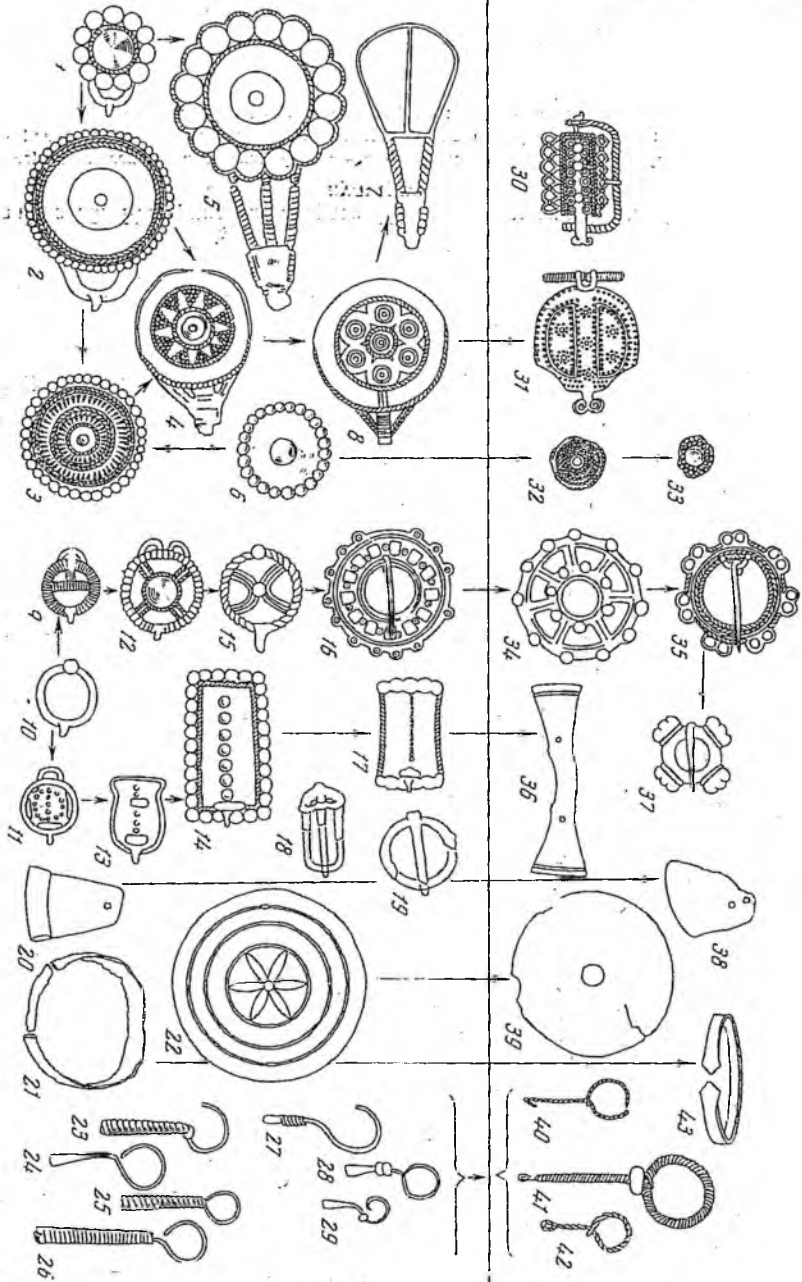

Таблица 34. Материалы пьяноборских и бахмутинских могильников (в плане сопоставления)

1-15, 17-19, 23-29 — могильник Камышлы-Тамек; 16 — могильник Нарганада II; 20-22 — Вилитки ровский могильник; 21 — Чагаевский могильник; 30-31 — Сайтынский могильник; 32, 43 — Бирский могильник

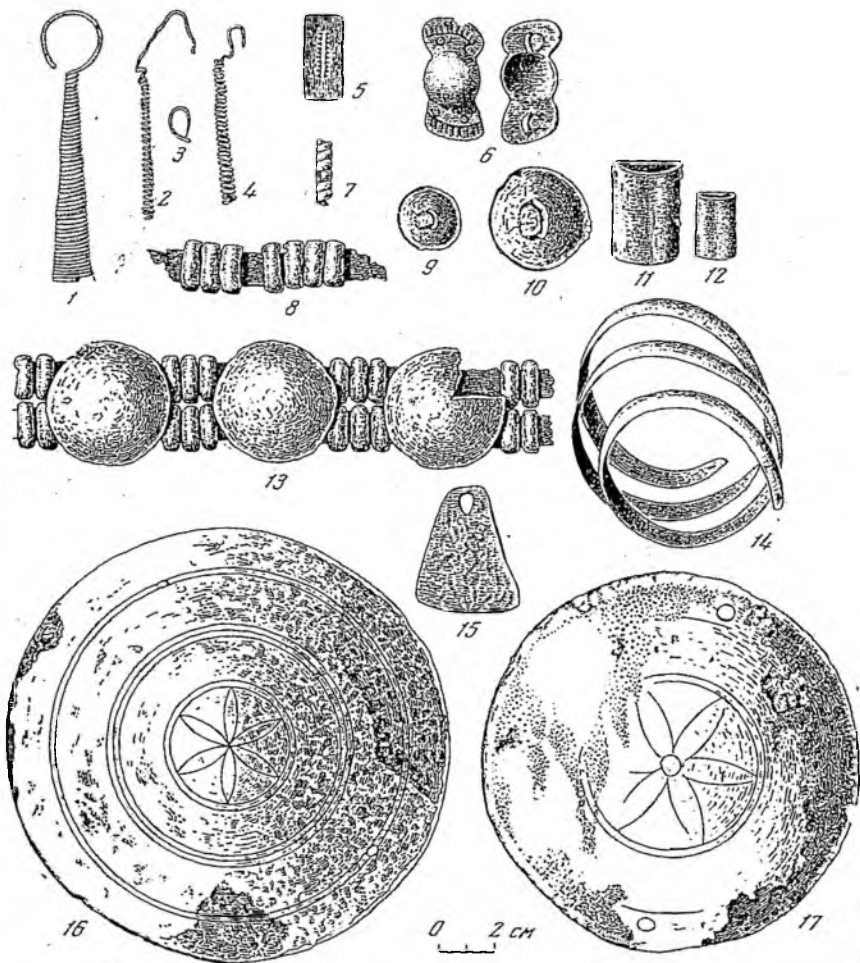
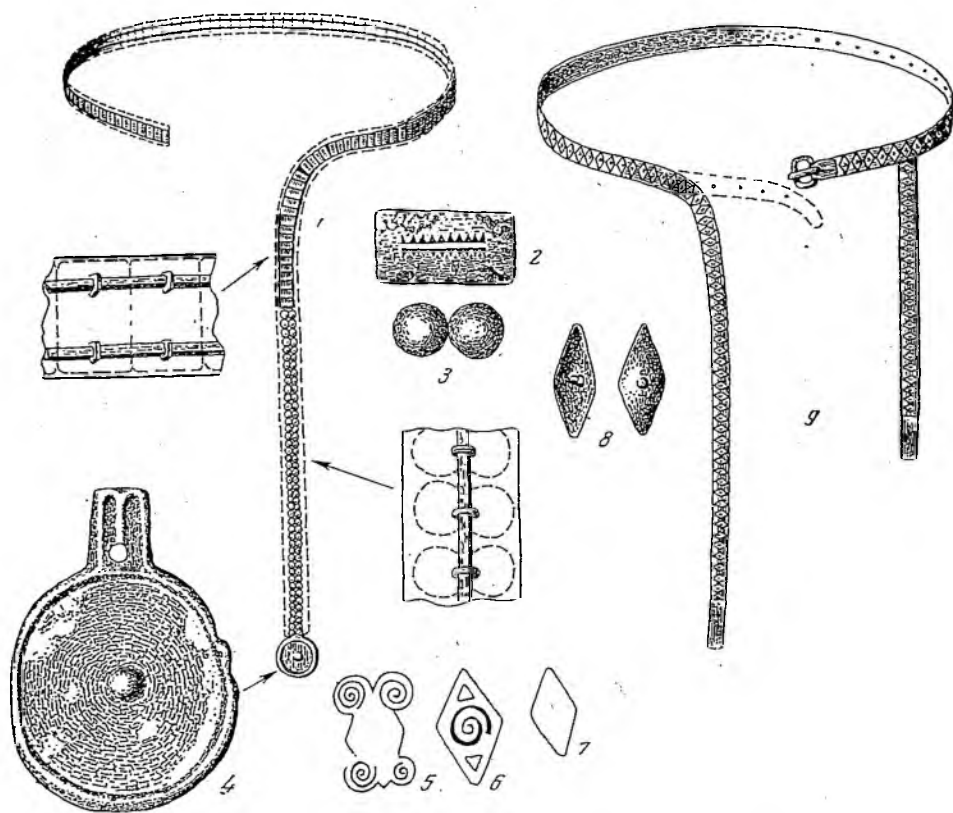

Таблица 35. Материал из второго Уфимского могильника. Пьяноборская культура

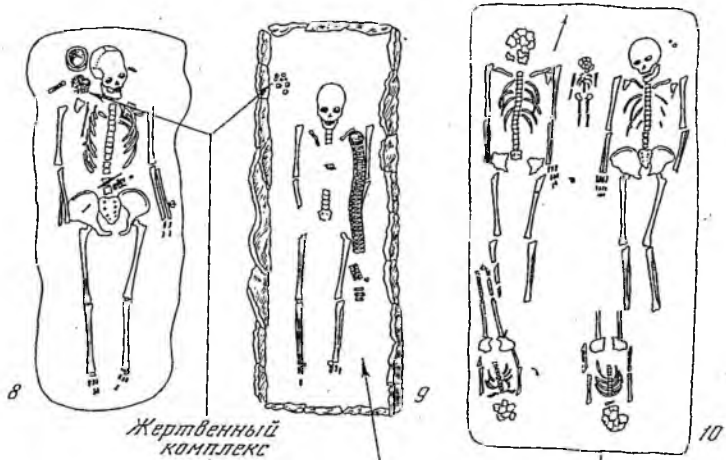
1—4 — серьги, височные подвески; 5, 6, 9—12 — поясные накладки; 7 — обломок спирали; 8, 13 — реконструкция деталей поясного ремня и украшений одежды (?); 14 — браслет; 15 — подвеска — обломок зеркала; 16, 17 — зеркала

Т а б л и ц а 36. Реконструкция поясных ремней Камышлы-Тамакского и Бирского могильников (в плане сопоставления)

1—7 — Камышлы-Тамакский могильник; 8—9 — Бирский могильник

Бахмутинская культура

Пьяноборская культура

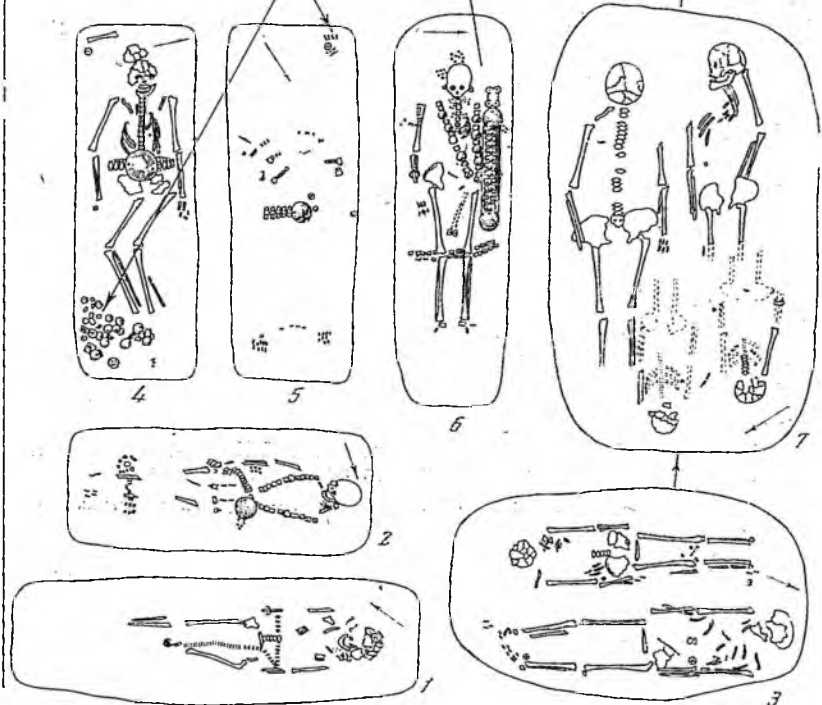
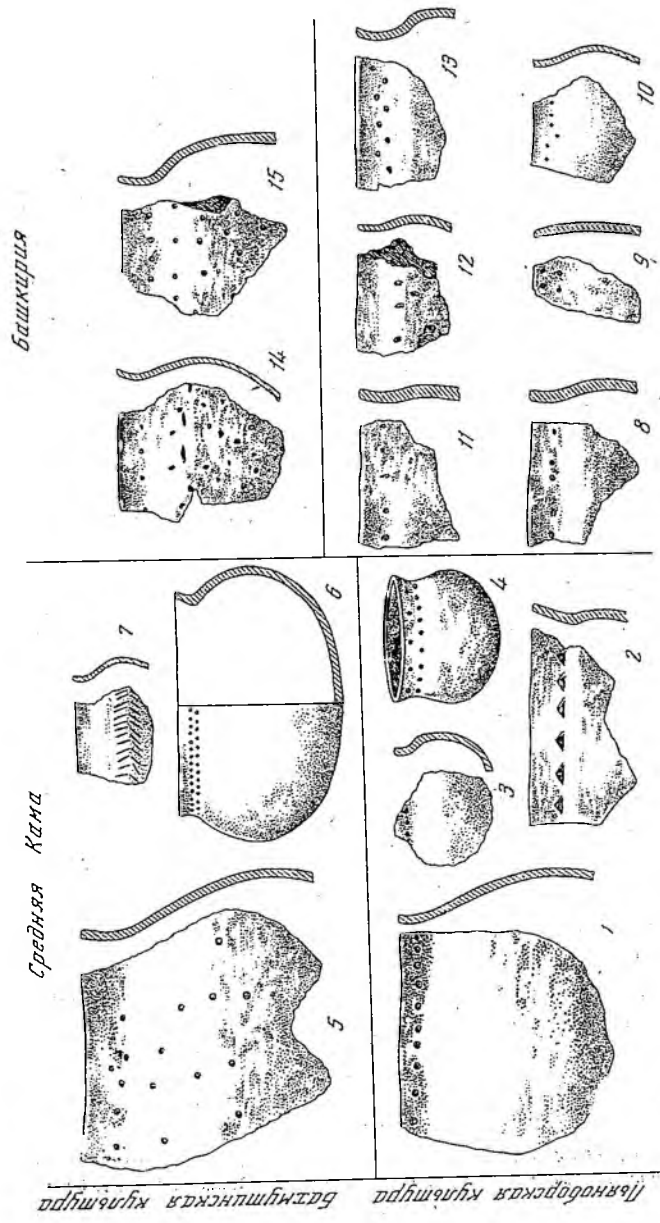

Таблица 37. Планы погребений пьяноборских и раннебахмутинских могильников (в плане сопоставления)

1, 3 — Камышлы-Тамакский могильник; 2, 4 — Охлебининский могильник; 5 — Шиповский могильник; 6 — Биктимировский могильник; 7 — Чиатавский могильник; 8 — Бирский могильник; 9 — Мазунинский могильник; 10 — Каратамакский могильник

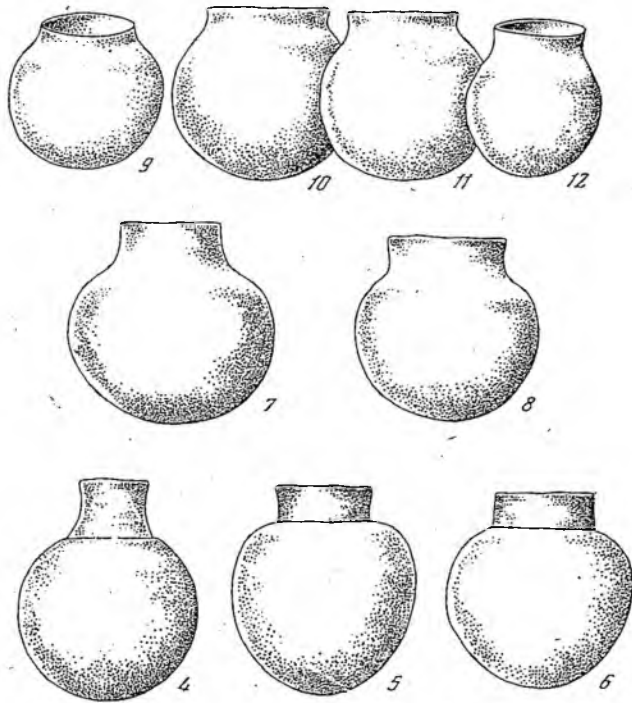

Льяновборская культура
 Средняя Кама
 Башкирия

Т а б л и ц а 38. Керамика пьяноборской и бахмутинской культур (в плане сопоставления)

1, 3, 5, 7 — городище Чеганда II; 2, 4 — городище Чеганда I; 6 — могильник Сайгатка; 8—13 — городище Виктиррово; 14, 15 — городище Бирск

Турбаслинская культура (V-VII вв. н.э.)

Сарматская культура (VII вв. до н.э.)

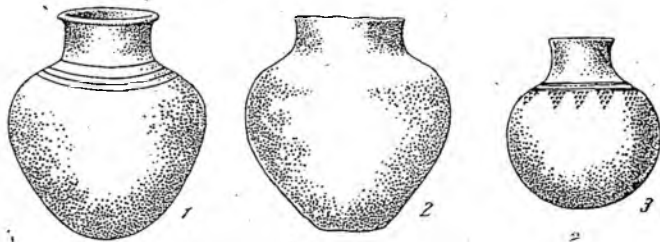

Таблица 39. Керамика сарматских и турбаслинских могильников (в плане сопоставления)

1 — Калмыково; 2 — Сибай; 4 — Ст. Кишки; 5, 6, 9—12 — Ново-Турбаслы; 7 — погребение на ул. Пушкина г. Уфы; 8 — курганы в парке им. С. Орджоникидзе г. Уфы

Турбаслинская культура (V-VII вв. н.э.)

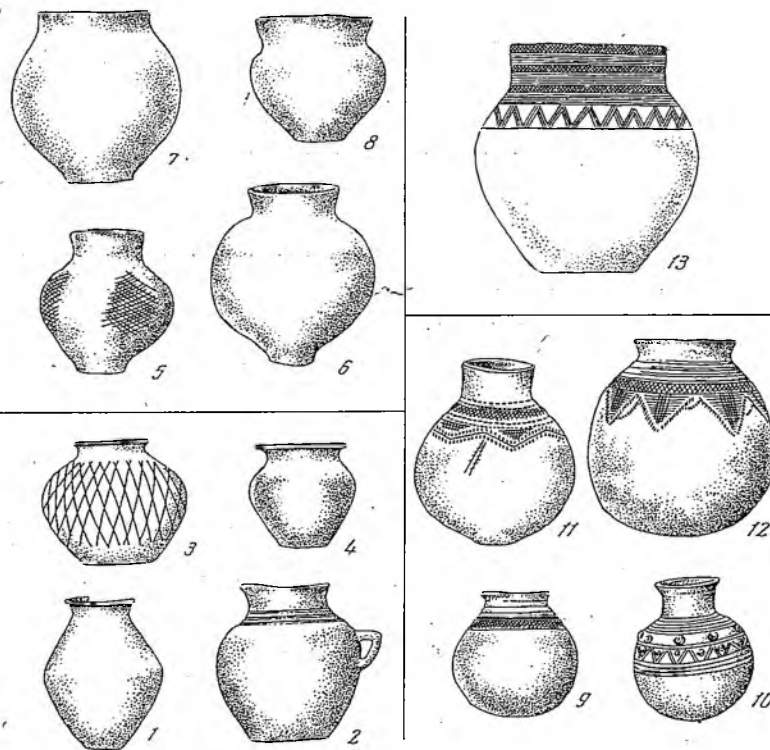

Таблица 40. Керамика сарматских и турбаслинских могильников
(в плане сопоставления)

1 — Калмыково; 2 — Ст. Кишки; 3 — Мечет-Сай; 4 — Башкирское; 5, 8 — Кушнаренково;
6, 7 — Ново-Турбаслы; 9 — Ново-Кумак; 10 — Близнецы; 11 — Пятимары; 12 — Ново-Кумак;
13 — Ново-Турбаслинский

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	3
<i>Глава I.</i> Ранние памятники бахмутинской культуры	10
<i>Глава II.</i> Поздние памятники бахмутинской культуры	29
<i>Глава III.</i> Пьяноборские памятники и происхождение раннебахмутинской культуры	49
<i>Глава IV.</i> Памятники турбаслинского типа и формирование позднебахмутинской культуры	65
<i>Глава V.</i> К вопросу об этнической принадлежности бахмутинской культуры	74
<i>Приложение.</i> Бирский могильник	84
Литература	114
Список сокращений	119
Таблицы 1—40	

Нияз Абдулхакович Мажитов

Бахмутинская культура

Утверждено Уфимским институтом истории, языка и литературы Академии наук СССР

Редактор *Б. А. Фролов*

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*

Художник *Ю. Зеленков*. Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

Сдано в набор 29/IX 1967 г. Подписано к печати 19/I 1968 г. Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 1
Уч.-изд. л. 11,46. Уч.-изд. л. 10,25. Тираж 2300 экз. Т-01724 Тип. зак. 3535

Цена 75 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

75 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»